

ISSN 2587-6503

<http://kigiran.com>

БЮЛЛЕТЕНЬ

КАЛМЫЦКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

2022`3

Кермен Толга

Djagar
Banun

Source: Esri, DigitalGlobe,
GeoEye, EarthStar

ISSN 2587-6503 (Print)

Бюллетень
Калмыцкого научного центра РАН
Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS

2022. № 3

Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН

Издается с 2017 г.

Выходит 4 раза в год.
ISSN 2587-6503 (Print)
2022. № 3

Журнал **«Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН»** (**«Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS»**) зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № ФС77-77946 от 19.02.2020.

Журнал **«Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН»** (**«Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS»**) — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований в области исторических, филологических и социологических наук. Журнал предоставляет возможность познакомиться с оригинальными результатами новейших фундаментальных и прикладных исследований российских и зарубежных авторов по наиболее актуальным проблемам. В издании публикуются научные работы по источниковедению, археологии, фольклористике и литературоведению, социальной структуре, социологии.

Журнал публикует статьи на русском, английском,
калмыцком и монгольском языках.

Зарегистрирован в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Подписной индекс в каталоге Агентства «Книга-Сервис»:

33086

Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS

Published since 2017.

Issued 4 times per year.

ISSN 2587-6503 (Print)

2022. No. 3

The journal *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS* is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media, reg. certificate ПИ № ФС77-77946 of 19 February 2020.

The *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS* is a peer-reviewed open access periodical that publishes results of comprehensive historical, philological, and sociological studies. The journal introduces original outcomes of contemporary fundamental and applied explorations conducted by Russian and foreign authors on the most topical issues. The publication focuses on a range of disciplines as follows: source studies, archaeology, folklore and literary studies, social structure, sociology.

The journal publishes articles in Russian, English, Kalmyk,
and Mongolian.

Indexed with Russian Science Citation Index.

Subscription code (Kniga-Servis Agency) — 33086

Главный редактор

канд. фил. наук

В. В. Куканова

Редколлегия:

Арутюнов С. А., чл.-корр. РАН; *Бакаева Э. П.*, д-р ист. наук;
Баянова А. Т., канд. фил. наук; *Ванчикова Ц. П.*, д-р ист. наук;
Голенкова З. Т., д-р филос. наук; *Дампилова Л. С.*, д-р фил. наук;
Денисова Г. С., д-р соц. наук; *Дулина Н. В.*, д-р соц. наук;
Жуковская Н. Л., д-р ист. наук; *Зайцев И. В.*, д-р ист. наук;
Иванова И. Н., д-р фил. наук; *Казиева А. М.*, д-р фил. наук;
Кляус В. Л., д-р фил. наук; *Кольцов П. М.*, д-р ист. наук;
Команджаев А. Н., д-р ист. наук; *Кринко Е. Ф.*, д-р ист. наук;
Лушников Д. А., д-р соц. наук; *Манджиева Б. Б.*, д-р фил. наук;
Музраева Д. Н., канд. фил. наук, д-р ист. наук;
Очиров У. Б., д-р ист. наук; *Очир-Горяева М. А.*, д-р ист. наук;
Пюрбеев Г. Ц., д-р фил. наук; *Ринчинов О. С.*, канд. физ.-мат. наук, д-р
ист. наук; *Ситдиков А. Г.*, д-р ист. наук;
Фокин А. А., д-р фил. наук; *Хабунова Е. Э.*, д-р фил. наук;
Ханинова Р. М., д-р фил. наук; *Ярмаркина Г. М.*, канд. фил. наук

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста,

Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: kigiran@mail.ru

Сайт: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>

Переводчик: С. В. Джагрунов
Дизайн и верстка: Д. В. Татнинов

© КалмНЦ РАН, 2022

© Коллектив авторов, 2022

Editor-in-Chief

V. V. Kukanova,
Cand. Sc. (Philology)

Editorial Board:

Arutyunov S. A., Corresponding Member of the RAS;
Bakaeva E. P., Dr. Sc. (History); *Bayanova A. T.*, Cand. Sc. (Philology);
Vanchikova Ts. P., Dr. Sc. (History); *Golenkova Z. T.* Dr. Sc. (Philosophy);
Dampilova L. S., Dr. Sc. (Philology); *Denisova G. C.*, Dr. Sc. (Sociology);
Dulina N. V., Dr. Sc. (Sociology); *Zhukovskaya N. L.*, Dr. Sc. (History);
Zaytsev I. V., Dr. Sc. (History); *Ivanova I. N.*, Dr. Sc. (Philology);
Kazieva A. M., Dr. Sc. (Philology); *Klyaus V. L.*, Dr. Sc. (Philology);
Koltsov P. M., Dr. Sc. (History); *Komandzhaev A. N.*, Dr. Sc. (History);
Krinko E. F., Dr. Sc. (History); *Lushnikov D. A.*, Dr. Sc. (Sociology);
Mandzhieva B. B., Dr. Sc. (Philology);
Muzraeva D. N., Cand. Sc. (Philology), Dr. Sc. (History);
Ochirov U. B., Dr. Sc. (History); *Ochir-Goryaeva M. A.*, Dr. Sc. (History);
Pyurbeev G. Ts., Dr. Sc. (Philology); *Rinchinov O. S.*, Cand. Sc. (Physics,
Mathematics), Dr. Sc. (History); *Sitdikov A. G.*, Dr. Sc. (History);
Fokin A. A., Dr. Sc. (Philology); *Khabunova E. E.*, Dr. Sc. (Philology);
Khaninova R. M., Dr. Sc. (Philology); *Yarmarkina G. M.*, Cand. Sc.
(Philology)

Founder, Editorial Office, Publisher, Printing Office:

Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Address of the Founder, Editorial Office, Publisher, Printing Office:
8, Ilishkin St., Elista 358000,
Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone no.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: kigiran@mail.ru

Website: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>

Traslator: S. V. Dzhagrunov

Design and page layout: D. V. Tatninov

© KalmSC RAS, 2022

© Composite authors, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, ИСТОРИОГРАФИЯ

- Сабрукова С. С.** Свадебные обряды баитов (по материалам Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН) 8
- Мучаева И. И.** Хошеутовский улус в программе путешествия царской семьи летом 1871 г.: к истории происхождения калмыцких экспонатов Российского этнографического музея 23
- Гунаев Е. А.** Проект реформирования земельного устройства Калмыцкой степи Астраханской губернии в контексте указа от 30 декабря 1846 г. (по данным архивных источников 1910 г.) 36
- Баязитова Р. Р.** Традиционный этикет башкир в работе С. И. Руденко «Башкиры» 56

АРХЕОЛОГИЯ

- Матвенов Е. Р., Кекеев Э. А.** Археологические памятники г. Элисты (по археологическим разведкам С. В. Арапова 1992 г.): современное состояние 68

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

- Садалова Т. М.** Алтайские фольклорные мотивы о Шуну-Батыре 109

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Иванова И. Н.** Трансформация классической лагерной прозы в новейшей отечественной литературе 120
- Ханинова Р. М.** Мотив журавлиного проклятия (*харал*) в калмыцкой поэзии XX – начала XXI вв. 144
- Ханинова Р. М., Валетова Э. Г.** Мотив Поезда памяти в современной калмыцкой поэзии 171

СОЦИОЛОГИЯ

- Намруева Л. В.** Неравномерность развития аграрной отрасли в современной Калмыкии: результаты и перспективы 191

CONTENT

SOURCE STUDIES

Sabrukova S. S. Bayad Wedding Rites: One Manuscript from the Archives of Orientalists (Institute of Oriental Manuscripts, RAS) Analyzed	8
Muchaeva I. I. Khosheutovsky Ulus in the Royal Family's Summer 1871 Travel Program: Backgrounds of Some Kalmyk Pieces from the Russian Museum of Ethnography Revisited	23
Gunaev E. A. Land Utilization Reform Project for Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate in the Context of the Decree 30 December 1846: Analyzing Archival Sources of 1910	36
Baiazitova R. R. The Bashkirs by Sergey I. Rudenko: Traditional Etiquette Revisited	56

ARCHAEOLOGY

Matvenov E. R., Kekeev E. A. Archaeological Sites of Elista Surveyed by S. Arapov in 1992: Revisiting Their Current State	68
--	----

FOLKLORE STUDIES

Sadalova T. M. Altaian Folklore Motifs about Shunu-Batyr	109
---	-----

LITERATURE STUDIES

Ivanova I. N. Classic Forced Labor Camp Prose in Contemporary Russian Literature: The Transformation Revisited	120
Khaninova R. M. The Crane's Curse (<i>Kharal</i>) in Kalmyk Poetry, 20 th –Early 21 st Centuries: Analyzing the Motif	144
Khaninova R. M., Valetova E. G. The Train of Memory: Examining the Motif in Contemporary Kalmyk Poetry	171

SOCIOLOGY

Namrueva L. V. Agricultural Development Asymmetries in Contemporary Kalmykia: Results and Prospects	191
--	-----

Свадебные обряды баитов (по материалам Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН)

Светлана Санджиевна Сабрукова¹

¹ Институт восточных рукописей РАН (д. 18, Дворцовая наб., 191186 Санкт-Петербург, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
 0000-0001-7983-4291. E-mail: ssabrukova@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Сабрукова С. С., 2022

Аннотация: *Введение.* Статья содержит описание свадьбы монгольского народа баитов, проживающих в северо-западных областях Монголии. Данный документ обнаружен в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН. Мы предполагаем, что это записи, сделанные А. В. Бурдуковым (1883–1943). Текст рукописи написан русским языком с элементами разговорной речи и лексики, характерной для начала XX в. *Цель статьи* — публикация архивных материалов А. В. Бурдукова, отражающих один из периодов его жизни в Монголии и становление его как ученого, собирателя коллекции устных и письменных источников культурного наследия монголов. *Результаты.* Данный документ можно рассматривать не только как источник по традиционной монгольской обрядности, но также и как полевой материал, описывающий жизнь и быт западномонгольского народа баитов. Интерес для исследователей представляют образцы текстов малого фольклорного жанра, благопожеланий (монг. *йорол*) как объекты сравнительного изучения лексики монгольского языка и как свойственные для данного региона характерные элементы устного народного творчества. Последовательность событий, описанных в тексте, дает нам возможность выделить три основных цикла свадебного обряда баитов: предсвадебный, свадебный и послесвадебный. Обряды свадебного цикла содержат элементы, типологически сходные для всех кочевых обществ с атрибутами скотоводческого ведения хозяйства. Изучение традиционных обрядов монгольских народов дает возможность

выявить как общие тенденции устного народного творчества, так и особенные этнокультурные, исторические черты развития общества.

Ключевые слова: байты, Монголия, свадьба, хадак, невеста, жених, родители невесты и жениха

Для цитирования: Сабрукова С. С. Свадебные обряды байтов (по материалам Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН РАН) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 3. С. 8–22. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-3-23-8-22

Bayad Wedding Rites: One Manuscript from the Archives of Orientalists (Institute of Oriental Manuscripts, RAS) Analyzed

*Svetlana S. Sabrukova*¹

¹ Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (18, Dvortsovaya Emb, 191186 St. Petersburg, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0001-7983-4291. E-mail: ssabrukova@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Sabrukova S. S., 2022

Abstract. *Introduction.* The article examines a manuscript describing a wedding ceremony of the Bayad Mongols who nowadays inhabit northwestern parts of Mongolia. The paper suggests the manuscript may have been authored by A. Burdukov (1883–1943). This is a Russian-language text with colloquial phrases and lexemes characteristic of the early 20th century. *Goals.* The article seeks to introduce the archival document of A. Burdukov as evidence of his life in Mongolia that facilitated his scholarly shaping and growth as a researcher and collector of oral and written texts representing the cultural heritage of Mongols. The manuscript is not only a source on traditional Mongolian customs and rites but is also a description of Bayad household life. The samples of minor folklore genres contained therein — such as well-wishes/blessings (Mong. *yürööl*) — may be instrumental for researchers to explore Mongolian vocabulary and elements of the oral tradition typical for this region. *Conclusions.* Three main parts within the Bayad wedding agenda

can be identified from the succession of events described in the text, namely: prenuptial, nuptial, and postnuptial ones. The Bayad wedding rites contain elements similar to those of all nomadic societies and are distinguished by some livestock breeding-related attributes. The study of Mongolian traditions makes it possible to reveal both general trends of oral folklore and particular ones rooted in individual ethnocultural and historical contexts.

Keywords: Bayads, Mongolia, wedding, khata, bride, groom, bride's and groom's parents

For citation: Sabrukova S. S. Bayad Wedding Rites: One Manuscript from the Archives of Orientalists (Institute of Oriental Manuscripts, RAS) Analyzed. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022; 3: 8–22. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-3-23-8-22

Введение

Среди архивных материалов Т. А. Бурдуковой в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН (далее — АБ ИВР РАН) была обнаружена рукопись «Монгольская свадьба (байтов¹)» [[АБ ИВР РАН. Ф. 165. Оп. 2. Ед. хр. 15. Л. 1–4](#)]², в которой подробно описывается обряд сватовства и собственно обряд проведения свадьбы у одного из западномонгольских народов — байтов.

Отец Т. А. Бурдуковой, Алексей Васильевич Бурдуков (1883–1943), проработал 19 лет (1895–1913) в торговой компании Мокина на реке Хангельцик в Западной Монголии. Томское общество изучения Сибири получило от А. В. Бурдукова денежную сумму на устройство ученой экскурсии в байтские хошуны, которые расположены в восточной части хребта Хан-Коко и в пределах которых,

¹ «Байты (баяты) живут в Убсунурском аймаке, по южную и северную сторону хребта Тогтохын-Шил. На севере их земли достигают берегов озера Убсу-Нур и реки Тэс, на востоке — реки Хангельцик. До середины XVIII в. байты входили в Джунгарское ханство. После разгрома ханства Китаем байты выделились в самостоятельную военно-административную единицу, образовав десять хошунов, которые назывались «арбан-байт» (десять байтов). В 1918 г. их насчитывалось около 15 тысяч, в 1963 г. — 19,9 тысяч» [[Бурдуков 1969: 373](#)].

² Здесь и далее в ссылках на архивные материалы указываются не страницы, а листы.

а именно в местности Хангельцык, находилась торговая фактория самого А. В. Бурдукова [АВ ИВР РАН. Ф. 165. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 33б]. В 1908 г. А. В. Бурдуков встретился в г. Улясутае с секретарем российского консульства Э. Беренсом³ и узнал, что историю Монголии изучают в Петербургском университете. В декабре 1909 г. он написал свое первое письмо В. Л. Котвичу (1872–1944), монголоведу, заведующему кафедрой монгольской филологии Санкт-Петербургского Императорского университета. С этого времени Алексей Васильевич занялся самообразованием — читал книги, журналы, газеты и теперь уже под руководством В. Л. Котвича стал собирать образцы устного народного творчества, литературные произведения, вести записи наблюдений жизни монголов, их быта и нравов.

Можно предположить, что текст о свадьбе байтов, хранящийся в АВ ИВР РАН, был записан А. В. Бурдуковым во время его пребывания в Монголии. Известно, что Алексей Васильевич пользовался среди местного населения большим уважением и любовью.

Текст рукописи написан разговорным русским языком со вставками отдельных монгольских слов, описывающих реалии жизни байтов, и благопожеланий, записанных на слух. Поэтому в процессе изучения материала возникают сложности с отождествлением отдельных слов на монгольском языке. Для того чтобы сравнить фольклорные материалы байтов, мы воспользовались антологией, составленной монгольским ученым Б. Катуу, — «Баяд ардын аман зохиол» [Катуу 2011], где удалось найти некоторые близкие по содержанию свадебные благопожелания. В работе над содержанием материала была использована статья А. Очира и Г. Р. Галдановой «Свадебная обрядность баятов МНР», по которой удалось составить последовательность ритуалов свадебного обряда [Очир, Галданова 1992].

³ Э. Л. Беренс — ученик В. Л. Котвича, окончил восточный факультет Петербургского университета; в 1908 г. исполнял обязанности секретаря консульства в Чугучаке; в 1909 г. — секретаря и драгомана консульства в Улясутае; в 1912–1915 гг. — секретарь консульства в Кашгаре, в августе 1915 г. причислен к отделу печати МИД [Бурдуков 1969: 400].

Рукопись А. В. Бурдукова о свадьбе байтов Монголии

Документ начинается с описания традиционного обряда подношения ритуального шелкового шарфа *хадак*, который подразумевает сватовство. Особый интерес вызывает наличие в тексте благопожеланий, используемых в процессе сватовства и свадьбы. Материалы публикуются с сохранением авторской орфографии и пунктуации. Пагинация полистная.

[Л. 1]⁴ Монгольская свадьба (байтов)⁵

Сватовство или «хадак табина»⁶.

Едут два человека со стороны жениха с хадаком и вином к отцу невесты. Приехав в аил⁷ садятся и начинают брызгать⁸ вином. Один из приехавших берет хадак и кладет на домашний алтарь, второй хадак подает отцу невесты (другой из приехавших в это время угощает всех вином). Подавая хадак произносит «ёрёл» (пожелание), вроде поговорки: «Өркө осьяадык, сумун сунгудык. Уру келькин болыя. Хайри кишик курьтудык геджи баралхыла»⁹.

⁴ Материалы публикуются с сохранением авторской орфографии и пунктуации. Пагинация полистная.

⁵ Свадебный цикл байтов состоял из предсвадебных, свадебных и послесвадебных обрядовых действий. Предсвадебный этап охватывал обряды сватовства: «выбор невесты», «получение согласия», «подношение начального хадака», «вручение скрепляющего хадака» [Очир, Галданова 1992: 28].

⁶ Букв. «кладут, выдают хадак». Главный свадебный ритуал, когда преподносятся хадаки (отрез длиной шелковой ткани) в знак глубокого почтения и уважения божествам и отцу невесты.

⁷ Кочевая семейная группа у монгольских народов, здесь и далее, видимо, употребляется в значении поселения или юрты.

⁸ Здесь под словом «брызгать» следует понимать исполнение своего рода ритуала подношения какого-либо напитка хозяевам этой местности путем окропления.

⁹ «Семейство увеличивается [подобно тому, что] стрела [из ножен] выпускается. Давайте станем родственниками. [Пусть им] сопутствует любовь [и] счастье — так закончим» (здесь и далее перевод автора статьи). Это благопожелание произносилось на начальном этапе предсвадебного обряда.

Мнение и желание не спрашивается, и если отец и мать согласны выдать дочь, то берут хадак и выпивают вино, после чего приехавшие уезжают домой. Должен заметить, что в очень редких случаях не берут хадак родители невесты, несмотря на материальное положение жениха, т. е. богатые выходят за бедных и наоборот¹⁰. После этого [гости]¹¹ со стороны невесты [едут] к родителям жениха договариваться о приданом так называемом «сикы» и о дне свадьбы. Затем следует «мөре унулна» «дзусу хадык», «чихыр»¹², «асма»¹³, «куругуна»¹⁴ (отдают невесте)¹⁵ (тут тоже произносят «ёрель»: «Саран сайнеги сакыджи, удерани сайниги ончилет, огомир джиллин тер гуньду өльзетэ нега сайн удер ерджи ёбоксын, Ердени сурджи ёбоксын субут. Ерким тани бари хуик, баты сумун байгулык токтоксын. Богдо едзына Цаган өргө байна [л. 1а] гисинеге сонсон бараллыджи ирва. Неган амыр, сонор сонорлдык альтхыдык байна минга сонорсон оралдык байна»¹⁶. Пируют и тот же день уезжают

¹⁰ Здесь, видимо, речь идет о том, что при выборе невесты обращалось внимание на год ее рождения. Если год рождения девушки, избранной в качестве невесты, находился с годом рождения юноши в соотношении «неблагоприятный» — брак запрещался [Очир, Галданова 1992: 29].

¹¹ В квадратных скобках в тексте рукописи А. В. Бурдукова даны пояснения автора статьи.

¹² *Чихэр* (монг.) — сахар, сладости [БАМРС, IV 2002: 317]

¹³ *Асман* (монг.) — кастрированный баран, валух [БАМРС, I 2001: 165].

¹⁴ *Хурган* (монг.) — ягненок, барашек [БАМРС, IV 2002: 170].

¹⁵ Заканчивается предсвадебный обряд подношением первого хадака и начинается другой обряд вручения «скрепляющего» хадака (*дзусу хадак*), который в данном случае открывается скачками на лошадях (*мөре унулна*) и заканчивается угощениями и подарками, которые отдают невесте.

¹⁶ В конце обряда (*дзусу хадак*) произносится благопожелание, который Б. Катуу в своей книге «Баяд ардын аман зохиол» определяет, как один из вариантов благопожелания при вручении «скрепляющего» хадака:

Сараан сайныг саатан хүлээж
Өдрийн сайныг өнжсин хүлээж
Өнө өдрийн энэ өдрийг

домой обратно, уговорившись о дне свадьбы. У жениха есть еще «гер бюрна»¹⁷ т. е. крытый аил (выкраивать)¹⁸, но кроме двери из кошмы, которую дает невеста. Здесь тоже гуляют и тоже говорят «ёрель».

Накануне дня свадьбы, в известный счастливый час, жених с многими гостями и свахой едут к невесте, причем везут свой новенький аил, который и ставят у невесты на улице впереди ее аила (т. е. аила отца невесты)¹⁹. Когда поставят аил, то с невестиной стороны вносят в него все принадлежности домашнего обихода, как-то: иконы (танки), чашу, дверь кошемную [из кошмы], ковер

Төгс өлзийтэй сараан
Тэнгэр хишигтэй өдөр гижэ ирлээ
Буга намна ачин манайд
Булга зүүг ээчнь танайд
Уурга бариачин манайд
Уялга оёочинтанайд
Энэ хоёрын заяа
Эрхэм заяа гисэн билээ
Хайр хишгээ хүртээж
Хариу сойрхож хайрланауу
Хада гөгөх өдхэл дэгер өвлийн нэг хувил барюм [Катуу 2011: 498].

Начальные две строки благопожелания совпадают, но следующие строки отличаются, и смысл их заключается в том, что приближается счастливый день, и наряду с этим описываются важные события, произошедшие в 1911 г., а именно то, что до нас дошли письменные свидетельства того, что пребывающий в белом дворце Богдо-хан создал крепкий сомон [государство]. Об этом прекрасном событии разлетаются тысячи слухов. Таким образом, мы видим, как в благопожелании находит отражение политическая ситуация в стране.

¹⁷ С установки юрты (*гер бурэх*) собственно начинается свадебный обряд. Приготовления к сооружению и установке юрты начинались сразу же после обряда «зус хадаг тавих». Родители юноши обращались к своим родственникам, чтобы они помогли собрать и установить юрту для новобрачных [Очир, Галданова 1992: 31].

¹⁸ Из кошмы выкраивали и сшивали пластины для покрытия юрты [Очир, Галданова 1992: 32].

¹⁹ Юрту молодых устанавливали к юго-востоку от юрты отца [Очир, Галданова 1992: 37].

и прочее, даже веревки для кочевки аила. Жених привозит с собой отцу невесты «гурбун кольтэ шумур» (т. е. светильник с тремя ножками для бога), одну баеру²⁰ черного и одну красного материала и один хадак, материалы и хадак связаны с одного конца вместе сверху, а нижние концы распущены, и одну «хар серь маха» (т. е. верхняя часть спинной кости, примыкающей к шее). Когда жених с приехавшими гостями заходят в аил к отцу невесты, то, пройдя вперед, подцепляет на «уни» (верхние палки аила) напротив бога (алтаря) это мясо и связанные тряпки, а светильник ставит перед бога и зажигает его. Богу же делает подношения из бараньей головы, «уцы» и «шага чимган» [л. 2а] («уцы» монголы называют заднюю часть хребта без стегов и без ребер, а чимгой — мозговую кость с подразделением). Жених встает на ноги и молится богу, т. е. кланяется в землю до трех раз, после чего кладет хадак на бога [домашний алтарь] и идет с хадаком же здороваться с отцом и матерью и с остальной родней. Невесты в это время нет дома: она ездит с подругами по аилам прощаться с родней, при этом подруги поют, а невеста во все время пути плачет навзрыд (конечно, только без слез кричит). Должен заметить, что невеста не показывается жениху со дня помолвки вплоть до свадьбы. Когда кончается обряд приветствия, то с обеих сторон идет угощение мясом, кумысом и вином.

«*Öмискуль öмюсхульна*»²¹, т. е. невеста одевает. Жениха одевают в халат и подпоясывают — дают платок и, если отец невесты богатый, то дарит еще жениху коня и остальным главным до коня [видимо, что-то ценное, но дешевле стоимости коня], а самому последнему один хадак. С женихом приезжает его мать. Жених с матерью и человек 15–20 остаются ночевать, остальные гости едут домой, а на завтра приезжают опять. После отъезда гостей жених и мать приглашают отца и мать невесты и близких к себе в новый аил [юрта], угощают их и произносят «*өрёл* ». Когда они уходят

²⁰ *Бараа(н)* (монг.) — ткань, материя [БАМРС, I 2001: 227].

²¹ Подношение одежды жениху, мать девушки надевала на жениха рубашку, а отец — *дэли* (национальная монгольская одежда в виде халата), и подпоясывал его, за пояс засовывал белый платок [Очир, Галданова 1992: 39–40].

домой, им всем дают по хадаку и приговаривают: «Шини герту орджи танильцва», т. е. войдя в новый [дом], познакомились. Пир продолжается всю ночь. Невеста возвращается ночью. По приезду ее угощают дома и тоже пируют, а если нужно, то и происходит богомолье. На завтра в условный час молодцы [молодые парни] входят к невесте с «джилтэ кунь», т. е. с подходящим к этому случаю годами [по восточному календарю] парнем, который и берет невесту за руку. В это время подруги невесты начинают отбирать ее, за парня вступаются остальные молодцы, отбирают и берут [л. 2b] на руки, выносят из аила [отцовского дома] и несут на руках вплоть до нового аила [юрты], где послан новый «ширдык» (строченая кошма для сидения) перед дверями юрты²². Жениха сажают с верхней стороны, а невесту с нижней, лицами к солнцу — «Шар нарын да мёргульна, шага чимга атхына», т. е. поклониться — помолиться желтому солнцу и поддержать мозговую кость²³. «Шага чимга» — это голень вместе с бабкой. «Чимгу в раз берут за оба конца — жених со стороны бабки, а невеста со стороны мускула. Так держат некоторое время. Подходят две свахи, снимают с них шапки и наклоняют их головы в знак моления. Потом свахи бросают шапки молодых до трех раз и бегут, кто вперед возьмет шапку, после чего

²² Здесь речь идет о ритуале «борьба за невесту» (*бэр булаалдах*), когда юноша, сверстник жениха (рожденный в год «благополучный» для девушки), назначенный первым притронуться к невесте, подходил к ней и, взяв ее за руку, говорил: «Пойдем». В этот момент девушки, сидящие вокруг невесты, отталкивали юношу, оказывая сопротивление, били его, чтобы не отдавать невесту. Юноша вынужден был силой выхватить ее из круга девушек [Очир, Галданова 1992: 40].

²³ Поклонение солнцу (*шар наранд мөргүүлэх*), невеста становилась на колени вместе с женихом для совершения обряда соединения посредством берцовой кости: жених, находящийся справа от нее, брался за широкий конец кости, а невеста — за узкий конец, и женщины (помощницы с обеих сторон) связывали красной нитью большие пальцы рук жениха и невесты, «соединенных» берцовой костью. Ведущий свадьбы спрашивал при этом: «*Шар наранд мөргөмуй, шагайт чөмөг атгамуй*» — и наклонял головы молодых по три раза — таким образом они три раза поклонялись солнцу [Очир, Галданова 1992: 41].

надевают их на молодых²⁴. Аил разбирают, невесту сажают на лошадь той масти, какая ей полагается, причем жених сам приводит эту лошадь. Завьючивают аил на верблюдов и едут. Жених впереди с незаряженным ружьем. Около него везут «гонзо»²⁵ Бурхана». Невеста едет позади верблюдов. Свахи везут впереди невесты занавес, подходящий годами парень²⁶ садится сзади невесты на лошадь и едут так до половины дороги. Невеста в девичьей одежде в зипуне из красного сукна и «халбыне»²⁷, т. е. отдельная форма шапки. «Их бишин [их багшин?] Бурхан»²⁸ накинута ей на плечи. Доезжают до того места, откуда должны пускать бегунов: «чимга кёна»²⁹. Вьючные останавливаются. Причем невеста не имеет права сойти с лошади, а жених может. Начинают пускать бегунов. Седоку на бегуне с жениховой стороны закладывают за опояску на спине «чимгу». Отъезжает 45 сажен³⁰ от метки и пускают. Бегун с невестиной стороны должен догонять, а жениховый [со стороны жениха] убегать. И так до трех раз, только, конечно, на разных лошадях. Последние бегуны добегают до стоянки [л. За] жениха. С полагающимся годом человек выносит немного вареного риса и подносит невесте, та, испробовав, выплевывает. Бегуны объезжают три раза аил отца жениха, а также и вьючных. На переднем вер-

²⁴ Следующий ритуал «Соревнование шапок» (*малгай уралдуулах*) заключался в том, что брали шапки молодых и наперегонки бежали к новой юрте, чтобы закинуть их в юрту, затем бежали обратно и возвращали их владельцам. Кто первым закинет шапку в юрту, а потом наденет на жениха (или на невесту), тот и побеждает.

²⁵ Можно предположить, что данное слово означает «статуя» или «танка с изображением Будды».

²⁶ Здесь имеется в виду молодой человек, рожденный в год, «благополучный» для девушки по буддийскому астрологическому календарю.

²⁷ *Халбан* (монг.) — головной убор в виде колпака [БАМРС, IV 2002: 24].

²⁸ Видимо, это название какой-то одежды в виде халата.

²⁹ Речь идет об очередном ритуале «Погоня за чөмөг» (*чөмөг хөөх*). Всадник, у него за поясом трубчатая кость-чөмөг, «соединявшая» молодых во время обряда «поклонение солнцу», к чөмөг привязан хадак, скачет в сторону хотона жениха, за ним устремляется в погоню всадник со стороны невесты [Очир, Галданова 1992: 42].

³⁰ Сажень — русская мера длины, равная 2,1336 м.

блюде везут ковер, который и тянут — с невестинной стороны конные, а со стороны жениха пешие и, если возьмет сторона жениха, то заносят в аил к отцу жениха, и когда поставят аил [молодых], посылают с хадаком за ковром. Ставят аил и невесту снимают с коня, подостлав ей под ноги ширдык. Приезжих гостей просят в аил к отцу, где их угощают без всяких привилегий. С невестинной стороны приезжает мать. В новом аиле производит молебн лама. Заносят «кашеку», т. е. занавес, и натягивают ее перед кроватью, где невесте заплетают косы и надевают бабий [женский] наряд. Сверху надевают зипун³¹ и сажают рядом с женихом и при молебствии ламы умывают ей руки и лицо. В новом аиле наскоро варят чай, наливают им одну домбу³², и невеста идет с ней к отцу жениха с разными подарками, как [ранее] и к отцу невесты [было] преподнесено. Когда новобрачная подходит к аилу отца, то дверь у юрты держат палкой и не впускают никого. Сваха подает хадык держащим, и они пропускают. Занавеску тоже заносят впереди невесты на северную сторону по-ихнему левую³³, а по-нашему правую как зайдешь в аил. Новобрачную сажают за занавеску, где ее угощают чаем. После чаепития сваха берет невесту за голову и говорит: Бурхун-ду мёргово (молись богу). Галду мёргово (молись огню) и так далее. Отцу «мёряр мёргово» (кланяйся конем) и всем остальным, кому полагается кланяться и приговаривать, чем кланяется и что дарит. Кто возьмёт подарок, тот должен произнести «ёрель». Каждый по-своему. Идет угощение. После [л. 3b] этого отец жениха берет ружейный шомпол, поднимает занавеску новобрачной и говорит: Хар Царын аресн архитэ, ханга мотум бюлюрте. Хәки ики ёбгучут яджи ёбсын тер ёсар ёбо. Улан Царын аресн архитэ, Уласын модун бюлюртед урдукин ёбгучут яджи ёбсыт тер ёсар ёбо. Кок царын аресн архытэ, кок мотум бюлюртэ, кокшичут яджи ёбсын тер ёсар ёбо. Аньсин халя, атхысын таби, Альчур бде кё.³⁴

³¹ Русский крестьянский кафтан, обычно без ворота.

³² *Домбо(н)* (монг.) — кувшин (для чая) [БАМРС, II 2001: 50].

³³ Байты ставили юрту входом на восток.

³⁴ Данное благопожелание произносилось во время проведения ритуала поклонения невесты и представлен в более сокращенном варианте, чем у монгольского ученого Б. Катую:

Сам шомполом поднимает занавес, платок с лица снимает, отец и мать начинают одарять новобрачную скотом. Кроме этого, отец и мать с хадаком дают шелковые материи. При выходе невеста привязывает к бюлюру³⁵ хадак. С улицы зовут собаку, которую новобрачная на своем поле [подоле?] кормит салом, приговаривая.

На шею собаке привязывают хадак. При выходе новобрачной дают в руки ведро с молоком³⁶. Перед дверями брошена овчина, через которую проходит невеста, которую тянут парни, одни в аил, другие наружу. Кто перетянет: в правую сторону — женихова, в левую — невестина сторона возьмет³⁷. После чего некоторые гости расходятся, а оставшиеся идут в новый аил, где обменива-

*Улаан цараа нар санар хадтай
Улиасан модон бүлүүртэй
Уураг сүүний дээжий гундруулсан
Учирагсан аав ээжээ хүндэлжяв
Хар цааранар санархадтай
Хандгай модон бүлүүртэй
Хамаг олны ундаа болсон
Айраг сархдыг хураасан
Хаан аав ээжээ хүндэлжяв
Хөх цараа нар санар хадтай
Хөндий модон бүлүүртэй
Хүн амьтны ундааг бүрэлдүүлсэн
Хөгшин аав ээжээ хүндэлжяв.*

‘У большого черного кожаного бурдюка поляя деревянная мутовка. Следуй тем законам, которыми следовали великие старцы. У большого красного кожаного бурдюка сосновая мутовка. Иди тем путем, который показали предки. У большого зеленого кожаного бурдюка зеленая деревянная мутовка. Следуй тем законам, которые указали старцы. Закрыв глаза — смотри, схватив — отпусти, платокними’ [Катуу 2011: 33].

³⁵ *Бүлүүр* (монг.) — мутовка, мешалка для взбивания кобыльего молока при приготовлении кумыса [БАМПС, I 2001: 303]

³⁶ Ритуал «поклонение невесты» (*бэр мөргүүлэх*) включает в себя совершение поклонов божеству, огню и отцу жениха, также действия, которые должны помочь ей быть в будущем хорошей хозяйкой.

³⁷ Следующий ритуал называется «растягивание шкуры» (*арьс татах*).

ются хадаками и угощаются. К моменту отъезда матери невесты, мать жениха набирает камней и ими придавливает подол невесты. После чего мать невесты уезжает, уходит и мать жениха. Остаются несколько человек. Вечером приглашают отца и мать жениха. Опять идет обмен хадаками и угощение. Не палённую баранью [л. 4а] голову донесут до огня и выбросят в орьку до трех раз эту голову, на улице ловят двое с каждой стороны по одному и отнимают, чья возьмет того и «марга»³⁸. После этого голову выбрасывают позади айла³⁹. Грудинку баранью палят на огне, жарят и крошат на тарелку и угощают жениха с невестой. Двое парней берут огниво и высекают огонь до трех раз, чья будет «марга», потом, угостившись и попирав, гости уходят к отцу жениха. У молодых остаются свахи. Молодой тоже уходит вместе с гостями и по большей части прячется, его находит сваха и приводит. Некоторые никак не ложатся вместе, убегают, вырываются. Дел у свахи очень много: долго возятся с женихом, пока его уложат в постель. Такая же история с молодой. Кое-как их укладывают вместе и закрывают, причем в эту ночь и в две последующие ничего особенного делать нельзя, да и свахи ночуют рядом с кроватью. Рано утром молодая со свахой идет к отцовскому айлу открывать верхушку (орько харюльна), причем привязывают хадык к орьке⁴⁰. Молодая после этого возвращается к себе в аил и варит чай и идет со свахами к отцу, где идет церемония и обмен хадаками как с отцом и матерью, так и со всеми гостями, ночевавшими у отца. После чего

³⁸ *Маргаан* (монг.) — спор [БАМРС, II 2001: 323]. В данном случае *марга* означает «тот, кто выиграл спор».

³⁹ «Бросание бараньей головы» (*толгой цойлдох, шидэх*) — свадебный обряд, когда отец жениха брал вареную баранью голову и выкидывал ее через дымник. В это время молодые парни, окружившие юрту, подхватывали голову и вносили в юрту. Таким способом голову бросали три раза. Побеждала та сторона, которой удавалось поймать ритуальную голову большее число раз. Считалось, что данный обряд способствует хорошему дымоходу [Очир, Галданова 1992: 46–47].

⁴⁰ На другое утро новобрачная поднималась рано, оттягивала кошму дымника своей юрты, затем, привязав хадак к веревке дымника, открывала кошму дымника родителей жениха [Очир, Галданова 1992: 48].

гости разъезжаются. У молодых остается на три дня только одна прислуга. Сама она в эти дни не варит. После трех дней отец молодой приезжает в сопровождении многих гостей для проведения ритуала «кошко тальку» (снимать занавеску возле кровати). Отец привозит с собой одну тушу мяса бараньего, не вареного, и остальные пожитки молодухи — идет такое же угощение и пиршество, как и раньше со всеми привилегиями и обменом хадаков, в числе гостей приезжают и девушки⁴¹.

Заключение

Рукопись А. В. Бурдукова представляет материалы, записанные им среди баитов Монголии. Ученый был непосредственным свидетелем, очевидцем событий обрядовой жизни народа, среди которого ему пришлось прожить много лет. Публикация ранее не издававшейся рукописи, которая хранится в АВ ИВР РАН, позволяет ввести в научный оборот сведения, которые дополняют известные по публикациям других ученых о свадьбе ойратов Монголии. Детали, описанные А. В. Буруковым, свидетельствуют о сохранении в свадебном ритуале баитов архаических элементов. Наиболее яркими свидетельствами бытовавшей в прошлом матрилокальности брака можно считать обычай привозить женихом юрту для установки рядом с юртой отца невесты и проведения церемонии поклонения солнцу, луне. В описании А. В. Бурдукова можно проследить также элементы, восходящие к обряду жертвоприношения огню, которые редко упоминаются в материалах по свадьбе ойратов Монголии.

Источники

[Бурдуков А. В.] Монгольская свадьба (баитов) // Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 165. Оп. 2. Ед. хр. 15. 4 л.

⁴¹ Послесвадебный обряд «открытие ширмы» (*хөшиг тайлах*) полагалось провести в течение трех дней по прошествии свадьбы. Право на снятие войлочной ширмы, привязанной с левой стороны юрты, возлагалось на отцов жениха и невесты. Данный ритуал как заключительный этап свадебного обряда предполагает, что образовалась новая семья и все им дарят подарки и произносят благопожелания.

Чуец А. О Северо-Западной Монголии. Статьи, опубликованные в газетах «Алтай» и «Сибирская жизнь» за 1910–1916 гг. // Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 165. Оп. 1. Ед. хр. 16. 204 л.

Литература

- БАМРС, I 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4-х тт. Т. 1. А–Г / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 486 с.
- БАМРС, II 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4-х тт. Т. 2. Д–О / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 507 с.
- БАМРС, III 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4-х тт. Т. 3. Э–Ф / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 438 с.
- БАМРС, IV 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4-х тт. Т. 4. Х–Я / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. 501 с.
- Бурдуков 1969 — *Бурдуков А. В.* В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма. М.: Наука, 1969. 418 с.
- Катуу 2011 — *Катуу Б.* Баяд ардын аман зохиол. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2011. 606 х.
- Очир, Галданова 1992 — *Очир А., Галданова Г. Р.* Свадебная обрядность баятов МНР // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск: Наука, СО, 1992. С. 24–56.

Хошеутовский улус в программе путешествия царской семьи летом 1871 г.: к истории происхождения калмыцких экспонатов Российского этнографического музея

Ирина Ивановна Мучаева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, научный сотрудник

 0000-0002-7555-3182. E-mail: muchaevaii@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Мучаева И. И., 2022

Аннотация. *Целью* данного исследования является изучение на основе анализа источников программы пребывания императора Александра II с цесаревичем Александром Александровичем, будущим императором Александром III, посетивших Хошеутовский улус Калмыцкой степи Астраханской губернии летом 1871 г. во время своего путешествия на Кавказ. Церемониальная часть путешествий позволила сохранить ценнейшую часть артефактов, иллюстрирующих материальное наследие народов России, ставшее сегодня объектом исследования исследователей разных направлений науки. *Методы.* Использование хронологического метода исследования в синтезе с методом реконструкции позволило рассмотреть посещение летом 1871 г. членами императорской семьи Хошеутовского улуса во временной последовательности, тогда как примененные идеографического метода — описать изучаемое событие. Основным источником в ходе исследования послужили документальные *материалы* из фондов Государственного архива Астраханской области и Национального архива Республики Калмыкия. Кроме того, были использованы фотографические снимки экспонатов из фондов Российского этнографического музея, а также работы дореволюционных и современных авторов. *Результаты.* Самобытная культура калмыцкого народа, исповедующего буддизм, несомненно, привлекала внимание монарших

особ. Выражая верноподданнические чувства и проявляя уважение к царствующей семье, калмыки преподносили в дар лучшие свои произведения декоративно-прикладного искусства, наглядно иллюстрирующие кочевой быт народа. Каждый предмет демонстрирует не только экологичность и портативность как наследие и опыт предыдущих поколений, но и результат процесса аккультурации в поликонфессиональной среде на Волге. На современном этапе эти предметы составляют основу коллекций многих музеев.

Ключевые слова: путешествие, императорская семья, Александр II, Калмыцкая степь, дары, калмыцкие экспонаты, артефакты, кочевой быт
Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Мучаева И. И. Хошеутовский улус в программе путешествия царской семьи летом 1871 г.: к истории происхождения калмыцких экспонатов Российского этнографического музея // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 3. С. 23–35. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-3-23-23-35

Khosheutovsky Ulus in the Royal Family’s Summer 1871 Travel Program: Backgrounds of Some Kalmyk Pieces from the Russian Museum of Ethnography Revisited

*Irina I. Muchaeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Research Associate

 0000-0002-7555-3182. E-mail: muchaevaii@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Muchaeva I. I., 2022

Abstract. *Goals.* The work attempts an analysis of sources constituting the program of stay of Emperor Alexander II and Tsesarevich Alexander Alexandrovich, the future Emperor Alexander III, who visited Khosheutovsky Ulus of

Kalmyk Steppe (Astrakhan Governorate) in the summer of 1871 during their trip to the Caucasus. It is the ceremonial part of such travels that has made it possible to preserve most precious artifacts illustrating the material heritage of Russia's peoples nowadays investigated by researchers representing various fields of science. *Materials and methods.* The chronological method in synthesis with that of reconstruction prove instrumental in considering the summer 1871 visit paid by members of Russia's imperial house to Khosheutovsky Ulus in a time sequence, while the ideographic method helps describe the event under study. The paper focuses on documentary materials housed at the State Archive of Astrakhan Oblast and the National Archive of Kalmykia. The examined evidence also includes photographic images of showpieces from the Russian Museum of Ethnography, as well as works by pre-revolutionary and contemporary authors. Results. The distinct culture of Kalmyk Buddhists was undoubtedly attracting the attention of the monarchs. Expressing feelings of loyalty and showing respect for the reigning family, Kalmyks would present the latter with best works of decorative and applied arts of theirs that vividly illustrate nomadic lifestyles of the ethnos. Each item is characterized not only by environmental friendliness and portability — as legacy and experience of previous generations — but also bears traces of acculturation processes to have taken place in the Volga's multiconfessional space. At present, those artefacts serve as centerpieces to collections of many museums not only in Russia but also abroad.

Keywords: travel, imperial family, Alexander II, Kalmyk Steppe, gifts, Kalmyk showpieces, artifacts, nomadic life

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.

For citation: Muchaeva I. I. Khosheutovsky Ulus in the Royal Family's Summer 1871 Travel Program: Backgrounds of Some Kalmyk Pieces from the Russian Museum of Ethnography Revisited. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2022; 3: 23–35. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-3-23-23-35

Введение

Во второй половине XIX в. программа подготовки будущих наследников престола в Российской империи предусматривала организацию путешествия в регионы, которое рассматривалось как способ практического получения знаний и одновременно носило

символический характер, символизируя акт единения монархии с народом. В условиях сакрализации личности монархов встречи с подданными, в ходе которых принимались прошения, выступали своего рода особым способом решения проблем. Кроме того, церемониальной стороной таких мероприятий являлось выражение любви народа к царствующим особам путем поднесения подарков. Именно эта часть путешествий позволила сохранить ценнейшую часть артефактов, иллюстрирующих материальное наследие народов России, ставшее сегодня объектом изучения исследователей разных направлений науки.

Цели и задачи исследования

Целью данного исследования является изучение на основе комплексного анализа источников программы пребывания императора Александра II с цесаревичем Александром Александровичем, будущим императором Александром III, посетившими Хошеутовский улус Калмыцкой степи Астраханской губернии летом 1871 г., во время путешествия на Кавказ. Для достижения поставленной цели первостепенной задачей являлось выявление вещественных источников, последующая их идентификация с изучаемым событием и введение в научный оборот впервые выявленных источников.

Материалы и методы

Основным источником в ходе исследования послужили документальные материалы из фондов Государственного архива Астраханской области и Национального архива Республики Калмыкия. Кроме того, были использованы фотографические снимки экспонатов из фондов Российского этнографического музея, а также работы дореволюционных и современных авторов. Методологической основой исследования являются принципы историзма и объективизма. Использование хронологического метода исследования в синтезе с методом реконструкции позволило рассмотреть посещение летом 1871 г. членами императорской семьи Хошеутовского улуса во временной последовательности, тогда как применение идеографического метода — описать изучаемое событие.

Результаты

Поездки царствующих особ по стране не раз становились объектом исследования, что способствовало формированию значительной историографической базы, которую можно традиционно классифицировать на несколько групп в зависимости от периодов: дореволюционную, советскую и современную. В рамках данного исследования первая группа работ представляет интерес только со стороны описательного характера ее изысканий, так как они содержат подробные фактологические сведения [Маршрут путешествия 1863; Боголюбов 1862; Шубинский 1872; Царская семья 1889]. Вторая группа работ, базирующаяся на господствующих на тот период идеологических постулатах, не представляет особого интереса, тогда как современная историография содержит множество методологических подходов в изучении проблематики и обширную источниковую базу, в том числе и вещественные источники. Результатом научного форума, посвященного путешествиям членов царской семьи по России, стало издание сборника статей, который раскрывает особенности поездок Романовых в разное время и по разным местам [Романовы в дороге 2016]. Путешествие как образовательный тур по стране рассматривается в работе Г. Н. Плотниковой и С. Н. Плотникова, М. Е. Ардашевой [Плотникова, Плотников 2018; Ардашева 2019]. Новым направлением стало изучение церемониальной части во встречах царствующих особ со своими подданными, проводимое В. В. Трепавловым [Трепавлов 2015а; Трепавлов 2015б]. Путешествия наследников через призму культурных связей между столичными и губернскими городами России рассматривает А. С. Майорова [Майорова 2015]. Одной из значительных работ, основанных на артефактах из императорских коллекций, является каталогизированное издание Российского этнографического музея, в том числе содержащее описание шедевров буддийского искусства [Императорские коллекции 1995]. По утверждению авторов данного издания, самым ранним по времени преподнесения является представленное на выставке блюдо, врученное калмыцкой депутацией Александру Александровичу и Марии Федоровне по случаю ко-

ронации [Императорские коллекции 1995: 140]. Однако экспонаты из фондов этого же музея свидетельствуют о более ранних датированных подарках [РЭМ].

Несмотря на сложившуюся значительную историографическую базу, место калмыцкого народа и Калмыцкой степи в теме путешествий царствующих особ и наследников престола оказалось вне пределов исследовательского внимания. Однако особое внимание исследователей заслужила Первая международная выставка исторических и современных костюмов в Санкт-Петербурге, проходившая в 1902 г. под патронатом великой княгини Ксении Александровны [Дарбакова 1969; Митиров 2003; Матвенов 2009]. Сведения о встрече Петра I с калмыцким ханом Аюкой с описанием даров приводит в своем исследовании В. Т. Тепкеев [Тепкеев 2022]. Подробные характеристики вещей, преподнесенных в качестве подарков, позволяют идентифицировать и этикетировать отдельные экспонаты, хранящиеся в запасниках музеев и не имеющих точных подтверждений своего происхождения.

4 мая 1871 г. Главный попечитель калмыцкого народа К. И. Костенков, выражая надежду на то, что император осчастливит посещением Хошеутовский улус, где он планировал собрать всех представителей калмыцкого народа, обратился в Департамент Общих дел с просьбой о выделении 1 000 руб. для постройки временной пристани, необходимой для встречи императорской семьи [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 213. Л. 2]. Расположенное на берегу Волги владение нойонов Тюменей к этому времени уже удостаивалось чести встречать царствующих особ. Так, в 1863 г., во время путешествия будущего наследника престола Николая Александровича по России, в числе сопровождавших его лиц значился делавший зарисовки по местам посещения художник А. П. Боголюбов, брат которого впоследствии опубликовал их, сопроводив своим текстом. Описывая ставку Хошеутовского князя Тюменя, расположенную на луговой низменности, он перечислял: «Тут есть и богомольня, и двухэтажный деревянный дом, и прочие службы и кибитки, в которых помещается он на лето со своей семьей. Все это обсажено

деревьями и походит на загородное жилище зажиточного человека. Строения имеют оригинальную архитектуру, в роде китайской. Здесь считается до 300 жителей и более 50 постоянных кибиток» [Боголюбов 1862: 375].

27 мая Департамент Общих дел в ответе на запрос К. И. Костенкова сообщал о разрешении использования на организацию встречи 1 000 руб., при этом особо отмечалось, чтобы расходы производились «не выходя из пределов разрешенного размера суммы» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 213. Л. 2]. На наш взгляд, эта мера была обусловлена стремлением имперской администрации не провоцировать протестные настроения в народе, так как в этой ситуации дополнительные поборы могли только испортить праздничную атмосферу встречи императора с его подданными.

4 сентября 1871 г. император Александр II и его сын, цесаревич Александр Александрович, в сопровождении великого князя Владимира Александровича и свиты в составе 65 человек прибыли в Астрахань. Уже 5 сентября Александр Александрович Сапожников, один из владельцев рыбного промысла, удостоился чести быть приглашенным к царскому столу и милости встречать Александра II и будущего императора Александра III у себя на острове Житном, находящемся в 70 верстах от Астрахани. В ожидании высочайших гостей на пристани собралось огромное количество народа, в том числе калмыки из соседних улусов — «все в своих лучших праздничных одеждах» [Шубинский 1872: 13]. Во время пребывания императора на острове ему был продемонстрирован образцовый («примерный») лов рыбы неводом. Детально описывая день пребывания высочайших особ на острове, русский историк С. Н. Шубинский писал: «Всматриваясь в рабочих, управлявших неводом, Государь Император обратился к г. Сапожникову и спросил: — Сапожников, ведь это тянут Калмыки, народ, кажется, привычный к рыболовному делу? Точно так, Ваше Величество, — отвечал г. Сапожников, — Калмыки лучший народ для рыболовства и притом довольно крепкого здоровья» [Шубинский 1872: 12].

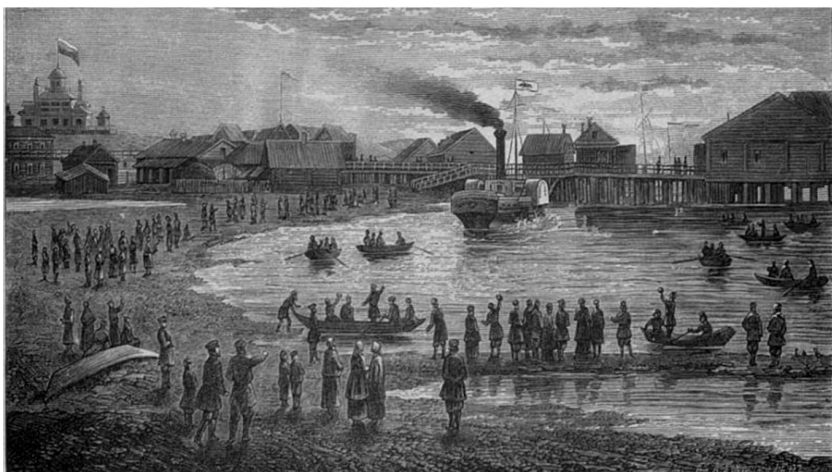

Рис. 1. Посещение императором рыболовного промысла Сапожниковых. 5 сентября 1871 г. [Шубинский 1872: 13]

15 сентября 1871 г. Главный попечитель калмыцкого народа генерал-майор К. И. Костенков в ответ на запрос канцелярии начальника Астраханской губернии от 9 сентября 1871 г. направил «список борцов и плясунов, участвовавших в празднике в присутствии Государя Императора в ставке Хошоутовского улуса» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 689. Л. 61]. Общий список состоял из 14 человек, шесть из которых участвовали в демонстрации национальной борьбы, это калмыки Харахусовского улуса Олюш Оджиев и Кетечир Былсиев, Хошеутовского — Балдыр Гаряев, Кекте Шогдинов, Хурмучи Тегисов и Багацохуровского — Манджи Убушиев. В состав танцоров вошли восемь калмыков: из Хошеутовского улуса Церен Убуши Колпаков, Байсхлан Цаган Халгаева, Уруюмджур Цебекова, Бурлак Мантаев и Шара Кююкен Нохаева, из Багацохуровского — Гопша Мацаков и Цаган Шаваева и из Харахусовского улуса — Бадма Лаваев. И уже 17 сентября канцелярия, направив в адрес Управления калмыцким народом 50 рублей, пожалованных императором Александром II, уведомила генерал-майора К. И. Костенкова о распоряжении губернатора, тайного

советника Н. Н. Биппена о раздаче борцам 30 рублей и плясунам 20 рублей [ГА АО. Ф-1. Оп. 11. Д. 689. Л. 63].

Согласно описи вещей, поднесенных императору Александру II, наследнику престола цесаревичу и великому князю Владимиру Александровичу в Саратове, Самаре, Симбирске, Царицыне и Астрахани, всего было шесть ящиков, отправленных в Управление Императорской Главной квартиры в Санкт-Петербурге, которое являлось учреждением при императоре для выполнения его личных приказаний, а также специальных поручений. Приведем полный перечень предметов, полученных в дар от подданных и представителей иностранных государств, проживавших в Астраханской губернии. В ящике под № 1 в Санкт-Петербург направлялся образ Александра Невского, в киоте, поднесенный императору астраханским ремесленником Кононом Моисеевым [ГА АО. Ф-1. Оп. 11. Д. 689. Л. 84].

В ящике № 2 — образ Христа Спасителя, подаренный армянским архиепископом Кеворком, с молитвой на армянском и русском языках; три альбома с фотографиями видов Астраханской губернии от коллежского регистратора Вишневецкого; иконы «в среброзолоченном окладе во имя св. царя Льва, царицы Зои и св. Романа сладкопевца» от горожан Самары; образ Христа Спасителя, образ св. Равноапостольного князя Владимира, св. Александра Невского, св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова, а также три серебряных подноса от калмыцкого народа.

В ящике под № 3 — восемь блюд, поднесенные государю императору, в числе которых по одному серебряному, вызолоченному от Царицынского городского общества, крестьян 40 волостей Астраханской губернии, Черноморского городского общества и два от Астраханского казачьего войска. Металлическое выкрашенное было преподнесено Царицынской командой Астраханского казачьего войска, серебряное — Енотаевского городского общества и деревянное — крестьян Первого мирового участка Астраханской губернии [ГА АО. Ф-1. Оп. 11. Д. 689. Л. 685].

В ящике под № 4 хранились дары императору, поднесенные астраханским городским обществом и фирмой «Братья Сапожни-

ковы в Астрахани», два серебряных с позолотой блюда в футлярах, девять серебряных с позолотой солонок и одна деревянная от крестьян Астраханской губернии. В числе дарителей серебряных солонок значились: Астраханское казачье войско, его Царицынская команда, крестьяне 40 волостей Астраханской губернии, городские общества г. Черный яр, Царев, Красный яр, Царицын и Енотаевск. Кроме того, в этом же ящике были уложены полученные от дочери саратовского титулярного советника М. Ф. Батавина туфли, вышитые по канве гарусом, и от Серафимы Тутуровой, дочери самарского мещанина, бархатные вышитые туфли. Также подарки от симбирского дворянина, коллежского секретаря Александра Чернорутского два маленьких образа во имя св. Александра Невского в дар императору и св. мученицы Надежды — императрице [ГА АО. Ф-1. Оп. 11. Д. 689. Л. 85об.].

В ящике под № 5 в Санкт-Петербург отправились две позолоченные солонки, одна — в футляре от астраханского городского общества, а другая — без футляра от Астраханского казачьего войска [ГА АО. Ф-1. Оп. 11. Д. 689. Л. 86].

Владельцем Хошеутовского улуса князем Тюменем в дар императору Александру II были преподнесены халат, сшитый из голубого бархата, на мерлушечьем меху, обитый собольим мехом, две деревянные маленькие чашки, маленькая серебряная тарелка, кожаная фляга в серебряной оправе для водки. В числе подарков от калмыцкого народа, кочевавшего в Астрахани, значился деревянный кувшин в серебряной оправе для кумыса и такая же кружка для чая [ГА АО. Ф-1. Оп. 11. Д. 689. Л. 86].

Подарки от персидского консула и общества персиян, проживавших в Астрахани, в виде военных персидских доспехов из платины в количестве девяти штук, датированные 1499 г., были уложены в ящик № 6. Кроме того, в числе даров была молитва на арабском языке и фарси, написанная на большом листе, сложенная в ящике под № 5 [ГА АО. Ф-1. Оп. 11. Д. 689. Л. 86об.].

Значительный перечень предметов, разнообразный по своему назначению, материалам и техникам изготовления, показывает этническое и конфессиональное разнообразие населения импе-

рии, представители каждой группы которых стремились проявить свое уважение к членам монаршей семье.

Выводы

Путешествия членов императорской семьи, вне зависимости от их целей, были связаны со знакомством цесаревичей с населением империи, реализацией им полученных теоретических знаний на практическом опыте и т. п. Хошеутовский улус, расположенный на Волге, становился обязательным пунктом программы путешествия до Астрахани. Самобытная культура калмыцкого народа, исповедующего буддизм, несомненно, привлекала внимание монарших особ. Выражая верноподданнические чувства и проявляя уважение к царствующей семье, калмыки преподносили в дар лучшие свои произведения декоративно-прикладного искусства, наглядно иллюстрирующие кочевой быт народа. Каждый предмет демонстрирует не только экологичность и портативность как наследие и опыт предыдущих поколений, но и результат процесса аккультурации в полиэтничной среде на Волге. На современном этапе эти предметы составляют основу коллекций многих музеев.

Источники

ГА АО — Государственный архив Астраханской области.
НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.
РЭМ — Российский этнографический музей.

Литература

Ардашева 2019 — *Ардашева М. Е.* От Grand-тура до «венчания» с Россией: образовательные путешествия наследников российского престола // Вестник государственного университета «Дубна». Серия: Науки о человеке и обществе. 2019. № 4. С. 26–37.

Боголюбов 1862 — *Боголюбов Н. П.* Волга от Твери до Астрахани: с 10 литографиями, 31 политипажем и картой Волги. СПб.: о-во «Самолет», 1862. VIII, 415 с., 1 грав. тит. л., 11 л. ил., карт.

Дарбакова 1969 — *Дарбакова В. П.* Калмыцкие экспонаты на международной выставке одежды в 1902 году в Санкт-Петербурге // Ученые записки Калмыцкого научно-исследовательского института языка и литературы. Вып. 8. Элиста: КНИИЯЛИ, 1969. С. 215–218.

- Императорские коллекции 1995 — Императорские коллекции в собрании Российского этнографического музея «Цари народам — народы царям». М.; СПб.: Изд. дом «Паспорт Интернеэйшил», 1995. 150 с.
- Лиджиева, Бадмаева 2016 — *Лиджиева И. В., Бадмаева Е. Н.* Конструирование исторической памяти на имперском пространстве XIX в. // Вопросы истории. 2020. № 4. С. 156–164. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202004Statyi14
- Майорова 2015 — *Майорова А. С.* Посещение Саратова наследников цесаревичем Александром Николаевичем в 1837 г. в контексте культурных коммуникаций столичных и губернских городов России // Известия Саратовского ун-та. Сер.: История, Международные отношения. 2015. Т. 15. Вып. 1. С. 81–86.
- Маршрут путешествия 1863 — Маршрут путешествия Государя Наследника Цесаревича в 1863 году. СПб.: тип. Тов-ва «Общественная польза», 1863. 16 с.
- Матвенов 2009 — *Матвенов Е. Р.* Об организации выставки калмыцких экспонатов в Петербурге // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4. С. 162–164.
- Митиров 2003 — *Митиров А. Г.* Калмыцкие этнографические коллекции за пределами Калмыкии // Вестник Калмыцкого республиканского краеведческого музея им. Н. Н. Пальмова. Вып. 1. Элиста: Калм. гос. ун-т, 2003. С. 24–28.
- Плотникова, Плотников 2018 — *Плотникова Г. Н., Плотников С. Н.* «Всенародное обручение наследника с Россией» (к 200-летию со дня рождения императора Александра II) // Грамота. 2018. № 12(98). Ч. 2. С. 243–248. DOI: 10.30853/manuscript.2018-12-2.12
- Романовы в дороге 2016 — Романовы в дороге. Путешествие и поездки членов царской семьи по России и за границу. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 320 с.
- Тепкеев 2022 — *Тепкеев В. Т.* Встреча императора Петра I и калмыцкого хана Аюки на Волге в 1722 г.: мифы и реальность // Монголоведение. 2022. № 14(1). С. 8–19. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-8-19
- Трепавлов 2015а — *Трепавлов В. В.* Царские путешествия на Кавказ // Родина. 2015. № 10. С. 102–107.
- Трепавлов 2015б — *Трепавлов В. В.* Царские путешествия по этническим регионам России // Вопросы истории. 2015. № 2. С. 86–97.
- Царская семья 1889 — Царская семья на Кавказе. 18 сентября – 14 октября 1888 года. Составлено по поручению Главноначальствующего Генерал-Адъютанта Князя Дондукова-Корсакова Полковником

Потто. Тифлис: тип. Окружного штаба Кавказского военного округа, 1889. 228 с.

Шубинский 1872 — *Шубинский С. Н.* Посещение государем-императором в 1871 году житного рыболовного промысла на Каспийском море, принадлежащего коммерции советникам Сапожниковым. СПб.: тип. А. Траншеля, 1872. 27 с., 2 л. ил.

Проект реформирования земельного устройства Калмыцкой степи Астраханской губернии в контексте указа от 30 декабря 1846 г. (по данным архивных источников 1910 г.)

*Евгений Александрович Гунаев*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-7173-4170. E-mail: gunaevea@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2022

© Гунаев Е. А., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье на примере архивных источников Управления калмыцким народом 1910 г. рассмотрены положения, свидетельствующие о проекте активизации земельного устройства калмыков Астраханской губернии в контексте указа 1846 г. *Результаты.* Проведен анализ ранее неопубликованных архивных источников по теме исследования с точки зрения формы и содержания, предложена разработка гипотезы дальнейшего исследования названной проблемы. *Выводы.* В приведенных документах содержатся ценные сведения о землепользовании в Калмыцкой степи, различных аспектах процесса обоседления калмыков, указываются способы совершенствования норм указа 1846 г. к условиям начала XX в., проекты применения в отношении земельных прав калмыков норм общероссийского законодательства и положений о сибирских инородцах и степных областей. Проект провозглашал цель дальнейшего переселения русских крестьян в Калмыцкую степь в зависимости от землеустройства калмыков. По мнению автора, названные вопросы можно исследовать с позиции исторической гипотезы, как бы развивалась земельная реформа в Калмыцкой степи, если бы проект был осуществлен. Проект также провозглашал распространение на калмыков норм общероссийского земельного законодательства и применения в Калмыцкой степи положений о земле, принятых для сибирских инородцев и степных областей.

Ключевые слова: Калмыцкая степь, Астраханская губерния, земельное устройство, указ от 30 декабря 1846 г.

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Гунаев Е. А. Проект реформирования земельного устройства Калмыцкой степи Астраханской губернии в контексте указа от 30 декабря 1846 г. (по данным архивных источников 1910 г.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 3. С. 36–55. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-3-23-36-55

Land Utilization Reform Project for Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate in the Context of the Decree 30 December 1846: Analyzing Archival Sources of 1910

*Evgeniy A. Gunaev*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin Str., Elista, 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Law), Senior Research Associate

 0000-0002-7173-4170. E-mail: gunaevea@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2022

© Gunaev E. A., 2022

Abstract. Introduction. The article examines some 1910 archival documents of the Kalmyk People’s Administrative Department for provisions containing evidence that there had been a project aimed at activating land utilization across Kalmyks-inhabited territories of Astrakhan Governorate in the context of the Decree of 1846. **Results.** The study provides an essential-and-formal analysis of related and previously unpublished archival sources, introduces a roadmap to tackle a hypothesis and further investigate the issue. **Conclusions.** The addressed documents contain valuable data on land use in Kalmyk Steppe, various aspects of Kalmyks’ sedentarization, indicate ways to improve guidelines articulated in the Decree of 1846 under the early 20th-century conditions,

narrate about projects for the application of land-related norms contained in imperial legislation and regulations on non-Russians of Siberia and steppe regions — to Kalmyks and their land rights. The project proclaimed the goal of further resettlement of Russian peasants to Kalmyk Steppe in dependence to land utilization patterns of Kalmyks preferred. The work postulates these issues can be investigated from the standpoint of a historical hypothesis of how the land reform would have developed (and what it would have led to) in Kalmyk Steppe had the project been implemented.

Keywords: Kalmyk Steppe, Astrakhan Governorate, land planning, Decree of 30 December 1846

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Gunaev E. A. Land Utilization Reform Project for Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate in the Context of the Decree 30 December 1846: Analyzing Archival Sources of 1910. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022; 3: 36–55. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-3-23-36-55

Введение

Период конца XIX – начала XX в. в Калмыцкой степи Астраханской губернии характеризуется определенными реформами, имевшими целью приблизить калмыков к общероссийским тенденциям социально-экономического развития. Это и реформа 1892 г. об отмене феодальной зависимости, и полицейская реформа 1886 г., а также административная реформа 1909 г., связанная с укрупнением аймаков и хотонов [Максимов 2002: 202–205, 222–223]. Вместе с тем, согласно архивным данным, этим реформам должна была сопутствовать еще одна, а именно — земельная. Однако в силу ряда обстоятельств ее разработка затянулась до 1914 г. [Плюнов 2016: 420]. В связи с начавшейся в 1914 г. Первой мировой войной проект обоседления калмыков не был осуществлен [Очерки 1967: 393–394].

В этой связи научный интерес представляют документы 1910 г., в частности документы Управления калмыцким народом (далее — УКН), содержащиеся в фондах Национального архива Республики Калмыкия (далее — НА РК), раскрывающие назначение проектировавшейся реформы.

Цель статьи — раскрыть основные положения проекта реформирования земельного устройства Калмыцкой степи Астраханской губернии на основе архивных источников периода 1910 г.

Задачи исследования состоят во введении в научный оборот новых, ранее неопубликованных архивных источников по теме исследования, их анализе с точки зрения формы и содержания, в разработке гипотезы дальнейшего исследования.

Материалы и методология исследования

Материалы исследования представлены документами дела № 1а «Дело по земельному устройству калмыков Астраханской и Ставропольской губерний» (1892–1912 гг.) описи 7 фонда И-9 (Управление калмыцким народом — 1838–1917 гг.) Национального архива Республики Калмыкия. В указанном деле были выявлены следующие документы:

– доклад Заведующего калмыцким народом Съезду улусных попечителей 25 сентября 1910 г. «по вопросу принятия мер к широкому проведению в жизнь закона 30 декабря 1846 г.» [[НА РК. Ф.И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 110–115](#)];

– доклад секции от 20 октября 1910 г., в составе попечителя Яндыко-Мочажного улуса В. Е. Локтева и чиновника особых поручений Управления калмыцким народом Ф. И. Плюнова, при участии и д. (исполняющего дела. — Е. Г.) попечителя Малодербетовского улуса М. И. Павинского, «касательно проведения в жизнь калмыков закона 30 декабря 1846 г., об отводе отдельных наделов, тем из инородцев, кои выражают желание осесть по правилам названного закона» [[НА РК. Ф.И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 107об.–109об.](#)].

– журнал № 5 заседания Съезда улусных попечителей от 2 октября 1910 г. [[НА РК. Ф.И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 105об.–106](#)];

Два документа имеют похожие даты, журнал от 2 октября и доклад секции от 20 октября. Представляется, что речь идет об одной дате — 2 октября, поскольку секция также проходила во время Съезда улусных попечителей.

Для аутентичности текста архивных документов в настоящей статье в отношении Указа 30 декабря 1846 г. сохраняется термин «закон».

Методами исследования выступают историко-генетический, историко-сравнительный, источниковедческие анализ и синтез.

История вопроса

Непосредственно вопрос, касающийся темы данного исследования, рассматривал как современник Ф. И. Плюнов в своем труде «Калмыцкий народ и Октябрьская революция. 1919–1924 гг.», впервые изданном в 2016 г. [Плюнов 2016: 416–420]. Согласно его изложению, российскими властями разрабатывался проект, в соответствии с которым в Калмыцкой степи предлагалось ввести те же основания землепользования, какие были приняты для степных областей. Но принятию законопроекта помешали осложнение политических отношений на Дальнем Востоке и русско-японская война. Вопрос о реформах в Калмыцкой степи вновь возник в правительственных кругах в октябре 1913 г., когда в Государственную думу Министерство внутренних дел представило «законопроект о преобразовании административного, судебного и земского устройства в Калмыцкой степи, причем вопрос о поземельном устройстве [был] оставлен открытым, подчинив разрешение споров по землепользованию ведению земских начальников» [Плюнов 2016: 419–420].

Закон (Указ.— *Е. Г.*) от 30 декабря 1846 г. об отводе земель калмыкам Астраханской губернии для оседлого поселения подлежал применению в порядке Временных правил по его применению. Они были утверждены 20 мая 1914 г. министром внутренних дел Н. А. Маклаковым по согласованию с министром юстиции и главноуправляющим землеустройством и земледелием, и астраханскому губернатору было предложено привести в исполнение названный нормативный акт [Плюнов 2016: 420]. Текст Временных правил приводится в книге Ф. И. Плюнова [Плюнов 2016: 421–424].

В научном плане указанный вопрос затронул А. Н. Команджеев. Он отмечает, что процесс перехода к оседлости среди калмыков Астраханской губернии побудил просить о наделении землей по указу о заселении дорог 1846 г. ряд аймаков, хотонов, хурулов и отдельных лиц. «К этому их побуждало не только стрем-

ление осесть на землю, но и постоянная боязнь остаться вообще без земли, поскольку неясность территории и туманные границы калмыцкого общинного землепользования являлись причиной последовательных отводов царизмом калмыцких земель подобочные статьи и предметом острых споров» [Команджаев 1999: 60–61].

Съезд улусных попечителей в 1909 г. выработал проект инструкции по применению закона 1846 г., который был представлен на утверждение в МВД. Как считает А. Н. Команджаев, «эта инструкция являла собой один из триумфальных актов столыпинского аграрного законодательства: общественным сходам предоставлялось право заменять „общинное пользование землею... участковым или подворным (наследственным) по согласию на тоне менее двух третей домохозяев, имеющих право голоса“ в размере не более 30 десятин на душу мужского пола» [Команджаев 1999: 61].

В то же время, как полагает А. Н. Команджаев, посредством данной инструкции отнюдь не ставилась задача улучшения жизни населения путем привития им оседлости, новых приемов хозяйствования и т. п. «Применение этой инструкции, наделение землей из расчета 30 дес. на мужскую душу обещали в будущем фантастические результаты в деле обнаружения земельных излишков: ведь 140 тыс. человек занимали официально территорию в 6,5 млн десятин» [Команджаев 1999: 62], что отвечало интересам верхушечной части калмыцкой и переселенческой деревни (см. также: [Команджаев 2009: 125, 134]).

В целом указ 1846 г. рассматривался в историографии в контексте государственной политики по поселению в Калмыцкой степи крестьян из малоземельных губерний, аграрно-национального вопроса и связанных с ним противоречий [Пальмов 1932: 11; Очерки 1967: 292–299; Команджаев 1980: 64–81; Борисенко 1989: 63–89; Белоусов 2009: 514–559; Белоусов 2016: 115–122; Белоусов 2020: 632–639; Бадмаева 2016: 1173–1181; Горяев 2013: 154–162; Надбитов 2006: 42–51; Когаева 2011: 77–80].

С. Ю. Деев, исследуя проблемы системы управления калмыцким народом в XIX в., отмечает, что постепенный переход кочев-

ников к оседлости и установление в Калмыцкой степи четких административных единиц облегчили бы местной администрации задачи управления и проведения реформ [Деев 2006: 125].

Как представляется, в историографии не рассматривается подробно вопрос о проекте земельного переустройства Калмыцкой степи на началах указа (закона) 1846 г. в начале XX в. В этой связи приводимые в данной статье источники должны восполнить пробел по указанному вопросу.

Архивные материалы о проекте реформы земельного устройства Калмыцкой степи на началах Указа 1846 г. в 1910 г.

В докладе Заведующего калмыцким народом С. А. Козина съезду улусных попечителей 25 сентября 1910 г. обосновывались меры по вопросу широкого проведения в жизнь закона 30 декабря 1846 г. На документе имеется пометка: «В Земский отдел с инструкцией о применении закона 1846 г. 13/15 октября 1910 г. № 6945» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 110]. В докладе отмечалось, что в письме министра внутренних дел статс-секретаря П. А. Столыпина от 11 августа 1910 г. за № 2665 на имя астраханского губернатора было высказано указание о необходимости в виду «скорейшего поднятия хозяйственного быта калмыков, приобщения их к общей культурной жизни и слиянию с коренным русским населением»: 1) отвода земельных наделов тем из инородцев, которые выражали желание осесть поправилам закона 30 декабря 1846 г. и 2) открытия более широкого доступа в калмыцкую степь русским земледельцам, «которые, несомненно, как это показал опыт, будут способствовать переходу калмыков к правильному занятию земледелием и оседлому быту» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 110]. В письме министра П. А. Столыпина указывалось, что, хотя в законе 1846 г. и предусматривались меры для землеустройства калмыков, но многое в нем могло оказаться неполным и не соответствующим времени. В этой связи П. А. Столыпин поручал обсудить на месте, «какие нужны меры к широкому проведению в жизнь закона 1846 г. и как, в целях успешности дела, надлежало бы организовать работы по этому предмету и какие для сего по-

требовались бы средства и техничеcко-межевой состав» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 110].

Согласно докладу С. А. Козина, в середине XIX в. бытовой уклад калмыцкого населения «носил все характерные черты, присущие полубродячим кочевникам» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 110об.], поэтому обосновывалась преждевременность перевода калмыков на оседлость, этим же объяснялась полная неудача в поземельном устройстве калмыков в годы, непосредственно следовавшие за изданием закона 1846 г. В начале XX в. наблюдалась уже другая ситуация: сократился радиус кочеваний, две трети калмыков «почти приблизились к оседлому строю и хозяйству» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 110об.], в этой связи возникла острая необходимость правильного землеустройства. Население на основе обычая само установило полулусное распределение угодий степи, а в значительных районах и строгое распределение угодий по аймакам, родовым группам и даже хотонам. В некоторых улусах, например, Яндыковском и Малодербетовском, родовыми группами возбуждались определенные ходатайства об их землеустройстве на началах закона 1846 г. [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 110об.].

Далее в докладе приводится сравнение применения норм закона 1846 г. для калмыков Астраханской и Ставропольской губерний. Применение закона 1846 г. в части землеустройства калмыков в Астраханской губернии имело место лишь в 1860-х гг. и выразилось в виде отвода калмыкам участков для заведения степного хозяйства, по нормам данного закона, а в низменной части степи даже по 60 дес. на душу. В Малодербетовском и Манычском улусах отведено было на этом основании 624 382 дес. и в Икицохуровском 84 745 дес. Однако большинство этих участков, по результатам обследования их в 1871 г. особой комиссией, было отобрано от общества, как не исполнившего обязательств о возведении на них хозяйственных построек, и обращено в общее пользование с сохранением права на отведенные участки лишь за 5–6 обществами, например, Ики-Бухусовское, Бага-Бухусовское, Найнтакиновское и др. На планах отведенным названным обществам земель не было

сделано никаких утвердительных надписей, а также не было выдано никаких отводных актов [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л 110об.].

Применение закона 1846 г. к калмыкам Ставропольской губернии (Большедербетовский улус), произведенное на одинаковых основаниях и в том же порядке, выразилось, однако, в полном завершении предварительных работ по землеустройству всего калмыцкого населения этого улуса по нормам названного закона, причем остался невыполненным лишь завершающий момент установления землеустройства сельского населения: составление, предъявление и выдача отводных записей [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 111].

Согласно С. А. Козину, причины «столь незначительных итогов в землеустройстве калмыцкого населения за продолжительный период почти шестидесятилетнего действия землеустроительного закона 1846 г.» виделись в том, что 1) недостаточно были разработаны правила отвода земель и 2) не содержалось никаких норм относительно утверждения произведенных отводов и укрепления подлежащими отводными актами. Столь существенные пробелы не могли, конечно, не отразиться самым отрицательным образом «как на землеустроительной деятельности подлежащих учреждений, так и на проявлении инициативы самого населения, малосознательного, полукочевого и не склонного к ломке исконно усвоенного быта» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 111].

Недостаточная проработанность закона 1846 г. приобрела еще более важное значение ввиду отмены в 1908 г. статей 575 и 576 Положения об инородцах, нормировавших собственно заселение дорог и имевших своим источником инструкцию, изданную в развитие закона 1846 г. [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л 111об.].

В составе Управления калмыцким народом, подвергшегося значительным штатным изменениям, в начале XX в. оставались специальные землеустроительные чины, которыми являлись: Заведующий калмыцким народом, переименованный в 1902 г. из помощника Главного попечителя по заселению дорог, землемер, архитектор и один чиновник особых поручений. Эти чины и составляли землеустроительный орган (особую комиссию) при Главном

попечителе калмыцкого народа, каковым в то время являлся астраханский губернатор, объединявший в своем лице руководителя и главу крестьянских и инородческих учреждений губернии.

Докладчиком ставился вопрос, в какой мере необходимо было увеличить состав чиновников для землеустройства калмыцкого населения. Он обратил внимание, что с 1910 г. при Управлении калмыцким народом распоряжением министра внутренних дел была установлена за счет общественного калмыцкого капитала должность агронома, которая, по его мнению, несомненно, могла играть большую роль в создании землеустроительного органа по применению закона 1846 г.

В качестве способа устранения пробелов закона 1846 г. виделось издание подробной инструкции по применению названного закона к калмыкам, желавшим осесть и получить земельное устройство в порядке статьи 534 Положения об инородцах, «коей предоставлены Попечительной власти над калмыками применяться в подлежащих случаях, к правилам, которые были постановлены в учреждениях Управления Государственных крестьян, а следовательно, к таковым же, постановленным в настоящее время для тех же крестьян» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 112].

Далее указывалось, что Положением о сельском состоянии, в нормах, касающихся земельного устройства государственных крестьян и инородцев (кн. 5 и 6), были предусмотрены и установлены землеустроительные органы, ведавшие делом отграничения и утверждения отводов, а также составлением, предъявлением, и выдачей земле отводных актов:

1) партии производителей работ, действовавшие под общим руководством старших чиновников;

2) поземельно-устроительные комиссии, образуемые под председательством старшего производителя работ в составе: а) местных органов крестьянских установлений (земские начальники, крестьянские и инородческие начальники); б) начальников уездных полиций (исправники, начальники уездов); в) податной инспекции; г) лесничего; з) губернского учреждения, как-то: губернские и губернские по крестьянским делам присутствия, об-

щие присутствия губернского управления или области правлений и т. п.

Создание соответственных органов для землеустройства в Калмыцкой степи не могло, по мнению докладчика, «встретить на практике ни серьезных затруднений, ни существенных затрат из калмыцких общественных источников расходов, сопряженных с устройством и улучшением быта калмыков» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 112–112об.].

Так, предлагалось:

1) обязанности старшего чиновника по общему руководству делом землеустройства в степи возложить на Заведующего калмыцким народом; обязанности старшего производителя работ — на агронома при Управлении; чиновник особых поручений, землемер, архитектор и старший землемер составили бы партии производителей работ;

2) поземельно-устроительные комиссии могли бы быть назначены под председательством агронома, в составе попечителей улусов по принадлежности и их помощников, податного инспектора по Калмыцкой степи, а при недостаточности и по смежному с Калмыцкой степью уезду, и наконец лесничих Черноярского и Астраханского уездов или чинов Лесного ведомства, Заведующего делом пескоукрепления. По проекту комиссий предлагалось открыть вначале лишь две: Дербето-Икицохуровскую (для улусов Малодербетовского, Икицохуровского и Манычского) и Яндыко-Эркетеневскую (для обоих улусов), поскольку в данных улусах землеустройство, по признакам наибольшей оседлости, являлось «наиболее назревшим» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 112об.].

С расширением землеустроительных работ и усилением состава партий производителей работ (межевых чинов), по мнению докладчика, на первое время было бы достаточно внести в смету общественного калмыцкого капитала от полутора до двух тысяч рублей на содержание при Управлении старшего землемера и от двух до трех тысяч рублей на операционные расходы по землеустройству, принимая в расчет, что «поставка рабочих и средств передвижения должна быть, казалось бы, принята за счет заин-

тересованных в землеустройстве калмыцких обществ, натурою» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 112об.–113].

В отношении установления основ земельного устройства калмыков на началах закона 1846 г., а также дополнения его норм правилами о порядке определения земельных наделов и производства земельно-устроительных работ, то в инструкцию предлагалось внести «узаконения», содержащиеся в ст. 1–107 Положений крестьянских собраний (кн. VI), применив их к особенностям устройства калмыков [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 113].

Главные особенности должны были заключаться в следующем: 1) учет семейств калмыков, временно кочевавших в пределах степи, «не порвавших связи с ней, обложенные на равных с прочим населением податью со скота и участвующих в той или иной форме в пользовании угодьями степи в улусах и аймаках»; 2) учет ранее отведенных наделов (Ики-Бухусы, Найнтакины и др.); 3) соблюдение норм закона 1846 г. о праве получивших наделы на общие пастбища и 4) разрешение вопроса о назначении имевшихся образовавшихся излишков после завершения землеустройства улусных групп [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 113].

В докладе отмечалось, что нормы о заселении дорог через калмыцкие земли, которыми предусматривалось поселение русских земледельцев к станицам калмыков, были отменены в 1908 г. (ст. 575 и 576 Положения об инородцах). Съезд улусных попечителей отметил, что Министерством внутренних дел было дано разъяснение о возможности принятия русских земледельцев в среду калмыцких обществ по приговорам (решениям. — *Е. Г.*) последних [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 113об.].

В докладе содержится характеристика землепользования в Калмыцкой степи в начале XX в. Отмечалось, что отведенные калмыкам земли юридически, а в значительной части и фактически находились в общем пользовании всего народа, и лишь в некоторых частях обычаем сложилось поулусное и поаймачное землепользование, не ограниченное в натуре и не закрепленное никакими открепительными актами. Так, улусы Харахусовский и Икицохуровский сохраняли общее пользование своими землями,

улус Эркетеновский служил нередко выпасным фондом для всех степных скотоводов, имея, кроме того, обширную полосу общего землепользования с калмыками Икицохуровского улуса, а Яндыковский улус — такую же с калмыками Харахусовского улуса; аймачное землепользование в общих чертах сложилось лишь в улусах Малодербетовском, Манычском и Яндыковском [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 113об.].

Указывалось, что устройство русских земледельцев на одинаковых правах землепользования с калмыцкими обществами, в свою очередь не имевшими никакого земельного устройства, могло внести «в степь скорые беспорядок и смуту, нежели правильное и государственно необходимое слияние» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 113об.]. В этой связи скорейшее землеустройство калмыцких обществ на началах закона 1846 г. и применительно к общим нормам о землеустройстве государственных крестьян и инородцев представлялось крайне необходимым, так как при самом землеустройстве уже возможно было поселение русских земледельцев, согласно ст. 9 и 25 Положения крестьянских собраний, к аймачным обществам, заявившим ходатайство об оставлении за ними излишков земель, которые окажутся в результате наделения их по нормам закона 1846 г. Предлагалось, что до начала процесса земельного устройства калмыков русских земледельцев и скотоводов «для широкого доступа в степь» поселять на основаниях оброка, в пределах тех излишков калмыцких землепользователей, которые были установлены обследованием 1909 г. По завершении же землеустройства этой цели могли служить общие по степи излишки земель и «правомерное слияние калмыков с коренным русским населением, в порядке приема по приговорам» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 114–115].

Следующий документ — «Доклад секции от 20 октября 1910 г., состоящей из попечителя Яндыко-Мочажного улуса В. Е. Локтева и Чиновника особых поручений Управления калмыцким народом Ф. И. Плюнова, при участии и т. д. (исполняющего дела. — Е. Г.) попечителя Малодербетовского улуса М. И. Павинского, касательно проведения в жизнь калмыков закона 30 декабря 1846 г.,

об отводе отдельных наделов, тем из инородцев, кои выражают желание осесть по правилам названного закона» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 107об.–109об.].

Рассматривая вопрос о более широком внедрении среди калмыков закона 1846 г., секция считала необходимым, прежде всего, коснуться вопроса о том, как само население в его главной массе относилось к данному вопросу и насколько оно подготовлено к осуществлению намеченных мер.

В докладе секции отмечается, что законом 1846 г., а также и последующими распоряжениями правительства была признана необходимость приобщения калмыков к оседлости, с целью которой и выдавались ссуды на постройку жилых помещений. Поначалу эти меры, как показали многие факты при взыскании с калмыков старых ссуд, не сразу нашли себе отзвук населения: калмыки охотно брали эти ссуды, но расходовали их не по назначению. Но с течением времени положение вещей резко изменилось, и власти уже столкнулись с инициативой самого общества — стали подаваться ходатайства о поселении, о наделе землею. Так, по Яндыковскому, Манычскому и Малодербетовскому улусам ходатайствовали целые общества, но в силу принципа общего пользования надлежащее разрешение не получили [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 107об.].

В докладе указывается, что кочевой строй жизни калмыков утратил свой первоначальный облик, за редким исключением передвижение калмыков ограничивалось пределами своего рода. Калмыки Яндыко-Мочажного и частью Малодербетовского, Манычского улусов прочно осели в своих родах и, обзаведясь жилыми и хозяйственными постройками, образовали мелкие оседлые единицы типа хуторских хозяйств.

Эти данные дали полные основания секции заключить, что проведение в жизнь закона 1846 г. в указанное время являлось не только желательным, но осуществимым. Секция также пришла к выводу, что закон 1846 г., будучи примененным в свое время исключительно к заселению дорог, отличался своей неполнотой: не содержал в себе указаний порядка производства землеустроительных работ, составления и выдачи населению отводных записей,

порядка их утверждения, об обществах, которым отводились наделы. Из личного состава чиновников, установленного этим законом, многие должности были упразднены, а действующий состав к тому времени в виде землемера, архитектора и Чиновника особых поручений являлся ограниченным и не в состоянии был выполнить такую сложную задачу, как «устройство калмыцких наделов» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 107об.].

В виду изложенного секция предлагала, не отступая от основной нормы, указанной в законе 1846 г. душевого надела, при производстве землеустроительных работ руководствоваться положениями и правилами о поземельном устройстве крестьян и инородцев в сибирских губерниях. В законе 1846 г. (ст. 16) было установлено, что поземельно-устроительные комиссии состояли из старшего производителя работ, производителя работ, составивших проект отграничения, и местных крестьянского начальника, податного инспектора, исправника и лесничего. Все работы по землеустройству производились под общим руководством старших чиновников (ст. 44).

По мнению секции, существенно не изменяя наличного штата чинов Управления калмыцким народом, обязанности старшего чиновника возможно было возложить на Заведующего калмыцким народом, старшего производителя работ — на агронома, производителя работ — на землемера, крестьянского начальника и исправника — на улусного попечителя или его помощника.

Высказав желательность учреждения таких комиссий, секция в виду обширности предстоявших работ признала необходимость открыть деятельность по крайней мере двух комиссий: одну для Малодербетовского, Манычского и Икицохуровского улусов, другую — для Яндыко-Мочажного и прочих, причем в состав этих комиссий должны были войти податной инспектор и лесничий там, где в участии последнего будет необходимость [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 108].

Секция в виду сложности производства землеустроительных работ полагала необходимым выработку подробной инструкции, которая исходила бы из местных условий на основе названных положений.

В докладе секции отмечалось, что население Калмыцкой степи разделялось на две резко отличающиеся друг от друга группы: население улусов с прилегающими крестьянскими селами и население улусов степных. В отношении первых отмечалось, что под влиянием русского населения со стороны калмыков к оседлости проявилась инициатива и задача попечительства здесь значительно облегчалась, сводясь к необходимости поддержать эту инициативу разъяснениями на сходах и другими способами, «какие признавались удобными» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 108]. В степных же улусах, где почти не наблюдалось признаков оседлости, вопрос о землеустройстве осложнялся [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 108].

До осуществления землеустроительных работ секция предлагала через местную власть собрать самые точные, относящиеся к этому вопросу, сведения как об обществах, так и отдельных лицах, которые выразили бы желание осесть по правилам закона 1846 г. с указанием количества хозяйств, душ, площадей пользования и вид этого пользования и т. п.

Рациональной мерой внедрения закона 1846 г. в жизнь, «так и слиянию калмыков с коренным русским населением», признавались возможности перечисления русских крестьян к калмыцким и приписку калмыков к русским обществам [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 109].

Так как в Положении об инородцах нигде не было указания о способах таких перечислений и в то же время калмыкам были предоставлены права сельских обывателей, то в данном случае секция находила желательным применение общих крестьянских положений. Что касается вопроса землепользования в Калмыцкой степи приписанных к калмыцким обществам крестьян, то приписываемые должны были подчиниться или тем условиям, которые существовали в общинном пользовании калмыков в то время наравне с последними, или же в том случае, когда перечисление происходило с вырезкой определенных земель, надела, в соответствии с условиями, выработанными землеустроительной комиссией, в круг обязанностей которой должно было войти земельное устройство крестьян.

Далее секция пришла к выводу, что с открытием действий земельно-устроительной комиссии в Калмыцкой степи установленная в ней норма казенного сбора со скота, в связи с наделами, безусловно, будет переработана и заменена сбором какого-либо другого вида, как например, покибиточным, дворовым или по-земельным налогом, и выработанный таким образом вид налога, конечно, должен был распространиться и на перечисляемых крестьян [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 109об.].

Завершающим документом является журнал № 5 заседания съезда улусных попечителей от 2 октября 1910 г. На нем был заслушан доклад Заведующего калмыцким народом С. А. Козина, попечителя Яндыко-Мочажного улуса В. Е. Локтева и чиновника особых поручений Ф. И. Плюнова «по вопросу о принятии мер к широкому проведению в жизнь закона 30 декабря 1846 г. и открытия более широкого доступа в калмыцкую степь русских земледельцев» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 105об.]. В результате съезд постановил возбудить ходатайство об издании, в порядке 534 ст. Положения об инородцах, особой инструкции, которая, исходя из основных норм закона 30 декабря 1846 г., урегулировала бы землеустроительную деятельность по тем же формам и порядкам, которые были установлены законом для землеустройства казенных крестьян, а также инородцев Сибири (Положение о сельских состояниях, кн. V и VI). В отношении проектируемых органов землеустройства и порядка, сопряженного как с нормами закона 1846 г. и особого быта калмыков, так и с постановлениями соответствующих общественных норм, съезд находил предложения комиссии во всем правильными и выработанный проект Инструкции по применению закона 1846 г. о поселении калмыков вполне согласованным с потребностями времени. Съезд признал необходимым всеми законными средствами способствовать приписке русских земледельцев к калмыцким обществам по приговорам последних, руководствуясь в отношении правил приписки перечислений соответствующими нормами Общего положения о крестьянах, причем успешное применение этой меры съезд поставил в необходимую связь с осуществлением землеустройства

калмыков, так как попутно с ним должна была появиться широкая возможность к поселению русских земледельцев, во-первых, за счет освободившихся земельных излишков и, во-вторых, на основаниях оброка русских поселян, «использовав для этой цели те земельные излишки, кои выяснены статистико-экономическим обследованием 1909 г.» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 7. Д. 1а. Л. 105об.–106].

Выводы

Приведенные архивные документы, касающиеся проекта по активному применению указа 1846 г. в отношении калмыков о наделении их землей на началах оседлости, содержат ценную информацию о землепользовании в Калмыцкой степи начала XX в., развитии процесса обоседления калмыков, способах совершенствования норм указа 1846 г. к изменившимся условиям, проектах применения в отношении земельных прав калмыков норм общероссийского законодательства и положений о сибирских инородцах и степных областях. В то же время проект преследовал цель дальнейшего переселения русских крестьян в Калмыцкую степь, но в связи с землеустройством калмыков. В этой связи указанные вопросы могут исследоваться с позиции исторической гипотезы, как бы развивалась земельная реформа в Калмыцкой степи, если бы проект был осуществлен. Отдельного исследования заслуживает вопрос о распространении на калмыков норм общероссийского земельного законодательства, а также применения в Калмыцкой степи положений о земле, принятых для сибирских инородцев и степных областей.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Литература

- Бадмаева 2016 — *Бадмаева Е. Н.* Крестьяне-переселенцы из малоземельных регионов России в Калмыкии в XIX – первой половине XX вв. // Былые годы. 2016. № 4. С. 1173–1181.
- Белоусов 2009 — *Белоусов С. С.* Калмыкия во второй половине XIX в. // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х тт. Т. 1. Элиста: Изд. дом «Герел», 2009. С. 514–559.

- Белоусов 2016 — *Белоусов С.С.* Проблема седентаризации калмыцкого народа в контексте правительственных планов по модернизации его управления и социально-экономического уклада жизни (середина XIX – первая треть XX в.) // Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research. 2016. No. 3(9). Pp. 115–122. DOI: 10.13187/jincfar.2016.9.115
- Белоусов 2020 — *Белоусов С. С.* Формирование органов управления и административно-территориального устройства переселенческой деревни на калмыцких землях Астраханской губернии (вторая половина XIX в.) // Былые годы. 2020. № 2. С. 632–639. DOI: 10.13187/bg.2020.2.632
- Борисенко 1989 — *Борисенко И. В.* Русско-украинская переселенческая деревня Калмыцкой степи: пути возникновения и развития (середина XIX в. – 1917 г.) // Социально-экономическое и политическое положение крестьянства в дооктябрьский период. Элиста: КНИИИФЭ, 1989. С. 63–89.
- Горяев 2013 — *Горяев М. С.* Вовлечение Калмыкии в общественно-экономическую систему Российской империи (последняя треть XVIII – конец XIX века). Элиста: НПП «Джангар», 2013. 224 с.
- Деев 2006 — *Деев С. Ю.* К вопросу о проблемах системы управления калмыцким народом в XIX в. // Вестник КИГИ РАН: сб. науч. трудов. Вып. 20. Элиста: НПП «Джангар», 2006. С. 121–137.
- Когаева 2011 — *Когаева Н. М.* Столыпинское землеустройство в Калмыкии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 9(63). С. 77–80.
- Команджаев 1980 — *Команджаев А. Н.* Аграрная политика царизма и аграрное движение в Калмыкии (1906–1914 гг.) // Калмыкия в трех революциях и гражданской войне. Элиста: КНИИИФЭ, 1980. С. 64–81.
- Команджаев 1999 — *Команджаев А. Н.* Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начале XX века: исторический опыт и современность. Элиста: Калм. гос. ун-т, 1999. 262 с.
- Команджаев 2009 — *Команджаев А. Н.* Общественно-политическое развитие в начале XX в. // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х тт. Т. 2. Элиста: Изд. дом «Герел», 2009. С. 46–106.
- Максимов 2002 — *Максимов К. Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М.: Наука, 2002. 524 с.

- Надбитов 2006 — *Надбитов Р. К.* Социально-экономическое и общественно-политическое развитие Калмыкии в конце XIX – начале XX в. Элиста: Калм. ун-т, 2006. 119 с.
- Очерки 1967 — Очерки истории Калмыцкой АССР: в 2-х тт. Т. 1. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1967. 479 с.
- Пальмов 1932 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 5. Дела земельные. Астрахань: Калмиздат, 1932. 192 с.
- Плюнов 2016 — *Плюнов Ф. И.* Калмыцкий народ и Октябрьская революция. 1919–1924 гг. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 432 с.

Традиционный этикет башкир в работе С. И. Руденко «Башкиры»

Розалия Рафкатовна Баязитова¹

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, просп. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-5731-2019. E-mail: rosali8@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Баязитова Р. Р., 2022

Аннотация. *Введение.* Выдающийся ученый Сергей Иванович Руденко (1885–1969) внес неопенимый вклад в становление и развитие башкирской этнографической, этнологической науки. *Целью* данной статьи является выявление этикетных установок, контекста этикета, представленных в известной монографии С. И. Руденко «Башкиры» (1955; 2006). *Результаты.* Традиционный этикет в названной фундаментальной работе отдельно не рассматривался, но некоторые этикетные ситуации, атрибуты этикета были описаны С. И. Руденко в рамках исследования материальной и духовной культуры, общественного и семейного быта башкир. Так, автором изложены взаимоотношения в семье между супругами, старшими / младшими мужскими / женскими родственниками супругов, описаны некоторые особенности обычая избегания, правила поведения за трапезой, некоторые атрибуты этикета (одежда, подарки) и т. п. Особую ценность представляют наблюдения С. И. Руденко, касающиеся веры башкир в бытование души, иного мира. *Выводы.* В плане исследования традиционного этикета башкир весьма ценны научные обобщения С. И. Руденко, касающиеся мифологических основ некоторых правил этикета, вопросов внутрисемейных взаимоотношений, этикета приема пищи и обмена дарами. Наследие известного ученого по сегодняшний день не потеряло своего значения, продолжает привлекать внимание исследователей как источник. **Ключевые слова:** С. И. Руденко, башкиры, традиционный этикет башкир, атрибуты этикета, обычай избегания

Для цитирования: Баязитова Р. Р. Традиционный этикет башкир в работе С. И. Руденко «Башкиры» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 3. С. 56–67. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-3-23-56-67

The Bashkirs by Sergey I. Rudenko: Traditional Etiquette Revisited

Rozaliia R. Baiazitova¹

¹ Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-5731-2019. E-mail: rosali8@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Baiazitova R. R., 2022

Abstract. *Introduction.* The outstanding scientist Sergei Ivanovich Rudenko (1885–1969) made an invaluable contribution to the formation and development of Bashkir ethnographic and ethnological science. The work of S. Rudenko based on personal observations, folklore samples, and studies of preceding researchers gives a general historical and ethnographic description of the Bashkir people. *Goals.* The article aims to identify etiquette settings, contexts of etiquette patterns presented in his monograph — *The Bashkirs* (1955; 2006). *Results.* The fundamental writing gives no special attention to traditional etiquette but some etiquette situations, attributes of etiquette are described in the context of the scholar’s research into material and spiritual culture, social and family life of the Bashkirs. Thus, the book outlines the relationship between husband and wife, older/younger male/female relatives of the latter, reviews the custom of avoidance, mealtime behaviors, some other attributes of etiquette (clothes, gifts), etc. S. Rudenko’s observations pertaining to Bashkir beliefs in the existence of soul and other world are of particular value. *Conclusions.* In terms of Bashkir traditional etiquette research, the scientific generalizations of S. Rudenko dealing with family, meal etiquette, and that of gift exchange are most essential. The scholar’s legacy remains as immense as it was before, and still serves as a needed source and standard for contemporary researchers. **Keywords:** S. Rudenko, Bashkirs, traditional Bashkir etiquette, attributes of etiquette, custom of avoidance

For citation: Bayazitova R. R. The Bashkirs by Sergey I. Rudenko: Traditional Etiquette Revisited. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022; 3: 56–67. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-3-23-56-67

Введение

Выдающийся ученый Сергей Иванович Руденко (1885–1969) внес неоценимый вклад в становление и развитие башкирской этнографической, этнологической науки. Несмотря на весьма широкий круг научных изысканий, этническая история, культура и быт башкир занимали особое место в творчестве известного ученого. Роль и значение научной деятельности С. И. Руденко высоко оценивается в научных кругах, в дань уважения памяти ученого проводятся конференции, издаются сборники, биобиблиографические указатели [С. И. Руденко и башкиры 1998; Руденко Сергей Иванович 2015; и др.]. Значимость его научных трудов подтверждают переиздания книг, в том числе и монография «Башкиры» [Руденко 1955; Руденко 2006].

Интерес С. И. Руденко к башкирской теме, возможно, был обусловлен жизненными обстоятельствами. «Еще обучаясь в последних классах Пермской гимназии, он во время летних каникул вместе со своим отцом, который в те годы занимал должность члена комиссии по размежеванию башкирских земель, много времени проводил в поездках по разным уездам и волостям, имел прекрасную возможность напрямую и в подробностях ознакомиться с культурой и бытом местного населения, прежде всего башкирского», — отмечал А. М. Решетов [Решетов 1998: 5]. Прекрасное воспитание, живой ум, желание познания нового определили область научных интересов и направлений дальнейшей деятельности будущего ученого. «Задавшись целью написать этнологическую монографию о башкирах, я приступил к сбору материалов в 1905 году и закончил свои исследования в 1908 г.», — писал С. И. Руденко в предисловии к монографии «Башкиры» [Руденко 2006: 5]. Знаменательным является также и то, что одна из первых его работ «Предания и сказки башкир», изданная на французском языке в Париже [Rudenko 1908; Rudenko 1909], две монографии

[Руденко 1916; Руденко 1925] и последняя крупная работа [Руденко 1955] посвящены башкирам.

В данной статье рассмотрим вклад С. И. Руденко в изучение традиционного этикета башкир на основе анализа популярной монографии «Башкиры», изданной в 1955 г., переизданной с некоторыми дополнениями в 2006 г. [Руденко 1955; Руденко 2006]. В своем фундаментальном труде он, опираясь на личные наблюдения, фольклор и труды предшественников, дает обобщающее историко-этнографическое описание башкир. Важно отметить, что традиционный этикет башкир в названном труде автором отдельно не изучался. Но этикетные ситуации, атрибуты этикета в некоторой степени были переданы им в главах, посвященных исследованию общественных отношений, занятий и образа жизни, пищи, одежды и украшений, жилищ и построек, семейного быта и народных празднеств, пережитков религиозных доисламских представлений.

Материалы С. И. Руденко как источник для изучения традиционного этикета башкир

Взаимоотношения супругов

Как известно, этикетные ситуации наиболее ярко прослеживаются во внутрисемейных взаимоотношениях. «В семье различия ее членов в основном обусловлены биологическими признаками (пол, возраст), брачным состоянием (муж, жена), родственными и свойственными отношениями, и в соответствии с этим распределяются статусные роли. Поведение членов семей разных этнических общностей, конфессиональных и социальных групп существенно различается» [Баязитова 2007: 15].

Характер взаимоотношений в семье также был обусловлен трудовыми функциями супругов. Традиционно мужчина должен был обеспечивать семью, защищать ее интересы. На женщину возлагались домашние дела, воспитание детей. По данным С. И. Руденко, «вся домашняя работа лежала на башкирской женщине: она готовила пищу и ухаживала за детьми, доила коров и кобыл, заготавливала на зиму запасы провизии, шила одежду, обувь, ткала

холст и сукно, валяла войлок и проч. В страдную пору она жала хлеб, а местами и косила, молола муку на ручных жерновах, работала на огороде и т. п. Только во время менструаций (*күрем*) она устранилась от приготовления пищи, для чего мужем приглашалась какая-нибудь родственница. На обязанности мужчин лежало наблюдение за табунами, их пригон на кочевку, лесной промысел, охота и пчеловодство. Там, где занимались хлебопашеством, башкир сам пахал и боронил, жал же хлеб и молотил вместе с женой» [Руденко 2006: 225–226].

Подобное разделение трудовых обязанностей нашло отражение в застольном этикете. «Мужчины-охотники ели преимущественно мясную пищу, свою добычу, которая женщинам доставалась не всегда. Позднее пищевая сегрегация полов усиливается; она частично связывается с брачно-половыми отношениями», — писал С. А. Токарев [Токарев 1970: 6]. Так, у башкир распределение мяса возлагалось на мужчин. По данным полевых исследований, до сегодняшних дней сохранилось следующее предписание, что «хлеб должен разрезать мужчина, но будет лучше, если будет делить без ножа» [Баязитова 2007: 213]. Данное правило пожилые люди объясняют тем, что женская энергия, потраченная на эту работу, не восстанавливается.

Очень ценными для нас являются наблюдения ученого, затрагивающие вопросы взаимоотношения молодоженов. Так, С. И. Руденко описывает весьма любопытное действие, которое проводилось в первую брачную ночь. Рассказывая о первой встрече молодых, он отмечал, что муж приказывал супруге снять с него сапоги [Руденко 1955: 262], что исполнялось беспрекословно. Сходное поручение наблюдалось и у других народов. У чувашей первую ночь молодые проводили в клети или другом нежилом помещении. Согласно обычаю, молодая должна была разуть мужа [Этнография народов 2007: 206]. У татар также наблюдался обряд раздевания мужа, значение которого сводилось к демонстрации власти мужа над женой [Татары 1967: 240]. У русских в один сапог клали деньги, и, если жене «удавалось» снять тот, в котором находились деньги, она не только получала их за свой труд, но и впредь с это-

го дня не обязана была снимать с мужа сапоги [Лицын 1916: 15]. Возможно, данное действие констатировало уважительное отношение жены к мужу и в то же время подчеркивало ее подчиненное положение. Бытование подобного обычая З. З. Нафиков связывал с подчиненным положением женщин [Нафиков 1974: 16].

Безусловно, мы не отрицаем тезис о зависимом положении женщин в традиционном обществе. В то же время исследователями отмечалось, что башкирки пользовались относительно большей свободой. Приведем данные, зафиксированные С. И. Руденко: «Башкирские женщины пользовались относительно большей свободой, чем у многих других мусульманских народов. Восточная зауральская башкирка, за исключением свекра, почти ни от кого не закрывала своего лица. То же можно сказать и о горных башкирках, тогда как западные башкирки мало в этом отношении отличались от соседних татарок. Пожилые женщины и девочки лет до 11–12 совсем не закрывали лица» [Руденко 2006: 226]. Заметим, что у башкир пожилые женщины пользовались уважением и почетом, деление по возрастному принципу было первично по отношению к половому принципу разделения. Старшая по возрасту женщина могла участвовать в семейных советах, с ее мнением считался глава семьи.

Обычай избегания

С. И. Руденко не мог не обратить внимание на тонкости соблюдения обычая избегания. Согласно установленным этикетным предписаниям, замужним женщинам запрещалось ходить с непокрытой головой, показываться с обнаженными ногами, руками, а также следовало прикрываться при кормлении ребенка. Запрещалось вступать в разговор мужа с посторонними мужчинами. По наблюдениям С. И. Руденко, в кругу своей семьи женщина ела вместе со всеми чадами и домочадцами, а при постороннем мужчине, если только он не близкий родственник, она только подавала на стол [Руденко 1955: 268]. В работе Льва фон Бергхольца, изучавшего восточных башкир-китайцев, также была подмечена эта особенность: «На женщину мужчины смотрят, как на вещь, как на рабыню; она не смеет вступать в разговор мужа с кем-либо из по-

сторонних» [Бергхольц 1893: 80]. Традиционно при появлении в доме постороннего человека башкиры приглашали его за трапезу, считая, что это Божий гость. Если гость был мужского пола, то молодые женщины удалялись, а старшей женщины эти условности не касались.

Как известно, по обычаю экзогамии невестка рассматривалась в семье мужа чужеродкой. Жених для родителей и родственников невестки также был «чужим». К тому же у башкир жена до полной уплаты калыма оставалась в доме родителей. Молодой муж тайком и гласно посещал жену, соблюдая определенные правила. По данным С. И. Руденко, после *ижсап-кабул* ‘малой свадьбы’ жених уже имел право посещать молодую на правах мужа в доме ее отца. Это посещение начиналось им после уплаты половины калыма и вручения теще *инэ-туны* ‘лисий шубы’ или после обмена подарками родителей брачующихся. Но в то же время в собственном доме тесть не принимал молодого, так как последний в течение года, а иногда и более, до окончательной выплаты калыма не должен был показываться на глаза ни тестю, ни теще [Руденко 1955: 260, 262]. Что касается сроков соблюдения данного запрета, то, согласно полевым материалам и свидетельствам ученых, мы можем предположить, что он продолжался до полной выплаты калыма и переезда молодой в дом мужа. Приведенная этикетная установка также является одним из элементов важного блока поведенческой культуры — обычая избегания.

Положение вдовы и термины родства у башкир

У башкир существовали определенные правила поведения для вдов и вдовцов. С учетом того, что вся ответственность по содержанию семьи ложилась на мужчин, вдов старались как можно скорее выдать замуж, но здесь была и иная, моральная, сторона. Согласно левирату, на сноху-вдову могли претендовать младший брат, племянник, сын брата покойного мужа. Вдова могла отказаться от этого брака, но башкирки предпочитали не отдаляться от родственников мужа, особенно если были дети. «При желании она оставалась жить в семье, воспитывая своих детей и не выходя замуж. Бывали даже случаи, что младший брат покойного при всту-

плении в брак с вдовой уплачивал ей калым, хотя и не полный» — отмечал С. И. Руденко [Руденко 2006: 225].

Фольклорист Р. А. Султангареева приводит интересный обряд, описанный С. И. Руденко: женщина в знак траура срезала косы и клала их в могилу мужу, то же самое делала и с ногтями, после этого она не могла принадлежать другому мужчине [Султангареева 1998: 156]. Данные материалы, касающиеся статуса вдовы, действий с волосами, обнаруживают параллели в традиционной культуре других народов. А. К. Байбурун и А. Л. Топорков отмечают, «что переход девушки во власть мужа знаменуется тем, что жених овладевает косой невесты. Например, в водской свадьбе жених отрезал косу невесты, а ее мать, передавая ему эту косу, говорила: «„Возьми косу вместе с головой, Будь ее господином, а она будет твоей рабой“» [Байбурун, Топорков 1990: 88]. «Передача косы есть символ передачи власти над человеком. Обычай срезания волос существовал и у русских», — писала Н. Гаген-Торн [Гаген-Торн 1960: 150].

Ценными для нас являются сведения С. И. Руденко, касающиеся атрибутов этикета [Руденко 2006: 235], также терминов родства у башкир [Руденко 2006: 223, 224], которые играли важную роль в речевом этикете и упорядочивании отношений между участниками общения. Благодаря использованию терминов родства устанавливались половозрастные взаимоотношения в семье и обществе. «При обзоре башкирских названий родства прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что отдельные члены семьи различаются между собой не столько по степени кровной близости к данному лицу, сколько в возрастном отношении. За исключением отца и матери, все родственники разделялись по отношению к данному лицу на старших и младших», — писал С. И. Руденко [Руденко 2006: 223]. Он же отмечал, что «желая определить свое отношение к сородичам, каждый член семьи всех старших себя по возрасту мужчин называл старшими братьями, а старших женщин — старшими сестрами, меньших по возрасту — меньшими братьями и меньшими сестрами» [Руденко 2006: 224]. Возрастной статус устанавливался путем соотношения с собственным

возрастом и возрастом родителей. Ко всем старшим обращались с помощью терминов родства. В основном учитывался фактический возраст. В спорных случаях среди сверстников учитывалось поколение: *Уның дәрәжәһе оло!* ‘У него статус выше!’.

Подчеркивая значение терминов родства и личных имен в процессе коммуникации, Н. В. Бикбулатов писал: «Но поскольку одни и те же термины относятся к целой группе лиц, для обращения к определенному, конкретному лицу к термину прибавляется имя этого человека. Но при обращении к определенному кругу лиц термины родства употребляются без соединения с личным именем. К родному отцу и матери, к деду и бабушке башкиры обращаются не по имени, а соответствующими терминами. То же самое наблюдаем при непосредственном обращении к одному из старших братьев, старшей сестре, старшему брату отца или матери. Обычно это самый старший из братьев, самая старшая из сестер или когда только один старший брат и одна старшая сестра. Когда старших братьев и сестер несколько, при обращении к остальным к терминам прибавляют детерминативы „средний“, „младший“ или имена» [Бикбулатов 1981: 91]. Термины родства или свойства не только обозначали родственника или свойственника, но и отражали вариативный характер поведения, так как один и тот же человек может быть одновременно сыном, мужем, дядей, племянником и т. д. В зависимости от этикетной ситуации ему приходится исполнять различные роли.

Понятие «душа» и культ предков в представлениях башкир

Интересны материалы автора, касающиеся вопросов бессмертия души, культа предков. Так, согласно С. И. Руденко, кладбища у башкир считались священным местом: «Башкиры вступали на них не иначе, как сняв галоши. Особенно почитали башкиры старые могилы, где, по преданиям, были погребены святые (*әүлейә*). Нередко такими могилами являлись древние курганы, поросшие лесом. Башкиры-гайнинцы рассказывали мне, что, когда азанчей начинал призывать молящихся на молитву, они слышали, как такой же призыв несся и с древней могилы. Проходя мимо этих могил, башкиры вели себя скромно и читали про себя молитву.

Деревья, растущие у таких могил, считались неприкосновенными, и нередко можно было услышать, какие кары обрушивались на отважившихся рубить там деревья или проявивших свое неуважение к могиле: одного разбил паралич, другой потерял рассудок, у третьего вымер весь род и т. п.» [Руденко 2006: 230]. Редкие материалы, касающиеся веры в существование души и символики нити, зафиксированы С. И. Руденко в следующем отрывке: «Башкиры верили, что душа человека, умершего неестественной смертью, выйдя из тела, находилась первое время возле покойного. Поэтому, если утонувшего удалось быстро вынуть из воды и откачать, так чтоб вода вылилась (ибо из-за воды душа и покидала тело), душа возвращалась в тело, и человек оживал. Чтобы душа нашла дорогу обратно в тело, утопленника клали у воды, и изо рта его до воды протягивали шелковую нитку. С этой целью башкиры-сплавщики барок и плотов (по р. Белой, Юрюзани, Инзеру и др.) всегда возили с собой „на случай“ шелковые нитки» [Руденко 2006: 272]. Заметим, что символика нити до сегодняшних дней применяется в повседневной жизни и обрядовой практике.

Некоторые особенности застольного этикета

Для реконструкции отдельных моментов застольного этикета башкир мы также обращаемся к записям ученого. По материалам автора мы можем проследить, что трапезы собирали по разным поводам: рождение, свадьба, похороны, календарные праздники, религиозные и общественные мероприятия. Так, подробно описано угощение гостей традиционным мясным кушаньем бишбармак: «Хозяин или взрослый его сын обходил с кувшином (*комган*), а в избе и с тазом всех присутствующих; они мыли руки и садились вокруг скатерти, на которой в больших деревянных чашках (*ашлау*) был подан *бишбармак*. В каждой чашке с *бишбармак*, если их было несколько, помимо кусочков баранины, жира и лапши, лежало несколько больших кусков мяса, а иногда и колбасы. Один из гостей, вооружившись ножом, крошил мясо на куски, а другой эти куски мяса и колбасы раздавал присутствующим. Во время еды пирующие в знак внимания лучшие, жирные куски клали в рот своим соседям или тем, кого желали почтить. Время от времени

к кругу подзывался кто-либо из зрителей или детей, желающий угостить произносил *хогон* (буквально — „ешь“, „глотай“), тот открывал рот, куда ему вкладывалась горсть или целая пригоршня мяса» [Руденко 2006: 119]. Угощение *хогон*, *хогондороу* по сегодняшний день сохранилось у башкир.

Выводы

Мы рассмотрели некоторые аспекты традиционного этикета башкир, зафиксированные в монографии С. И. Руденко «Башкиры». В плане наших изысканий весьма ценны его полевые материалы, научные обобщения, затрагивающие вопросы общественного и семейного этикета, этикета приема пищи и обмена дарами. Ценность труда С. И. Руденко также заключается в том, что данные его исследований позволяют нам определить трансформацию этикетных установок в современной башкирской культуре. Наследие известного ученого по сегодняшний день не потеряло своего научного значения, продолжает привлекать внимание многих исследователей как источник, образец и пример служения любимому делу и народу.

Литература

- Байбурин, Топорков 1990 — *Байбурин А. К., Топорков А. Л.* У истоков этикета. Этнографические очерки. Л.: Наука, 1990. 166 с.
- Баязитова 2007 — *Баязитова Р. Р.* Традиционный семейный этикет башкир. Уфа: БГПУ, 2007. 176 с.
- Бергхольц 1893 — *Бергхольц Л.* Горные башкиры-кайтаи // Этнографическое обозрение. 1893. № 3. С. 74–84.
- Бикбулатов 1981 — *Бикбулатов Н. В.* Башкирская система родства. М.: Наука, 1981. 124 с.
- Гаген-Торн 1960 — *Гаген-Торн Н. И.* Женская одежда народов Поволжья (материалы к этногенезу). Чебоксары: Чувашск. гос. изд-во, 1960. 234 с.
- Лицын 1916 — *Лицын П.* К вопросу о домашнем быте русского народа в XVI веке (по известиям иностранцев). Харьков: Печатное Дело, 1916. 23 с.
- Нафиков 1974 — *Нафиков З. З.* Социалистическая семья. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1974. 144 с.

- Решетов 1998 — *Решетов А. М. С. И. Руденко* — антрополог, этнограф, археолог // С. И. Руденко и башкиры. Уфа: Гилем, 1998. С. 5–25.
- Руденко 1916 — *Руденко С. И.* Башкиры: Опыт этнологической монографии. Ч. 1. Физический тип башкир. Пг.: Якорь, 1916. 312 с.
- Руденко 1925 — *Руденко С. И.* Башкиры: Опыт этнологической монографии. Ч. 2. Быт башкир. Л.: Якорь, 1925. 330 с.
- Руденко 1955 — *Руденко С. И.* Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.; Л.: АН СССР, 1955. 394 с.
- Руденко 2006 — *Руденко С. И.* Башкиры: Историко-этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. 376 с.
- Руденко Сергей Иванович 2015 — Руденко Сергей Иванович: Биобиблиографический указатель. К 130-летию со дня рождения / сост. Ю. А. Абсалямова, М. М. Маннапов, З. И. Минибаева, И. А. Шакиров; под общ. ред. А. В. Псянчина. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. 100 с.
- С. И. Руденко и башкиры 1998 — С. И. Руденко и башкиры / отв. ред. Р. М. Юсупов, М. В. Мурзабулатов. Уфа: Гилем, 1998. 190 с.
- Султангареева 1998 — *Султангареева Р. А.* Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа. Уфа: Гилем, 1998. 243 с.
- Татары 1967 — Татары Среднего Поволжья и Приуралья / отв. ред. Н. И. Воробьев, Г. М. Хисамутдинов. М.: Наука, 1967. 538 с.
- Токарев 1970 — *Токарев С. А.* К методике этнографического изучения материальной культуры // Советская этнография. 1970. № 4. С. 3–17.
- Этнография народов 2007 — Этнография народов Волго-Уралья / Г. Р. Столярова, Т. А. Титова, Л. С. Токсубаева. Казань: Казанский гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина, 2007. 340 с.
- Rudenko 1908 — *Rudenko S. I.* Traditions et contes bachkirs // Revue de Traditions populaires. 1908. Vol. 23. № 2–3. Pp. 49–63.
- Rudenko 1909 — *Rudenko S. I.* Traditions et contes bachkirs // Revue de Traditions populaires. 1909. Vol. 24. № 4–5. Pp. 129–136.

Археологические памятники г. Элисты (по археологическим разведкам С. В. Арапова 1992 г.): современное состояние

Евгений Раститович Матвенов¹, Эрдни Анатольевич Кекеев²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 0000-0002-6045-0519. E-mail: matvenover@kigiran.com

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
 0000-0002-2460-8518. E-mail: kekeev.kekeev@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Матвенов Е. Р., Кекеев Э. А., 2022

Аннотация. *Введение.* Первые исследования курганов в окрестностях г. Элисты были проведены еще в 1929 г. На сегодняшний день этот район Калмыкии (южная часть Ергенинской возвышенности) является одним из наиболее изученных. Здесь исследованы погребальные памятники, датированные эпохами бронзового, железного и средних веков. Однако на сегодняшний день нет единого свода существующих археологических памятников Элистинского городского округа. Между тем город как административный центр республики непрерывно растет, жилые районы и хозяйственные объекты перестраиваются, идет активное освоение окраин города. Все эти работы подвергают угрозе разрушения археологические памятники. *Цель* статьи — введение в научный оборот результатов исследований С. В. Арапова и дополненное описание курганов, обнаруженных в 1992 г. *Результаты.* Изучение полевого отчета С. В. Арапова 1992 г. показало, что в нем описано 22 памятника (одиночные курганы и курганные группы), состоящих из 87 курганов. Эти памятники можно разделить на четыре группы: курганы на гряде южнее города, курганы на северо-западной окраине города, группы на северо-восточной окраине города и курганы на

гряде западнее аэропорта. В результате проведенных в 2022 г. работ удалось локализовать 52 из 87 курганов, выявленных С. В. Араповым в 1992 г., к сожалению, 35 курганов найти не удалось. Основной причиной такого положения дел является отсутствие системной работы, часть не охраняемых законом памятников была повреждена или разрушена в результате строительных и сельскохозяйственных работ. На сегодняшний день важно активизировать работу по выявлению и сохранению археологических памятников в окрестностях г. Элисты. Необходимо поставить памятники археологии на государственный учет и внести их в список объектов культурного наследия. Только таким способом можно будет защитить их от возможного разрушения в будущем.

Ключевые слова: Республика Калмыкия, г. Элиста, археологические разведки, охрана памятников, культурное наследие, памятник археологии, курганная группа, курган

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Матвенов Е. Р., Кекеев Э. А. Археологические памятники г. Элисты (по археологическим разведкам С. В. Арапова 1992 г.): современное состояние // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 3. С. 68–108. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-3-23-68-108

Archaeological Sites of Elista Surveyed by S. Arapov in 1992: Revisiting Their Current State

Evgeny R. Matvenov¹, Erdni A. Kekeev²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-6045-0519. E-mail: matvenover@kigiran.com

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0002-2460-8518. E-mail: kekeev.kekeev@yandex.ru

Abstract. *Introduction.* The earliest surveys of kurgans in the vicinity of Elista were conducted in 1929. To date, this area of Kalmykia — southern part of the Ergeni Upland — remains a most underexplored one. Only burial sites from the Bronze, Iron and Middle Ages have been investigated here. However, there is still no consolidated list of existing archaeological sites located in the city district of Elista. Meanwhile, as the administrative center of the Republic, the city is continuously growing, residential areas and economic facilities are being rebuilt, once remote outskirts of the city are being actively developed. All these factors threaten the archaeological sites. *Goals.* The article aims to introduce the results of S. Arapov’s surveys and an updated description of kurgans identified in 1992 into scientific circulation. *Results.* Our insight into the 1992 field report of S. Arapov shows the document describes a total of 22 monuments (single mounds and kurgan groups) comprising 87 kurgans. These can be divided into four groups, namely: kurgans on a ridge south of the city, ones on northwestern city outskirts, ones in northeastern parts, and those on a ridge west of the airport. The 2022 efforts have localized 52 of the 87 mounds identified by S. Arapov in 1992, the remaining 35 mounds never to have been rediscovered. The main reason for this state of affairs is the lack of systematic work, some of the monuments had stayed unprotected by law only to be damaged or destroyed during construction and agricultural activities. To date, it is urgent to intensify work for the identification and preservation of archaeological sites in the vicinity of Elista. It is necessary to register archaeological monuments and list them as cultural heritage sites, this being the only way to protect them from potential destruction in the future.

Keywords: Republic of Kalmykia, Elista, archaeological field surveys, monument protection, cultural heritage, archaeological site, kurgan group, kurgan

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Matvenov E. R., Kekeev E. A. Archaeological Sites of Elista Surveyed by S. Arapov in 1992: Revisiting Their Current State. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022; 3: 68–108. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-3-23-68-108

Введение

За почти вековую историю изучения археологических памятников на территории Республики Калмыкия исследовано более 4 300 погребений из 1 376 курганов [Очир-Горяева 2008: 248–252; Бембева, Очир-Горяева 2021: 50–53], обнаружено более 29 поселений и стоянок [Очир-Горяева 2008: 137]. В большей степени проведенные научные работы являлись спасательными, т. е. изучались памятники, подвергающиеся угрозе разрушения. В результате этого наиболее исследованными являются археологические памятники на территориях, где проходили крупные стройки: автомобильные и железные дороги (ж/д Элиста – Дивное и др.), объекты гидромелиоративных систем (Чограйское водохранилище, канал Волга – Чограй, Калмыцко-Астраханская рисово-обводнительная система и др.), трубопроводы (нефтепровод Тенгиз – Новороссийск и др.), посадка лесозащитных полос и др.

Одной из наиболее изученных является территория г. Элисты и его окрестностей. Археологические памятники в округе города исследуются с 1929 г., с момента первых научных раскопок на территории Республики Калмыкия вообще, и эти работы длятся по сегодняшний день. В ходе работ первого сезона археолого-этнографической экспедицией под руководством директора Нижне-волжского краевого музея (г. Саратов) и профессора Саратовского университета П. С. Рыкова был раскопан курганная группа *Элиста-1*, находившаяся на южной окраине города [Рыков 1931: 51–79], а в 1931–1933 гг. была исследована группа *Элиста-2* [Рыков 1936: 57–70]. В 1964 г. экспедицией под руководством И. В. Сеницына и У. Э. Эрдниева на северной окраине города был раскопан *Элистинский могильник (Элиста-3)* [Сеницын, Эрдниев 1971]. В 1971 г. У. Э. Эрдниевым исследован *Гаишунский могильник* [Эрдниев 1981: 70–77]. Следующими работами стали раскопки М. А. Очир-Горяевой — в 1996 г. исследован могильник *Промзона* на северо-восточной окраине Элисты [Очир-Горяева 2017: 201–223]. В 2006 г. экспедицией под руководством И. И. Дремова был раскопан курган на южной окраине города — *Элиста – Аршань* [Дремов, Балановский, Кольцов 2008: 88–101]. Кроме раскопок

на территории г. Элисты, проводились археологические разведки [Арапов 1992; Буваев 2009: 3–11; Буваев 2011: 75–80]. Первыми и наиболее масштабными были разведки С. В. Арапова, проведенные в 1992 г. [Арапов 1992].

Целью данного исследования является введение в научный оборот результатов исследований С. В. Арапова и дополненное описание курганов, выявленных в 1992 г.

Научный отчет С. В. Арапова хранится в Научном архиве Института археологии РАН и состоит из 34 страниц: текстовая часть [Арапов 1992: 1–11] и альбом иллюстраций (схемы маршрутов и схемы расположения обнаруженных курганов) [Арапов 1992: 12–34]. В отчете приведены данные о 13 курганных группах и 9 одиночных курганах, всего описано 87 курганов.

Как известно, для погребальных памятников (курганов) Ергенинской возвышенности, на которой находится г. Элиста, характерным является расположение на наиболее возвышенных участках [Очир-Горяева 2008: 148]. Основная часть города находится в балке Элиста, которая находится между двумя вытянутыми в широтном направлении гребнями возвышенности. Северная часть города (промзона) находится в балке Гашун Булук (*Гашун Булг*). Разведки С. В. Арапова были проведены на возвышенных участках, окружающих город, выявленные им курганы расположены на юго-западной, южной, юго-восточной, северо-западной, северной и северо-восточных окраинах г. Элисты, а также была обследована возвышенность в районе аэропорта. Нумерация памятников дана римскими цифрами, в отличие от устоявшейся практики курганы и курганные группы имеют длинные названия без упоминания г. Элисты, в окрестностях которой они расположены (см. табл. 1). Описание групп и курганов приведено в виде краткого изложения внешних особенностей, размерные данные курганов приведены в округленном виде (высота с точностью до 0,5 м, диаметр — до 5 м).

Таблица 1. Археологические памятники, выявленные С. В. Араповым в результате разведок в окрестностях г. Элисты в 1992 г. [Арапов 1992]

Название	№	№ в группе	Высота, м	Диаметр, м
I. Южная окрестность города, объездная дорога. Участок между км 322 и 323	1	1	до 1	до 20
II. Курганная группа у бензоколонки	2	1	до 1 (1) ¹	до 20 (22–25)
	3	2	до 2 (до 2,4)	до 30 (32)
	4	3	до 5 (4,05–4,85)	до 60 (53–61)
		3А ²	0,5	24
		3В ³	0,5	22
	5	4	до 5 (4,5)	до 60 (46–50)
	6	5	до 5 (5)	до 60 (58–60)
	7	6	до 3	до 40
	8	7	до 2	до 30
	9	8	до 2	до 30
	10	9	до 2 (1?)	до 30 (32?)
III. Курганы на пашне	11	1	до 1	до 20
	12	2	до 1	до 30
IV. Одиночный курган севернее объездной дороги	13	1	до 1	до 20
V. Курганы у поста ГАИ (развилка дорог на объездном шоссе Астрахань – Ставрополь – Ремонтное)	14	1	до 1	до 20
	15	2	до 1	до 20
VI. Курганы у огородных участков по дороге на Ремонтное	16	1	до 1,5	до 20
	17	2	до 1	до 20
	18	3	до 2	до 40
	19	4	до 1	до 20

¹ В скобках указаны размеры курганов, уточненные в 2022 г.

² В отчете С. В. Арапова не описан.

³ В отчете С. В. Арапова не описан.

VII. Курганы у радиостанции	20	1	до 1,5 (1)	до 30 (25)
	21	2	до 1 (0,8)	до 30 (26)
	22	3	до 5 (4,8)	до 60 (54–56)
	23	4	до 5 (4,5)	до 60 (42–46)
	24	5	до 4 (3,5)	до 40 (34–36)
	25	6	до 2 (1,5)	до 40 (30)
	26	7	до 1 (1)	до 20 (25)
	27	8	до 1 (0,8)	до 20 (11)
	28	9	до 1 (1)	до 20 (18)
	29	10	до 1 (1)	до 20 (18)
	30	11	до 2	до 30
	31	12	до 1 (0,3)	до 20 (16)
	32	13	до 1 (0,7)	до 20 (18)
	33	14	до 2 (1,2)	до 30 (18)
	34	15	до 1 (0,5)	до 15 (20)
	35	16	до 5 (4,5)	до 60 (48–50)
	36	17	до 1	до 20
	37	18	до 3 (2,5)	до 40 (31)
	38	19	до 1	до 30
	39	20	до 5 (3,5)	до 60 (52–54)
VIII. Одиночный курган на дачном участке	40	1	до 2	до 30
IX. Одиночный курган у северо-восточной окраины дачных участков	41	1	до 2	до 40
X. Одиночный курган между железной дорогой и дачами	42	1	до 1	до 20
XI. Северо-западная группа у железной дороги	43	1	до 1,5	до 30
	44	2	до 1	до 35
	45	3	до 3	до 40
	46	4	до 5	до 60
	47	5	до 1	до 30
	48	6	до 1	до 30

	49	7	до 1	до 30
	50	8	до 5	до 60
XII. Одиночный курган внутри дачного массива	51	1	до 6	до 70
XIII. Одиночный курган севернее железнодорожного полотна	52	1	до 1	до 20
XIV. Южные окрестности г. Элисты	53	1	до 3 (2)	до 40 (40)
	54	2	до 2 (1,5)	до 30 (31)
	55	3	до 1	до 30
	56	4	до 1	до 30
	57	5	до 3 (2)	до 40 (29)
XV. Одиночный курган у дачного массива южной окраины г. Элисты	58	1	до 1	до 30
XVI. Курганы у юго-восточной окраины г. Элисты вдоль объездной дороги между 318 и 317 км	59	1	до 2	до 30
	60	2	до 1	до 20
	61	3	до 1	до 20
	62	4	до 2	до 40
	63	5	до 3	до 40
	64	6	до 2	до 30
	65	7	до 2	до 30
	66	8	до 1	до 20
	67	9	до 1	до 20
XVII. Группа из двух курганов у юго-восточной окраины г. Элисты между 317 и 316 км объездной дороги	68	1	до 1	до 20
	69	2	до 1	до 30
XVIII. Курганы по дороге на аэропорт	70	1	до 4	до 50
	71	2	до 2	до 30
	72	3	до 3	до 40
XIX. Группа <i>Аэропорт-II</i>	73	1	до 2	до 40
	74	2	до 3	до 40
	75	3	до 1	до 20
	76	4	до 2	до 30
XX. Одиночный курган юго-западнее аэропорта	77	1	до 1	до 20

XXI. Восточная окраина города. Силикатный завод	78	1	до 1	до 30
	79	2	до 1	до 20
	80	3	до 1	до 15
	81	4	до 1	до 20
	82	5	до 1	до 20
	83	6	до 1	до 15
	84	7	до 1	до 15
	85	8	до 1	до 15
XXII. Курганы у дороги на элеватор	86	1	до 3	до 40
	87	2	до 2	до 30

Иллюстративная часть отчета состоит из одной общей схемы, где обозначены все обнаруженные объекты и 22 схемы для каждого памятника. В качестве общих ориентиров даны дороги, лесополосы, линии электропередачи (далее — ЛЭП). Более точными являются знаки, отмечающие километровые столбы, нумерация опор ЛЭП и др.

Авторами данной статьи была проведена работа по локализации курганов. В полевых выездах использовались схемы из отчета С. В. Арапова, однако отсутствие географических координат и точных данных для ориентирования (азимут и расстояние) не позволило выявить точное местоположение ряда курганов. Еще одной проблемой стало то, что отметки километровых столбов на федеральной трассе Р-216 изменились с 1992 г., а нумерация на столбах ЛЭП, по-видимому, была нанесена краской и не сохранилась, либо опоры были заменены.

Далее будут приведены сведения из отчета С. В. Арапова, дано дополненное описание обнаруженных курганов и отмечены невыявленные памятники.

І. Южная окрестность города, объездная дорога. Участок между км 322 и 323 (см. рис. 1) (не выявлен)⁴

⁴ Далее будут приводиться результаты полевых работ 2022 г., вставки будут выделены курсивом.

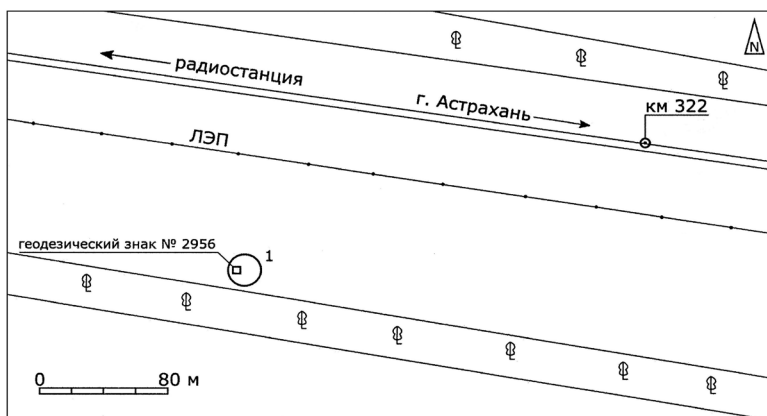

Рис. 1. Группа I. Южная окрестность города, объездная дорога.
Участок между км 322 и 323 [Арапов 1992: 13]

Одиночный курган, на склоне которого находился геодезический знак № 2956⁵. Восточная сторона кургана соприкасалась с лесополосой. В 8 м к северо-востоку от кургана проходила линия электропередач (ЛЭП). Высота кургана до 1 м, диаметр до 20 м. Поверхность кургана по северному склону распахана противопожарной полосой шириной 3 м.

II. Курганная группа у бензоколонки (см. рис. 2) (выявлен не полностью)

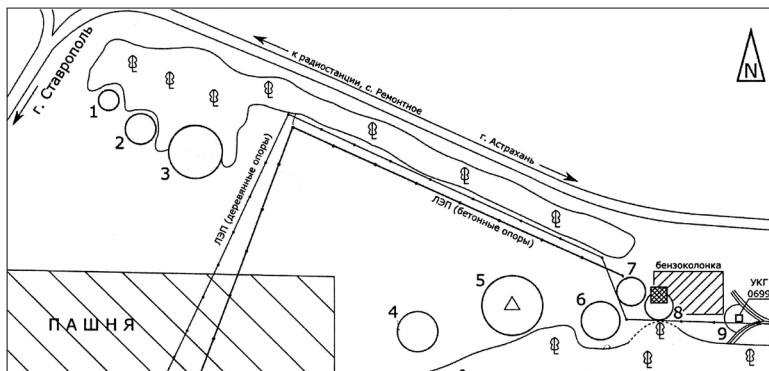

Рис. 2. Группа II. Курганная группа у бензоколонки [Арапов 1992: 14]

⁵ Данный геодезический знак в ходе полевого обследования нами не обнаружен, сведения о нем приводятся только по данным С. В. Арапова [Арапов 1992: 13].

Цепочка курганов у бензоколонки растянулась с запада на восток на протяжении 700 м. В скобках в тексте дана нумерация по колышкам.

Курган 1 (8)⁶. Расположен на западной окраине группы. С западной стороны окружен лесополосой. Высота до 1 м, диаметр до 20 м. В 30 м к западу от кургана расположен перекресток дорог Ставрополь – Астрахань – Ремонтное.

Курган № 1 расположен в 36 м к юго-востоку от дороги Элиста – Ики-Бурул. Диаметр кургана 22–25 м, высота до 1 м. Ровик не прослеживается. Через центр кургана, с запада на восток, пролегают четыре колеи, расстояние между колеями 3 м, глубина колеи до 0,15 м.

Курган 2 (7). Расположен в 45 м к юго-востоку от кургана 1. Высота до 2 м, диаметр до 30 м. На восточном склоне имеются лесонасаждения.

Курган № 2 расположен в 43 м⁷ к юго-востоку от кургана № 1. Диаметр кургана 32 м, высота до 2,4 м. Ровик не прослеживается. Насыпь имеет ассиметричную форму — северная пола круче южной. Южная пола нарушена распашкой под лесопосадку.

Курган 3 (6). Окружен лесополосой с северной, северо-западной и восточной стороны. Расположен в 60 м восточнее кургана 2. Высота до 5 м, диаметр до 60 м. В 70 м к северу от центра кургана проходила объездная дорога.

Курган № 3 расположен в 74 м к востоку от кургана № 2. Диаметр кургана 53–61 м, высота до 4,05–4,85 м. Насыпь имеет ассиметричную форму — северная пола круче южной. Ровика не наблюдается. Южная пола нарушена распашкой под лесопосадку глубиной до 0,25 м. На вершине находится небольшое ова (обод) (место поклонения) в виде пирамиды, сложенной из крупной овальной гальки высотой до 0,5 м.

⁶ Далее в скобках в тексте отчета С. В. Арапова дается нумерация по колышкам, а за скобками порядковая нумерация по плану могильника.

⁷ Здесь и далее расстояние дано между центрами курганов.

Курган № 3А⁸ расположен в 100 метрах к востоку от кургана № 3. Диаметр кургана 24 м, высота около 0,5 м. Ровик не наблюдается. Насыпь имеет ассиметричную форму — северная пола круче южной. Южная пола нарушена распахкой под лесопосадку, борозды достигают глубины до 0,25 м.

Курган № 3В⁹ расположен в 47 м к юго-востоку от кургана № 3А. Диаметр кургана 22 м, высота около 0,5 м. Ровик не наблюдается. Насыпь имеет ассиметричную форму — северная пола круче южной. Насыпь сильно повреждена распахкой под лесопосадку, борозды, пролегающие с запада на восток, достигают глубины до 0,25 м.

Курган 4 (5). Расположен в 280 м к юго-востоку от кургана 3; между ними проходили две ЛЭП. Высота кургана до 5 м, диаметр до 60 м. Подковообразный ровик обрамлял северо-западную, северную и северо-восточную полу кургана.

Курган № 4 расположен в 95 м к юго-востоку от кургана № 3В. Диаметр кургана 47 м, высота до 4,5 м. Насыпь имеет ассиметричную форму — северная пола круче южной. С западной, северной и восточной стороны прослежен подковообразный ров, шириной до 8 м, глубиной до 0,3–0,4 м. Южная пола нарушена распахкой под лесопосадку, борозды протянулись с запада на восток и достигают глубины 0,25 м. У южной полы редкие лесонасаждения.

Курган 5 (4). Расположен в 100 м к северо-востоку от кургана 4. Высота до 5 м, диаметр — до 60 м. На вершине кургана — пункт триангуляции. Южная пола тронута распахкой. В северной, западной и восточной полах кургана имеются следы подковообразного ровика.

Курган № 5 расположен в 75 м к востоку от кургана № 4, ровики этих курганов сливаются. Диаметр кургана 58 м, высота 5 м. На вершине находится разрушенный триангуляционный пункт. Насыпь имеет ассиметричную форму — северная пола круче юж-

⁸ Курган не описан в отчете С. В. Арапова.

⁹ Курган не описан в отчете С. В. Арапова.

ной. Имеет ров подковообразной формы с западной, северной и восточной стороны. Северная пола частично срезана строительной техникой в направлении с запада на восток. Южная пола нарушена распахкой под лесопосадку — борозды, пролегающие с запада на восток, достигают глубины 0,25 м. У южной полы редкие лесонасаждения.

Курган 6 (3). Находился в 90 м юго-восточнее кургана 5. Высота до 3 м, диаметр — до 40 м. Западная пола кургана ограничена лесополосой (не выявлен).

Курган 7 (2). Расположен в 40 м к северо-востоку от кургана 6. Высота кургана до 2 м, диаметр до 30 м (не выявлен)¹⁰.

Курган 8 (1). Расположен в 30 м к юго-востоку от кургана 7 на территории строящейся бензоколонки. Разрушен котлованом размерами 8*8*2, который сооружен с северной части насыпи. Разрушено также и погребение. Высота кургана до 2 м (?), диаметр до 30 м (?) (не выявлен).

Курган 9. Находился с юго-восточной стороны бензоколонки к востоку от кургана 8 в 90 м. Высота до 2 м, диаметр до 30 м. На вершине насыпи — геодезический пункт УКГ¹¹ 0699. Северный и южный склоны распаханы противопожарными полосами.

Курган № 9 расположен в 40 м к югу от объездной дороги Ставрополь – Элиста – Астрахань. Диаметр кургана 32 м (?), высота 1 (?). На вершине геодезический пункт № ГУГК¹² 0699 — бетонный столб высотой 0,5 м. Насыпь кургана сильно повреждена. Имеется ров (?) (возможно, следы современных поврежденных) шириной 8 м, глубиной до 1 м. Северная пола в районе ровика срезана обочиной грунтовой дороги.

¹⁰ Судя по расположению и размерным данным, этот курган был раскопан в 2006 г. археологической экспедицией Калмыцкого государственного университета и введен в научный оборот под названием «Курган Элиста – Аршань» [Дремов, Балановский, Кольцов 2008: 808–101].

¹¹ Так в отчете С. В. Арапова, правильно — ГУГК (далее — Главное управление геодезии и картографии).

¹² ГУГК — Главное управление геодезии и картографии.

III. Курганы на пашне (см. рис. 3) (не выявлен)

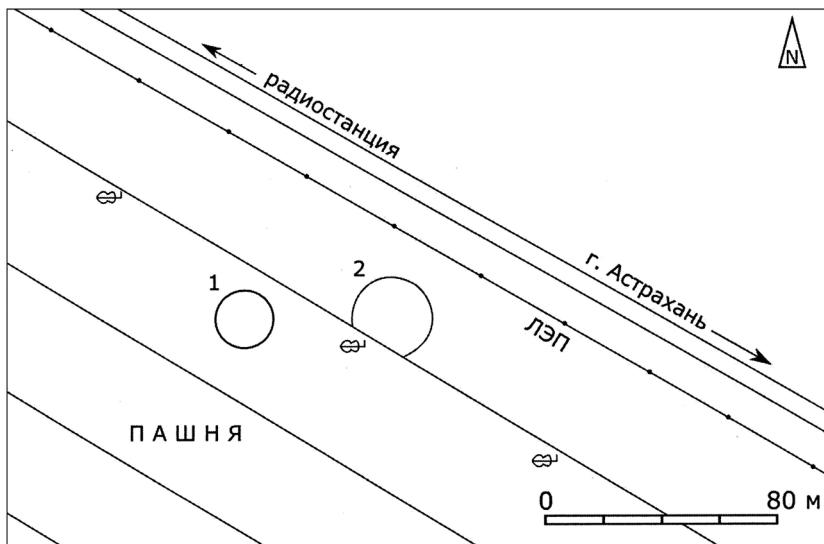

Рис. 3. Группа III. Курганы на пашне [Арапов 1992: 15]

Группа из двух насыпей расположена на распаханной части выкорчеванных лесополос, западнее II группы (у бензоколонки). Севернее группы проходила ЛЭП на деревянных опорах. Севернее ЛЭП в 13 м проходила дорога.

Курган 1. Высота до 1 м, диаметр до 20 м.

Курган 2. Находился в 60 м к востоку от кургана 1. Высота до 1 м, диаметр до 30 м.

IV. Одиночный курган севернее объездной дороги (см. рис. 4) (не выявлен)

Высота кургана до 1 м, диаметр до 20 м. Расположен между бетонными опорами ЛЭП № 48 и № 49. От столба № 48 к югу от дороги — 30 м. Расстояние между опорами 92 м.

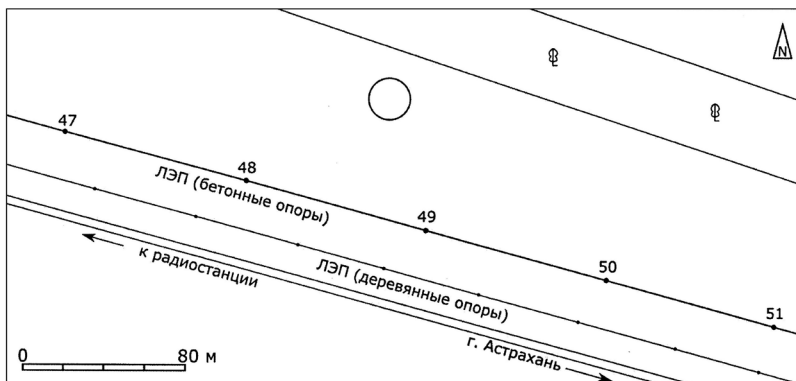

Рис. 4. Группа IV. Одиночный курган севернее объездной дороги [Арапов 1992: 16]

V. Курганы у поста ГАИ (развилка дорог на объездном шоссе Астрахань – Ставрополь – Ремонтное) (см. рис. 5) (не выявлен)

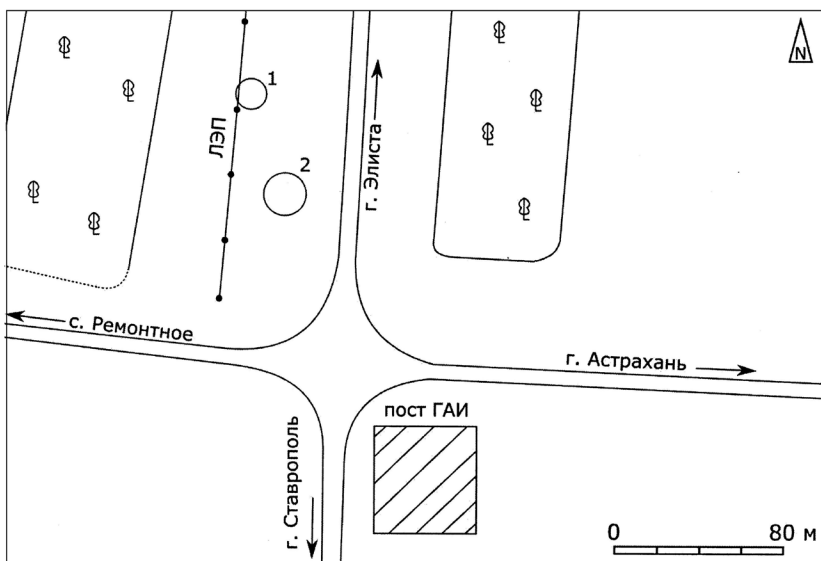

Рис. 5. Группа V. Курганы у поста ГАИ (развилка дорог на объездном шоссе Астрахань – Ставрополь – Ремонтное) [Арапов 1992: 17]

Курган 1. Высота до 1 м, диаметр до 20 м. Западнее по линии север-юг проходила лесополоса.

Курган 2. Находился в 60 м к юго-востоку от кургана 1 и в 15 м западнее дороги. Высота до 1 м, диаметр до 20 м.

VI. Курганы у огородных участков по дороге на Ремонтное (см. рис. 6) (выявлен)

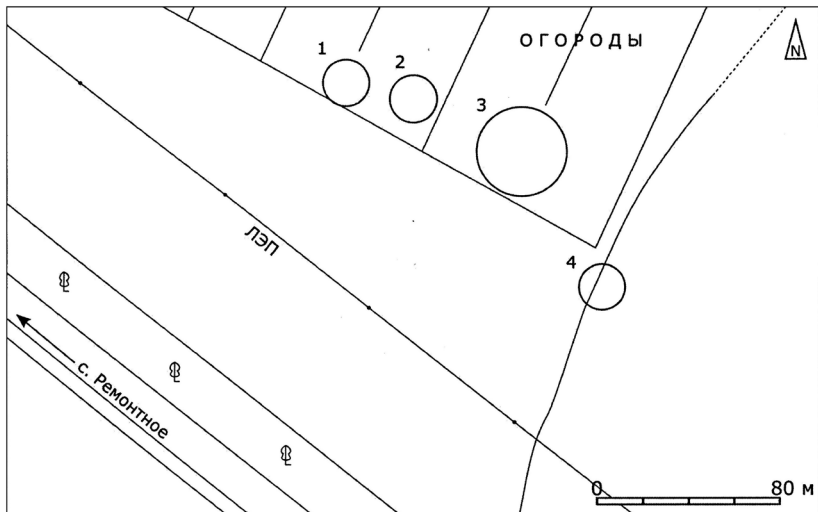

Рис. 6. Группа VI. Курганы у огородных участков по дороге на Ремонтное [Арапов 1992: 18]

Группа насчитывала 4 кургана. Дачный массив нарушил три из них.

Курган 1. Находился на дачном участке. Поверхность его распахана. Высота до 1,5 м, диаметр до 20 м.

Курган 2. Находился в 30 м юго-восточнее кургана 1. Диаметр до 20 м, высота до 1 м. Поверхность насыпи распахана.

Курган 3. Находился в 45 м юго-восточнее кургана 2. Высота до 2 м, диаметр до 40 м.

Курган 4. Находился в 70 м в направлении юго-юго-востока от кургана 3, в 16 м к югу от края огородного участка. Высота до 1 м,

диаметр до 20 м. По поверхности насыпи проходила проселочная дорога. Южнее группы проходила ЛЭП по линии северо-запад – юго-восток.

VII. Курганы у радиостанции (см. рис. 7) (выявлен)

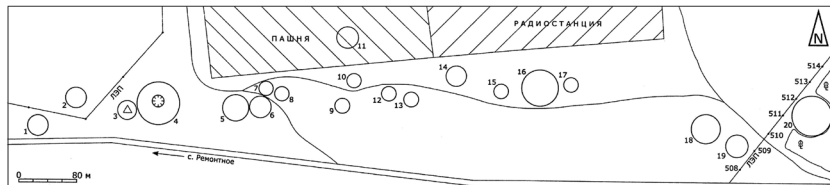

Рис. 7. Группа VII. Курганы у радиостанции [Арапов 1992: 19]

Группа насчитывала 20 насыпей, которые тянулись по линии запад – восток на протяжении полутора километров.

Курган 1 (крайний западный в этой цепочке) находился в 10 м к северу от дороги на Ремонтное и восточнее группы курганов, описанных выше (группа VI). Высота кургана до 1,5 м, диаметр до 30 м. Севернее проходила ЛЭП на деревянных опорах.

Курган № 1 расположен в 25 м к северу от автодороги Элиста – Ремонтное. Диаметр кургана 25 м, высота 1 м. Насыпь имеет равномерно оплывшую форму. Ровик не наблюдается.

Курган 2. Расположен в 64 м северо-восточнее кургана 1 на огородном участке. Высота до 1 м, диаметр до 30 м.

Курган № 2 расположен в 50 м к северу от автодороги Элиста – Ремонтное. Диаметр кургана 26 м, высота 0,8 м. Насыпь имеет равномерно оплывшую форму. Ровик не наблюдается.

Курган 3. Находился в 74 м к юго-востоку от кургана 3 с тригопунктом. Высота до 5 м, диаметр до 60 м. У северо-восточной и южной полы имеются ровики. На южной поле — следы колеи.

Курган № 3 расположен в непосредственной близости к северу от автодороги Элиста – Ремонтное. Диаметр кургана 54–56 м, высота 4,8 м. Насыпь имеет ассиметричную форму — северная пола круче южной. По всему периметру прослеживается ровик шириной до 15 м и глубиной до 0,75 м. На вершине кургана име-

ется кольцевой ров, окружавший триангуляционный пункт, внешний диаметр которого 8,5 м, внутренний диаметр 6 м, ширина рва до 1 м, глубина 0,3 м. В настоящее время триангуляционный пункт разрушен.

Курган 4. Находился в 40 м северо-восточнее кургана 3. Высота до 5 м, диаметр до 60 м. В центре кургана обнаружены следы воронки.

Курган № 4 расположен в 80 м к востоку от кургана 3. Диаметр кургана 42–46 м, высота 4,5 м. Насыпь имеет ассиметричную форму — северная пола круче южной. С северо-восточной стороны прослежен ровик шириной до 8 м и глубиной до 0,3 м.

Курган 5 расположен в 110 м восточнее кургана 4. Высота до 4 м, диаметр до 40 м. На вершине имеются следы пункта триангуляции. Северо-восточная пола потревожена. У северной полы проходит проселочная дорога.

Курган № 5 расположен в 100 м к востоку от кургана 4. Диаметр кургана 34–36 м, высота 3,5 м. Насыпь имеет ассиметричную форму — северная пола круче южной.

Курган 6. Расположен в 34 м северо-восточнее кургана 5. Высота до 2 м, диаметр до 40 м. Между курганами 6 и 7 проходила проселочная дорога.

Курган № 6 расположен в 35 м к востоку от кургана 5. Диаметр кургана 30 м, высота 1,5 м. Насыпь имеет равномерно оплывшую форму.

Курган 7. Находился в 23 м северо-восточнее кургана 6. Высота до 1 м, диаметр до 20 м.

Курган № 7 расположен в 35 м к востоку от кургана 6. Диаметр кургана 25 м, высота 1 м. Насыпь имеет равномерно оплывшую форму.

Курган 8 расположен в 20 м к юго-востоку от кургана 7. Высота до 1 м, диаметр до 20 м.

Курган № 8 расположен в 25 м к юго-востоку от кургана 7. Диаметр кургана 11 м, высота 0,8 м. Насыпь имеет равномерно оплывшую форму. Ровик не наблюдается. Северная пола нарушена неглубокой колеей от старой дороги.

Курган 9. Расположен в 90 м юго-восточнее кургана 8. Высота до 1 м, диаметр кургана до 20 м.

Курган № 9 расположен в 140 м к юго-востоку от кургана 8. Диаметр кургана 18 м, высота до 1 м. Насыпь имеет равномерно оплывшую форму. Ровик не наблюдается. В 25 м юго-восточнее полы кургана находится геодезический пункт ГУГК № 5266.

Курган 10. Находился в 60 м северо-восточнее кургана 9. Высота до 1 м, диаметр до 20 м.

Курган № 10 расположен в 35 м севернее кургана № 9. Диаметр кургана 18 м, высота до 1 м. Насыпь имеет равномерно оплывшую форму. Ровик не наблюдается. С северной и южной сторон курган нарушен колеями от старой проселочной дороги.

Курган 11 расположен в 60 м к северу от кургана 10. Высота до 2 м, диаметр до 30 м.

Курган № 11 расположен в 150 м к северу от кургана № 10. Точные размеры кургана установить не удалось из-за того, что памятник сильно поврежден — многолетняя распахка и колеи проселочных дорог (?).

Далее в скобках дается нумерация по колышкам, а за скобками порядковая нумерация по плану могильника.

Курган 12 расположен в 50 м юго-восточнее кургана 10. Высота до 1 м, диаметр до 20 м (11).

Курган № 12 расположен в 65 м к юго-востоку от кургана 10. Диаметр кургана 16 м, высота 0,3 м. Насыпь имеет равномерно оплывшую форму. Ровик не прослеживается. В 30 м юго-западнее кургана находится геодезический пункт ГУГК № 5266.

Курган 13 расположен в 30 м юго-восточнее кургана 12. Высота до 1 м, диаметр до 20 м (12).

Курган № 13 расположен в 35 м к востоку от кургана 12. Диаметр кургана 18 м, высота до 0,7 м. Насыпь имеет равномерно оплывшую форму. Покров невысокой степной растительностью. Ровик не прослеживается.

Курган 14 (13) находился в 70 м северо-восточнее кургана 13. Высота до 2 м, диаметр до 30 м.

Курган № 14 расположен в 135 м к северо-востоку от кургана 13. Диаметр кургана 18 м, высота 1,2 м. Насыпь имеет равномерно оплывшую форму. Ровик прослежен только с северо-западной стороны.

Курган 15 (14) располагался в 70 м юго-восточнее кургана 14. Высота кургана до 1 м, диаметр до 15 м.

Курган № 15 расположен в 125 м к юго-востоку от кургана 14. Диаметр кургана 20 м, высота 0,5 м. Покрыт невысокой степной растительностью.

Курган 16 (15) расположен в 60 м северо-восточнее кургана 15. Высота кургана до 5 м, диаметр до 60 м. На вершине кургана — следы пункта триангуляции. В северной поле — следы ровика.

Курган № 16 расположен в 90 м к востоку от кургана 15. Диаметр кургана 48–50 м, высота 4,5 м. Покрыт невысокой степной растительностью. Ровик подковообразной формы шириной 6 м, глубиной 0,2 м. С южной стороны ровик не прослеживается. На вершине кургана имеется кольцевой ров, окружавший триангуляционный пункт, внешний диаметр которого 8,5 м, внутренний диаметр 6 м, ширина рва 1,2 м, глубина 0,3 м. В настоящее время триангуляционный пункт разрушен. Северная поля нарушена распахкой.

Курган 17 (16) находился в 42 м к востоку от кургана 16. Высота до 1 м, диаметр до 20 м. Полы насыпи расплылись, поверхность нарушена ямками.

Курган № 17 расположен в 60 м к востоку от кургана 16. Насыпь кургана сильно повреждена. Размеры и форму насыпи установить не удалось.

Курган 18 (17) находился в 200 м к юго-востоку от кургана 17. Высота до 3 м, диаметр до 40 м. В северной части обнаружен ровик.

Курган № 18 расположен в 200 м к юго-востоку от кургана 17. Диаметр кургана 31 м, высота 2,5 м. Насыпь имеет ассиметричную форму — северная поля круче южной. Ровик подковообразной формы, с южной стороны ровика не прослеживается. Ровик с северной стороны засыпан строительным мусором.

Курган 19 находился между курганами 18 и 20 в 50 м юго-восточнее кургана 18 и в 110 м юго-западнее кургана 20. Высота до 1 м, диаметр до 30 м. Северная сторона потревожена колеей.

Курган № 19 расположен в 40 м к юго-востоку от кургана 18. Точные размеры насыпи установить не удалось из-за того, что памятник сильно поврежден.

Курган 20 (18) расположен в 150 м к востоко-северо-востоку от кургана 18. Высота до 5 м, диаметр до 60 м. Северная, восточная и южная полы нарушены искусственными лесонасаждениями. Западная пола нарушена противопожарной колеей-распашкой. С северо-западной стороны проходила ЛЭП в 31 м от центра кургана.

Курган № 20 расположен в 150 м к востоку от кургана 18. Диаметр кургана 52–54 м, высота 3 м. Насыпь имеет ассиметричную форму — северная пола круче южной. Ровик прослеживается с северной и южной сторон. Западная и восточные полы кургана покрыты кустарником и древесной растительностью (искусственная лесопосадка). Северная пола нарушена распашкой.

VIII. Одиночный курган на дачном участке (см. рис. 8) (не выявлен)

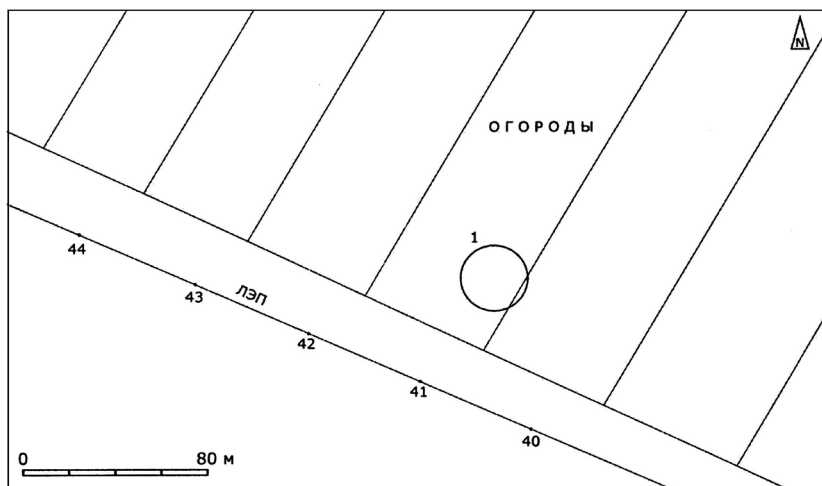

Рис. 8. Группа VIII. Одиночный курган на дачном участке
[Арапов 1992: 20]

Находился западнее описанной курганной группы (VI и VII). Высота до 2 м, диаметр кургана до 30 м. Юго-западнее проходила ЛЭП. Курган располагался северо-восточнее опоры № 41 и северо-западнее опоры № 40. Направление ЛЭП по линии северо-запад – юго-восток.

IX. Одиночный курган у северо-восточной окраины дачных участков (см рис. 9) (не выявлен)

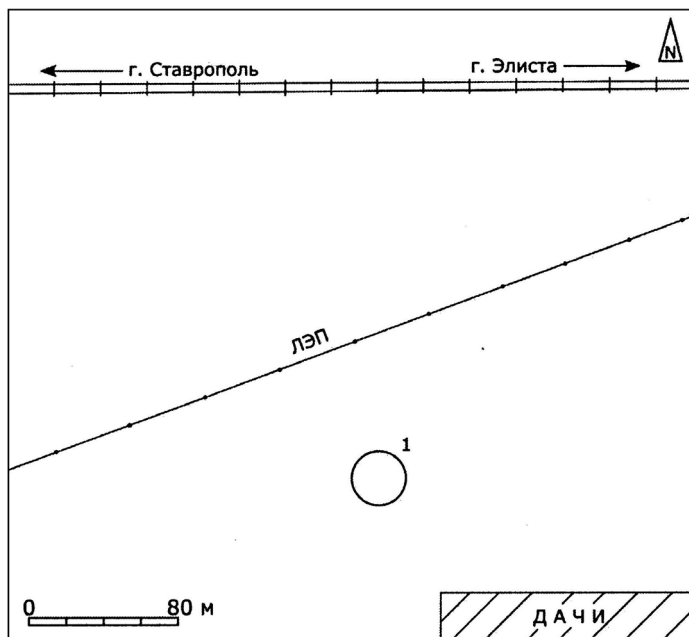

Рис. 9. Группа IX. Одиночный курган у северо-восточной окраины дачных участков [Арапов 1992: 21]

Курган находился в 200 м южнее железной дороги в 45 м от железнодорожного столбика № 7. Высота до 2 м, диаметр до 40 м.

Х. Одиночный курган между железной дорогой и дачами
(см. рис. 10) (не выявлен)

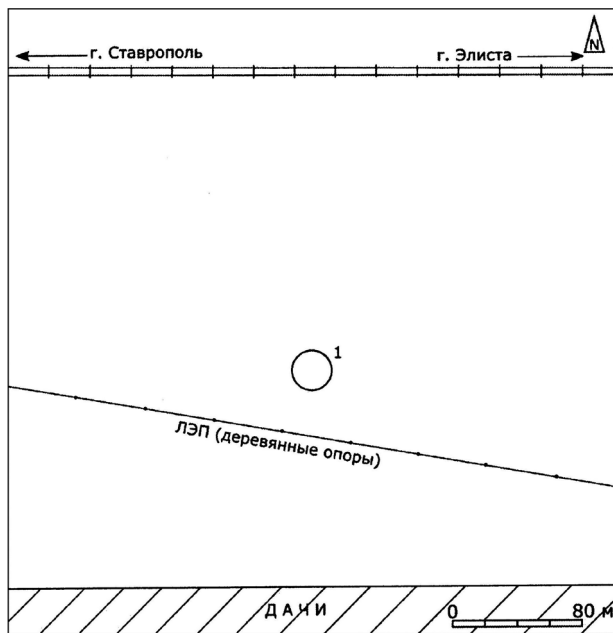

Рис. 10. Группа Х. Одиночный курган между железной дорогой и дачами [Арапов 1992: 22]

Курган находился северо-восточнее группы IX. Высота до 1 м, диаметр до 20 м. Южнее проходила ЛЭП по линии северо-запад – юго-восток в 40 м от кургана.

XI. Северо-западная группа у железной дороги (см. рис. 11)
(выявлен)

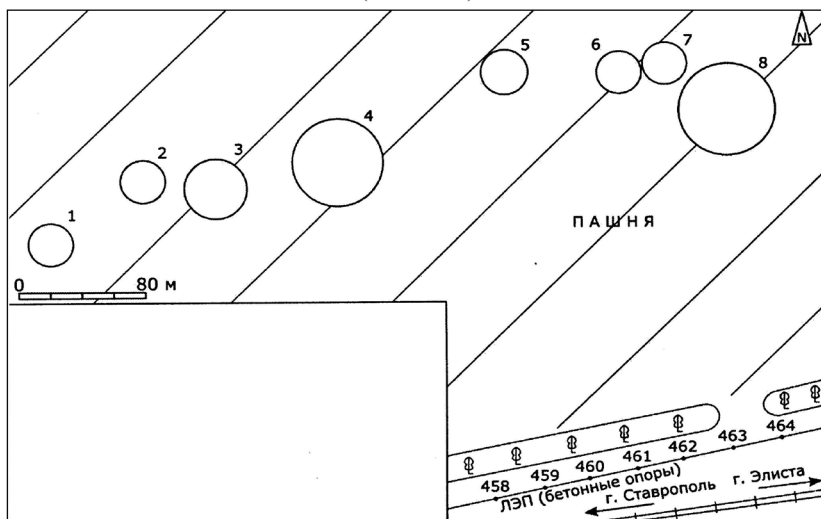

Рис. 11. Группа XI. Северо-западная группа у железной дороги
[Арапов 1992: 23]

Цепочка курганов севернее железной дороги на пахотном поле тянулась по линии запад – восток на протяжении 500–600 м.

Курган 1. Западный крайний. Высота до 1,5 м, диаметр до 30 м. Поверхность распахана.

Курган 2. Находился в 72 м к северо-востоку от кургана 1. Высота до 1 м, диаметр до 35 м. Поверхность насыпи распахана.

Курган 3 расположен в 46 м восточнее кургана 2. Высота до 3 м, диаметр до 40 м.

Курган 4 расположен к восток-северо-востоку от кургана 3 в 80 м от него. Высота до 5 м, диаметр до 60 м. В северной поле — подковообразный ровик. Поверхность не тронута.

Курган 5 расположен в 128 м к северо-востоку от кургана 4. Поверхность насыпи распахана. Высота до 1 м, диаметр до 30 м.

Курган 6 расположен в 76 м восточнее кургана 5. Высота до 1 м, диаметр до 30 м. Поверхность распахана. На поверхности разбросаны камни, возможно, следы обкладки.

Курган 7 находился в 33 м к северо-востоку от кургана 6. Высота до 1 м, диаметр до 30 м. На распаханной поверхности насыпи лежали камни.

Курган 8 находился в 50 м юго-восточнее кургана 7. Высота до 5 м, диаметр до 60 м. В северной части кургана зафиксированы следы подковообразного ровика. Поверхность насыпи не тронута. К югу от кургана расположена ЛЭП: от центра кургана до опоры № 463 — 236 м. В 40 м южнее ЛЭП — железнодорожный столб с отметкой 400 (399).

ХII. Одиночный курган внутри дачного массива (см. рис. 12) (не выявлен)

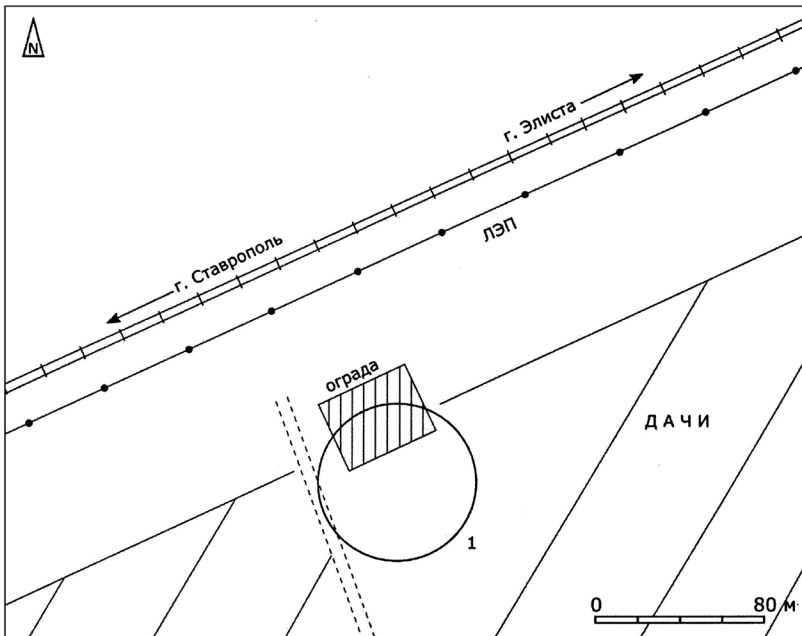

Рис. 12. Группа ХII. Одиночный курган внутри дачного массива
[Арапов 1992: 24]

Южнее железнодорожного полотна в 40 м проходила ЛЭП, южнее был расположен дачный массив.

Курган 1 расположен на вершине гребня балки. Высота до 6 м, диаметр до 70 м. Западная полая ограничена колеями. На северном склоне сооружена дачная ограда.

ХIII. Одиночный курган севернее железнодорожного полотна (см. рис. 13) *(не выявлен)*

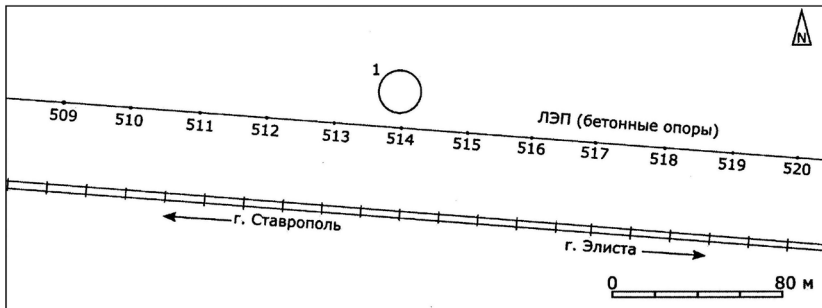

Рис. 13. Группа ХIII. Одиночный курган севернее железнодорожного полотна [Арапов 1992: 25]

Опоры ЛЭП, проходившие по линии восток – запад севернее железной дороги, к которым была «привязана» группа XI, послужили привязкой и для одиночного кургана. Курган располагался севернее опоры № 514 в 20 м. Высота до 1 м, диаметр до 20 м.

XIV. Южные окрестности г. Элисты (см. рис. 14)
(выявлен не полностью)

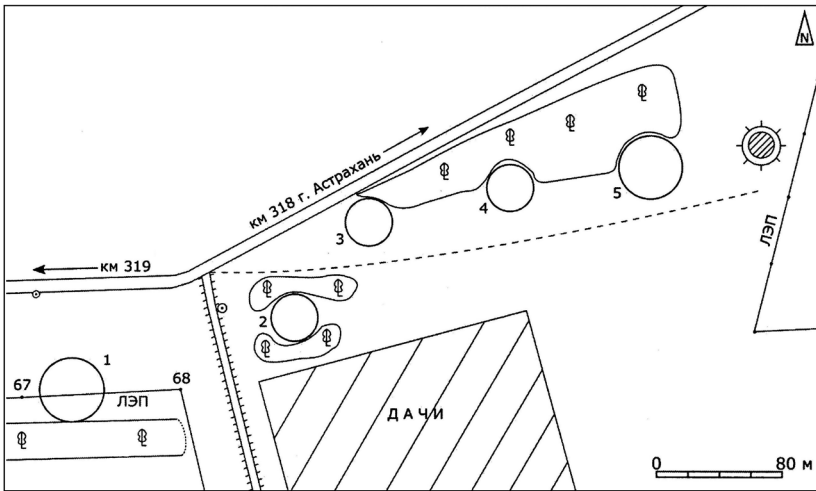

Рис. 14. Группа XIV. Южные окрестности г. Элисты [Арапов 1992: 26]

Цепочка из 5 курганов тянулась по линии запад – восток на 500 м вдоль лесополосы и дачного массива, южнее дороги между 318 и 319 км.

Курган 1 сооружен между опорами ЛЭП № 67 и 68. Высота кургана до 3 м, диаметр до 40 м. Северо-западная поля нарушена ямой. По южной поля проходит лесополоса.

Курган № 1 расположен в 55 м к югу от объездной автодороги Ставрополь – Элиста – Астрахань. Диаметр кургана 40 м, высота 2 м. Насыпь имеет равномерно оплывшую форму. Прослежен ровик шириной 6 м, глубиной до 0,2 м. В поле кургана с северо-западной стороны имеются следы выемки грунта, диаметром до 3 м, глубиной до 1 м. С севера на юг через ровик проходит кабельная траншея шириной 2 м, высота вала над траншеей до 0,15 м. Курган находится под линией электропередачи — в 15 м западнее поля П-образная опора, в 100 м восточнее — линия электропередачи поворачивает на юг. Через вершину кургана прохо-

дит кабельная траншея шириной 1 м, высота вала над траншеей до 0,1 м.

Между курганом 1 и курганом 2 проходит грунтовая дорога, которая соединяется с объездной.

Курган 2 находился в 150 м к северо-востоку от кургана 1. Высота до 2 м, диаметр до 30 м. Поверхность нарушена колеей. В северной и южной части кургана имеются лесопосадки. За южной лесополосой расположен дачный массив.

Курган № 2 (3?) расположен в 190 метрах к востоку от кургана 1. Диаметр кургана 31 м, высота 1,5 м. В результате разрушений насыпь имеет овальную форму и вытянута с запада на восток. Ровик (?) прослежен с северо-восточной стороны. Южная половина сильно повреждена грунтовой автодорогой. По северному краю насыпи проходит небольшая траншея шириной 2 м и валом над ней высотой до 0,5 м.

Курган 3 находился в 80 м северо-восточнее кургана 2. Высота до 1 м, диаметр до 30 м. Южный склон кургана упирается в проселочную дорогу. Северная полая ограничена лесонасаждениями (*не выявлен*).

Курган 4 расположен в 96 м северо-восточнее кургана 3. Высота до 1 м, диаметр 30 м. Северный склон нарушен распашкой под лесонасаждения. Западная и восточная полая ограничены лесонасаждениями. В 70 м севернее кургана проходила объездная дорога (*не выявлен*).

Курган 5 находился в 90 м северо-восточнее кургана 4. Высота до 3 м, диаметр до 40 м. Поверхность насыпи потревожена заросшей колеей, западная и северная полая кургана ограничены лесонасаждениями. Южнее в 30 м проходит проселочная дорога. Северо-восточнее кургана находилась водонапорная башня.

Курган № 5 расположен в 85 м к югу от объездной автодороги Ставрополь – Элиста – Астрахань. Диаметр кургана 29 м, высота 2 м. Ровик не прослеживается, северная полая нарушена распашкой под лесопосадку. Севернее вершины проходит борозда шириной 0,5 м, глубиной до 0,05 м.

XV. Одиночный курган у дачного массива южной окраины г. Элисты (см. рис. 15) (не выявлен)

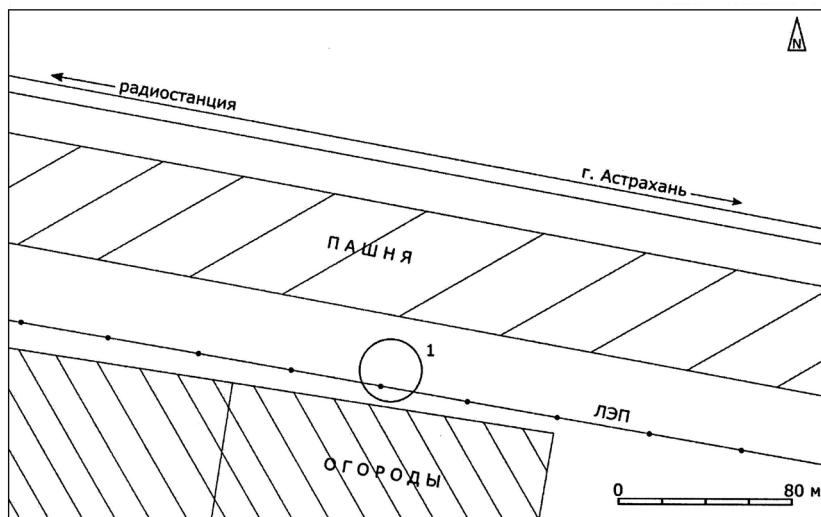

Рис. 15. Группа XV. Одиночный курган у дачного массива южной окраины г. Элисты [Арапов 1992: 27]

Курган 1 находился восточнее описанной цепочки (группа XIV). Севернее кургана проходила объездная дорога. Между курганом и дорогой проходила пашня. Курган насыпью упирался в изгородь дачи. Через курган проходила ЛЭП. Высота кургана до 1 м, диаметр до 30 м. Поверхность нарушена колесей.

**XVI. Курганы у юго-восточной окраины г. Элисты вдоль
объездной дороги между 318 и 317 км (см. рис. 16)
(выявлен не полностью)**

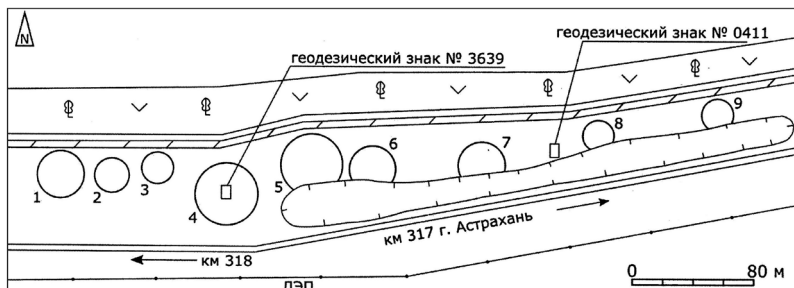

Рис. 16. Группа XVI. Курганы у юго-восточной окраины г. Элисты вдоль объездной дороги между 318 и 317 км [Арапов 1992: 28]

Цепочка из 9 курганов тянулась по линии запад – восток на протяжении 500 м.

Курган 1 находился в 30 м севернее дороги, северо-восточнее отметки 318 км. Высота до 2 м, диаметр до 30 м. Поверхность нарушена колеей. В северной части — лесонасаждения и пашня.

Курган 2 находился в 34 м восточнее кургана 1 в 20 м от него. Высота до 1 м, диаметр до 20 м. Северная пола ограничена лесопосадкой, южная — траншеей. Поверхность насыпи потревожена колеей (*не выявлен*).

Курган 3 расположен в 30 м северо-восточнее кургана 2. Высота до 1 м, диаметр до 20 м. Поверхность насыпи потревожена колеей и посадками кустарника (*не выявлен*).

Курган 4 расположен в 46 м к юго-востоку от кургана 3. На вершине кургана установлен геодезический знак № 3639¹³. В 20 м южнее проходила объездная дорога. Высота кургана до 2 м, диаметр до 40 м. Поверхность потревожена колеей. На северном склоне имеются лесонасаждения.

Курган 5 расположен в 60 м северо-восточнее кургана 4. Высота до 3 м, диаметр до 40 м (?). Южная пола срезана траншеей

¹³ Геодезический знак нами не был обнаружен. Сведения о нем приводятся по отчету С. В. Арапова [Арапов 1992].

при строительстве обьездной дороги. Северный склон ограничен лесопосадкой. Поверхность нарушена колеями.

Курган 6 расположен в 20 м юго-восточнее кургана 5. Высота до 2 м, диаметр до 30 м (?). Южная пола срезана траншеей, как и на кургане 5.

Курган 7 находился на расстоянии 70 м к северо-востоку от кургана 6. Высота кургана до 2 м, диаметр — 30 м (?). Южная пола срезана траншеей, как и в предыдущих случаях. В 50 м восточнее кургана находился геодезический знак № 0411¹⁴.

Курган 8 расположен в 76 м к северо-востоку от кургана 7. Высота кургана до 1 м, диаметр до 20 м (?). Южная пола срезана траншеей (*не выявлен*).

Курган 9 находился в 80 м к северо-востоку от кургана 8. Высота до 1 м, диаметр до 20 м (?). Южная пола срезана траншеей (*не выявлен*).

XVII. Группа из двух курганов у юго-восточной окрестности г. Элисты между 317 и 316 км обьездной дороги (*не выявлен*)

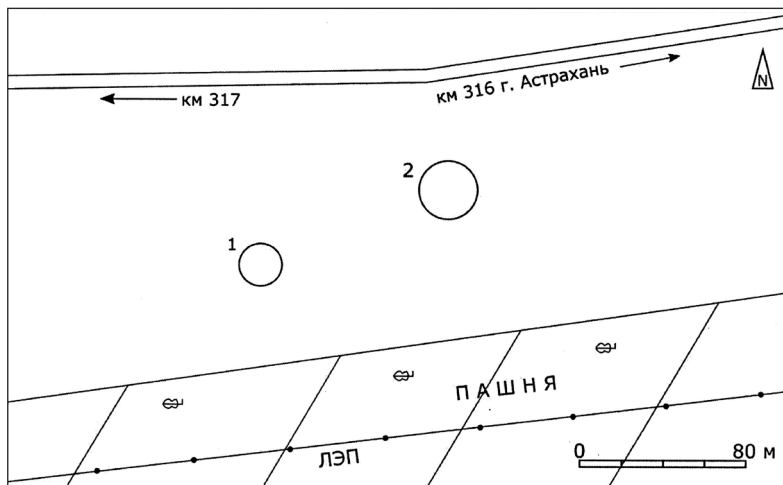

Рис. 17. Группа XVII. Группа из двух курганов у юго-восточной окрестности г. Элисты между 317 и 316 км обьездной дороги [Арапов 1992: 29]

¹⁴ Геодезический знак нами не был обнаружен. Сведения о нем приводятся по отчету С. В. Арапова [Арапов 1992].

К югу от объездной дороги между 317 и 316 км находились два кургана.

Курган 1. Высота кургана до 1 м, диаметр до 20 м. Поверхность насыпи нарушена колеями. Южнее кургана проходила ЛЭП по линии северо-восток – юго-запад.

Курган 2 расположен в 100 м северо-восточнее кургана 1. Высота до 1 м, диаметр до 30 м. Южнее курганов находился распавшийся участок лесополосы с остатками выкорчеванных деревьев.

XVIII. Курганы по дороге на аэропорт (см. рис. 18) (выявлен)

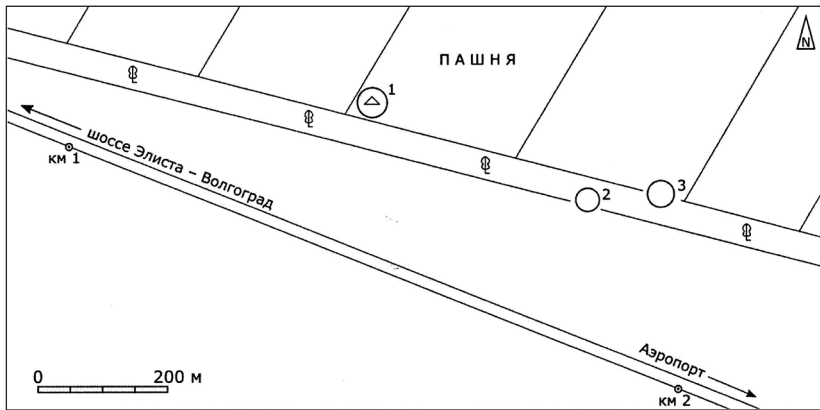

Рис. 18. Группа XVIII. Курганы по дороге на аэропорт
[Арапов 1992: 30]

Аэропорт-1. Группа расположена между километровыми столбами 1 и 2 дороги на аэропорт и насчитывала 3 кургана.

Курган 1. На пашне севернее дороги и лесополосы сооружен курган 1. На вершине кургана — триангуляционный пункт. Высота до 4 м, диаметр до 50 м. Северная, западная, восточная и южная полы кургана отмечены следами ровика.

Курган 2 находился юго-восточнее кургана 1, в 360 м от него. Высота до 2 м, диаметр до 30 м. Поверхность нарушена колеями.

Курган 3 расположен в 110 м к северо-востоку от кургана 2 и к юго-востоку от кургана 1, высота до 3 м, диаметр кургана до 40 м.

**XIX. Группа *Аэропорт-II* (см. рис. 19)
(выявлен не полностью)**

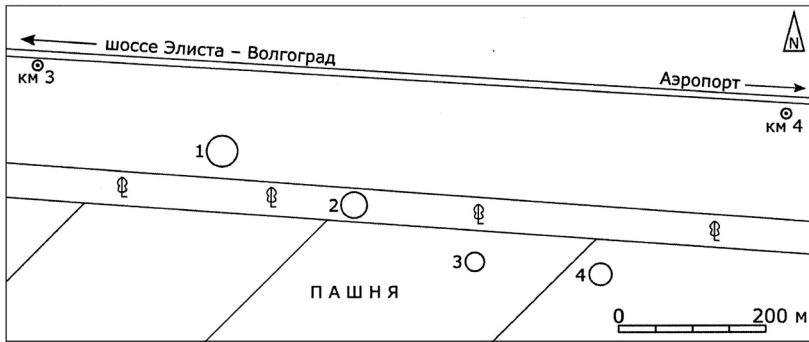

Рис. 19. Группа XIX. Группа *Аэропорт-II*
[Арапов 1992: 31]

Группа из 4 курганов находилась южнее дороги на аэропорт между 3 и 4 км. Растянулась цепочкой по линии запад – восток.

Курган 1. Расположен в 278 м к юго-востоку от столба км 3. Высота до 2 м, диаметр до 40 м. Поверхность насыпи потревожена колеей и посадкой кустарника. Курган является крайним западным в цепочке.

Курган 2 находился в 198 м юго-восточнее кургана 1. Высота до 3 м, диаметр до 40 м. Западные и восточные полы ограничены зарослями кустарника.

Курган 3 расположен на пашне в 175 м юго-восточнее кургана 2. Высота кургана до 1 м, диаметр до 20 м (*не выявлен*).

Курган 4 находился на пашне в 170 м восточнее кургана 3. Высота до 2 м, диаметр до 30 м.

XX. Одиночный курган юго-западнее аэропорта

(см. рис. 20) (не выявлен)

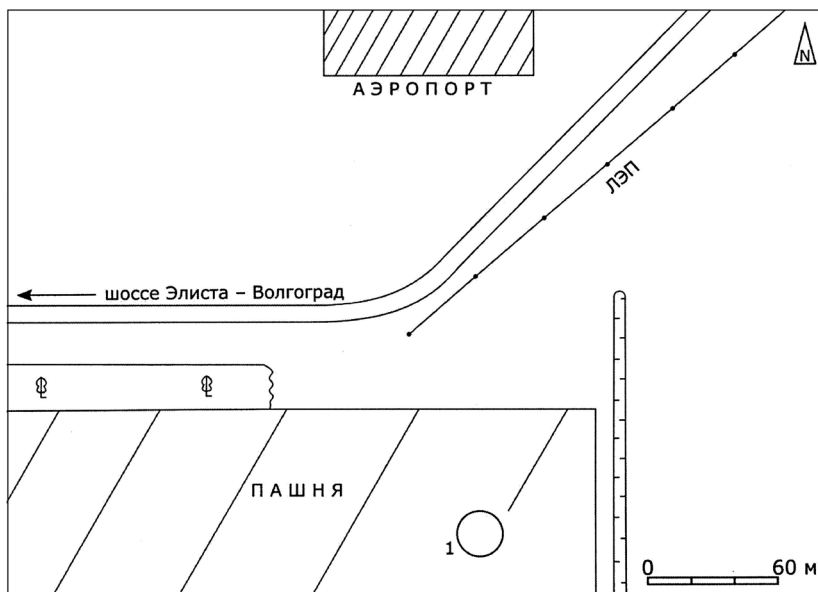

Рис. 20. Группа XX. Одиночный курган юго-западнее аэропорта
[Арапов 1992: 32]

Курган 1. Находился на пашне южнее опор ЛЭП. Высота до 1 м, диаметр до 20 м. Насыпь распахана. Восточнее кургана проходила траншея.

XXI. Восточная окраина города. Силикатный завод
(см. рис. 21) (*не выявлен*)

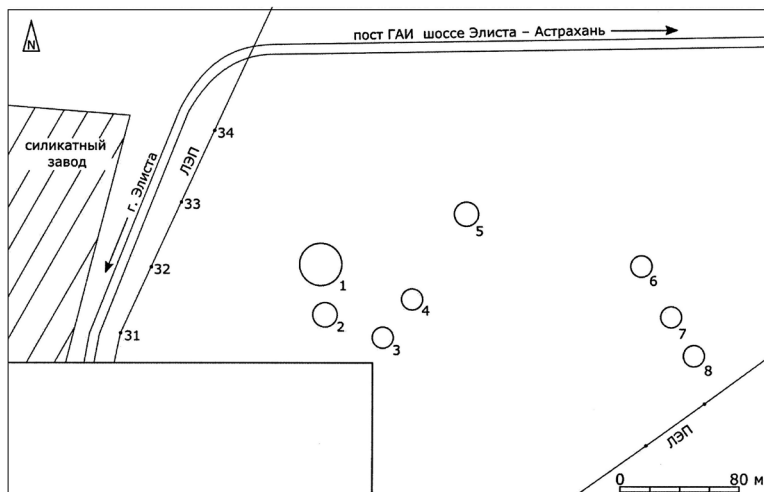

Рис. 21. Группа XXI. Восточная окраина города. Силикатный завод
[Арапов 1992: 33]

Цепочка курганов насчитывала 8 насыпей. Вдоль дороги по линии северо-восток – юго-запад расположена ЛЭП.

Курган 1 расположен к юго-востоку от опор № 33 и № 34. Высота до 1 м, диаметр до 30 м.

Курган 2 расположен в 30 м к югу от кургана 1. Высота до 1 м, диаметр до 20 м.

Курган 3 расположен в 40 м юго-восточнее кургана 2. Высота до 1 м, диаметр до 15 м.

Курган 4 находился в 36 м к северо-востоку от кургана 3. Высота до 1 м, диаметр до 20 м.

Курган 5 находился в 68 м к северо-востоку от кургана 4. Высота до 1 м, диаметр до 20 м.

Курган 6 расположен в 120 м юго-восточнее кургана 5. Высота до 1 м, диаметр до 15 м.

Курган 7 находился в 40 м юго-восточнее кургана 6. Высота до 1 м, диаметр до 15 м.

Курган 8 находился в 32 м юго-восточнее кургана 7. Высота до 1 м, диаметр до 15 м. Южнее проходила ЛЭП.

XXII. Курганы у дороги на элеватор (см. рис. 22) (*не выявлен*)

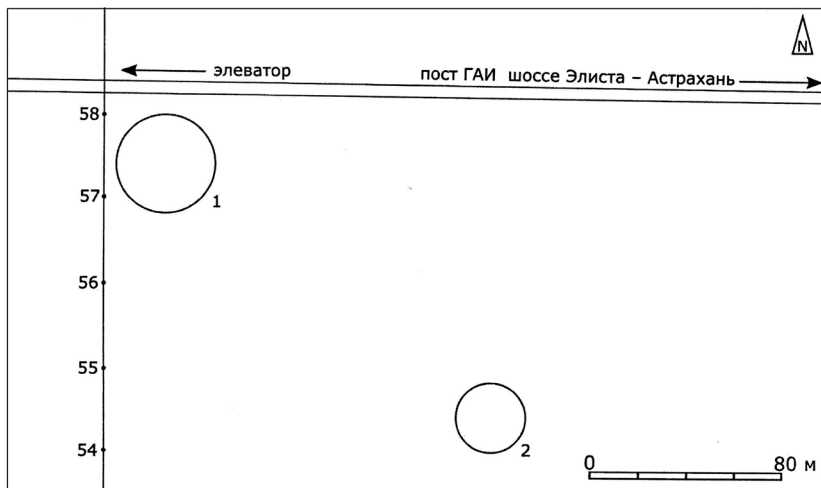

Рис. 22. Группа XXII. Курганы у дороги на элеватор [Арапов 1992: 34]

Перпендикулярно дороге проходила линия электропередач по линии север – юг. Юго-восточнее ЛЭП в 30 м от опоры № 58¹⁵ находился курган 1. Высота кургана до 3 м, диаметр до 40 м. Северная пологая, южная пологая.

Курган 2 находился в 170 м к юго-востоку от кургана 1. Высота до 2 м, диаметр до 30 м.

Выводы

С. В. Араповым в 1992 г. описано 22 памятника (одиночные курганы и курганные группы), состоявшие из 87 курганов. Описанные памятники можно разделить на четыре группы: курганы на гряде южнее города, курганы на северо-западной окраине города, группы на северо-восточной окраине города и курганы на гряде западнее аэропорта (см. рис. 23).

¹⁵ Геодезический знак нами не был обнаружен. Сведения о нем приводятся по отчету С. В. Арапова [Арапов 1992].

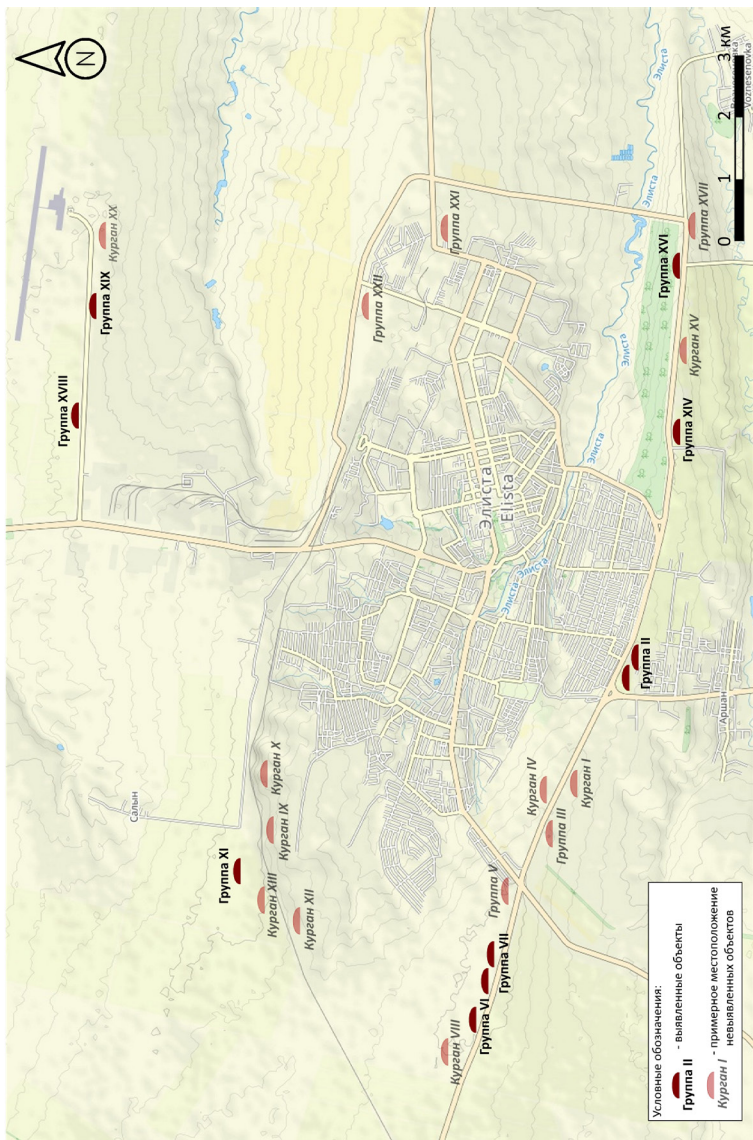

Рис. 23. Схема расположения археологических памятников, выявленных С. В. Араповым в результате разведок в окрестностях г. Элиста в 1992 г. [составлено по: Арапов 1992: 12]

На схеме обозначены:

Курган I — Южная окрестность города, объездная дорога. Участок между км 322 и 323;
Группа II — Курганная группа у бензоколонки;
Группа III — Курганы на пашне;
Курган IV — Одиночный курган севернее объездной дороги;
Группа V — Курганы у поста ГАИ (развилка дорог на объездном шоссе Астрахань — Ставрополь — Ремонтное);
Группа VI — Курганы у огородных участков по дороге на Ремонтное;
Группа VII — Курганы у радиостанции;
Курган VIII — Одиночный курган на дачном участке;
Курган IX — Одиночный курган у северо-восточной окраины дачных участков;
Курган X — Одиночный курган между железной дорогой и дачами;
Группа XI — Северо-западная группа у железной дороги;

Курган XII — Одиночный курган внутри дачного массива;
Курган XIII — Одиночный курган севернее железнодорожного полотна;
Группа XIV — Южные окрестности г. Элисты;
Курган XV — Одиночный курган у дачного массива южной окраины г. Элисты;
Группа XVI — Курганы у юго-восточной окраины г. Элисты вдоль объездной дороги между 318 и 317 км;
Группа XVII — Группа из двух курганов у юго-восточной окрестности г. Элисты между 317 и 316 км объездной дороги;
Группа XVIII — Курганы по дороге на аэропорт;
Группа XIX — Группа *Аэропорт-II*;
Курган XX — Одиночный курган юго-западнее аэропорта;
Группа XXI — Восточная окраина г. Элисты. Силикатный завод;
Группа XXII — Курганы у дороги на элеватор.

Группы на гряде южнее города протянулись по линии водораздела. По данному участку по гребню возвышенности проходит автомобильная дорога с твердым покрытием, участок длиной более 15 км (отрезок автодороги 85К-13 Элиста – Ремонтное и отрезок федеральной трассы Р-216 Астрахань – Ставрополь с 309 по 319 км). По описанию С. В. Арапова, в данную группу входят обнаруженные им объекты (с запада на восток): группы VIII, VII, VI, V, IV, I, III, II, XIV, XV, XVI и XVII. Всего 12 курганных групп — 57 курганов. Удалось локализовать только 38 курганов.

Курганы на северо-западной окраине города расположены вблизи железной дороги Дивное – Элиста (группы IX, X, XI, XII и XIII). В данную группу входит 7 памятников, 22 кургана. Удалось локализовать только одну группу — группу XI (8 курганов).

Группы на северо-восточной окраине города располагались в

районе северной объездной дороги 85К-19 (группы XXII) и непосредственно на северо-восточной окраине города (группа XXI). Всего в них насчитывалось 10 курганов, однако ни одного из них выявить не удалось.

Курганы западнее аэропорта расположены вдоль автомобильной дороги 85К-25, ведущей от поста ДПС к аэропорту (группы XVIII, XIX и XX) (8 курганов). Удалось локализовать только две группы (XVIII и XIX), не удалось выявить курган 3 в группе XIX и одиночный курган XX. Всего выявлено 6 курганов.

В результате полевых работ 2022 г. удалось локализовать 8 памятников: 4 обнаружены полностью (группы VI, VII, XI и XVIII) и 4 частично (группы II, XIV, XVI и XIX), всего 52 кургана (см. рис. 23; табл. 1).

Остались не выявленными 35 курганов, большая часть которых высотой до 1 м. Из-за скромных размеров подобные насыпи могли быть разрушены в результате распашки (группы I, III, IV, VIII, XIII, XVII, XIX (курган 3) и XX) и при строительных работах (группы II (курганы 6 и 7), V, IX, X, XIV (курганы 3 и 4), XV, XVI (курганы 2, 3, 8 и 9), XXI и XXII).

Выделяется в этом списке объект XII — «Одиночный курган внутри дачного массива» высотой до 6 м, диаметром до 70 м. Поиски данного объекта не увенчались успехом. По данным С. В. Арапова, курган был поврежден еще в 1992 г. Этот курган вместе с курганами IX и X находился в зоне активной застройки частного жилого сектора — строения, заборы и древесная растительность не позволили выявить возможные остатки этих памятников.

Отдельно необходимо отметить курган 7 группы II, на основании его расположения и размерных данных нами выдвинуто предположение, что этот курган был раскопан в 2006 г. археологической экспедицией Калмыцкого государственного университета и введен в научный оборот под названием «Курган Элиста – Аршань» [Дремов, Балановский, Кольцов 2008: 88–101].

В результате проведенных работ авторами данной статьи часть курганов найти не удалось (35 из 87)¹⁶. Основной причиной такого

¹⁶ Работу по локализации памятников затрудняло отсутствие четких ориентиров для некоторых курганов. Есть вероятность, что на исследовании 2022 г. повлияла осенняя растительность, местами представленная

положения дел является отсутствие системной работы. Для сохранения данных объектов необходимо было проводить регулярный мониторинг их состояния. При появлении портативных приборов глобального позиционирования — установить географические координаты этих курганов.

На сегодняшний день важно активизировать работу по выявлению и сохранению археологических памятников в окрестностях г. Элисты. В будущем информация, приведенная в этой статье, будет использована в полевых работах. Планируется составление топографических планов участков, где расположены обнаруженные курганы, и их подробная фотофиксация. Необходимо поставить памятники археологии на государственный учет и внести их в список объектов культурного наследия. Только таким способом можно будет защитить их от возможного разрушения в результате строительных, сельскохозяйственных и других видов работ.

Приложение

 - курган	 - лесополоса
 - асфальтовая дорога	 - лесополоса и кустарник
 - железная дорога	 - выкорчеванные деревья
 - грунтовая дорога с насыпью	 км 322 - километровый столб
 - проселочная дорога	 - геодезический знак
 - ЛЭП	 - пункт триангуляции
 - противопожарная распашка	 - водонапорная башня
 - траншея	 - котлован
 - канава / воронка	

Рис. 24. Условные обозначения, использованные в рисунках
[составлено по: Арапов 1992: 13–35]

густым и высоким кустарником. Есть небольшая вероятность найти невыявленные курганы при повторных работах по сплошному обследованию в весенний период (март–май).

Источники

Арапов 1992 — *Арапов С. В.* Отчет о разведках археологических памятников в окрестностях г. Элисты в 1992 г. (Калмыцкая АССР) // Научный архив Института археологии РАН. Ф. Р-1. Д. 16925. 34 л.

Литература

- Бембеева, Очир-Горяева 2021 — *Бембеева Л. А., Очир-Горяева М. А.* Археологические погребальные памятники волго-маньчских степей (по материалам раскопок с 1998 по 2009 гг.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 1. С. 8–53. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-8-53
- Буваев 2009 — *Буваев Д. А.* Современное состояние курганного могильника «Элистинский» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 1. С. 3–11.
- Буваев 2011 — *Буваев Д. А.* Материалы исследований курганного могильника «Гашунский» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 75–80.
- Дремов, Балановский, Кольцов 2008 — *Дремов И. И., Балановский А. В., Кольцов П. М.* Раскопки кургана с особым погребальным обрядом катакомбной культуры на южной окраине г. Элисты // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. 2008. № 1. С. 88–101.
- Очир-Горяева 2008 — *Очир-Горяева М. А.* Археологические памятники волго-маньчских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Издат. дом «Герел», 2008. 298 с.
- Очир-Горяева 2017 — *Очир-Горяева М. А.* Древние некрополи Ергенинской возвышенности. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. 420 с.
- Рыков 1931 — *Рыков П. С.* Отчет об археологических работах, проведенных в Нижнем Поволжье летом 1929 г. // Известия Нижне-Волжского института краеведения. Т. 4. Саратов: [б. и.], 1931. С. 51–79.
- Рыков 1936 — *Рыков П. С.* Археологические раскопки курганов в урочище Три Брата в Калмыцкой области, произведенные в 1933–1935 гг. // Советская археология. 1936. № 1. С. 115–157.
- Синицын, Эрдниев 1971 — *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Элистинский курганный могильник. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971. 139 с.
- Эрдниев 1981 — *Эрдниев У. Э.* Гашунский могильник (раскопки 1971 г.) // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста: КНИИИФЭ, 1981. С. 70–77.

Алтайские фольклорные мотивы о Шуну-Батыре

Тамара Михайловна Садалова^{1, 2}

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор филологических наук, профессор

² Национальный комитет по делам ЮНЕСКО в Республике Алтай (д. 14, ул. Телеутская, 649000 Горно-Алтайск, Российская Федерация)
ответственный секретарь

 0000-0002-7984-2379. E-mail: sadalova-t@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Садалова Т. М., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье анализируются фольклорные мотивы алтайских исторических преданий, связанные с именем известной в прошлом исторической личности Шуну-Батыра. *Актуальность* исследования заключается в том, что тексты исторических преданий в устной традиции алтайцев представляют особый интерес, поскольку в них отражаются реальные события исторического прошлого. *Цель* статьи — рассмотреть тексты алтайских преданий о Шуну-Батыре с точки зрения проявления в них фольклорного историзма. *Материалами* для исследования послужили разновременные образцы устных преданий. В работе применяются сравнительно-исторический и сравнительно-описательный методы. *Результаты.* В ходе исследования выявлено, что характерной чертой рассмотренных преданий является достаточно высокая степень «историчности». «Историзм» выражается как в персонаже, имеющем прообраз в реальном историческом лице, а также в сюжетных эпизодах, относящихся к определенным историческим событиям. В предании о Шуну-Батыре обобщается серия конфликтов, связанная с конкретным историческим событием, — борьбой за власть в Джунгарском ханстве. В результате исследования выявлено, что историчность алтайских преданий имеет определенную достоверность, однако исторические события прошлого осмысляются в текстах устных преданий в традиционных для алтайского фольклора воззрениях и представлениях.

Ключевые слова: алтайский фольклор, исторические предания, Шуну-Батыр, фольклорные мотивы, историзм фольклорных текстов.

Для цитирования: Садалова Т. М. Алтайские фольклорные мотивы о Шуну-Батыре // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 3. С. 109–119. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-3-23-109-119

Altaiian Folklore Motifs about Shunu-Batyr

Tamara M. Sadalova^{1,2}

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

² National Committee for UNESCO in the Altai Republic (14, Teleutskaya str., 649000 Gorno-Altaysk, Russian Federation)

Executive Secretary

 0000-0002-7984-2379. E-mail: sadalova-t@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Sadalova T. M., 2022

Abstract. *Introduction.* The article analyzes folklore motifs of Altaian historical legends associated with the name of the famous historical figure — Shunu-Batyr. The study proves topical enough since texts of historical legends in the Altaian oral tradition tend to reflect actual historical events, and thus are of particular interest. *Goals.* The article aims to examine texts of Altaian legends about Shunu-Batyr from the perspective of folklore historicism manifested therein. *Materials and methods.* The paper deals with samples of oral narratives recorded at different times. The employed research methods include the comparative/historical and comparative/descriptive ones. *Results.* The work reveals that a characteristic feature of the considered legends is a fairly high degree of ‘historicity’ manifested both in the character proper that has a real historical prototype, and in plot episodes associated with certain historical events. The legends of Shunu-Batyr summarize a series of conflicts pertaining to a specific historical event — struggle for power in the Dzungar Khanate. Our analysis reveals that the historicity of Altaian legends proves reliable enough, though events of the past tend to be interpreted in oral texts through traditional views and representations inherent to Altaian folklore.

Keywords: S Altaian folklore, historical legends, Shunu-Batyr, folklore motifs, historicism of folklore texts

For citation: Sadalova T. M. Altaian Folklore Motifs about Shunu-Batyr. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022; 3: 109–119. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-3-23-109-119

Введение

Одним из излюбленных персонажей фольклора народов Центральной Азии и Южной Сибири является образ Шуну, который представлен в жанре исторических преданий алтайцев [Вербицкий 1858: 230–232], в текстах исторических песен калмыков [Оконов 1984: 41–47], связанных с именем этого героя. Кроме этого, Шуну как главный герой предстает в единичном эпическом сюжете бурят [Шоно Батор 2003], его имя также упоминается в отдельных текстах благопожеланий алтайцев [Кандаракова 1993: 41–42]. В легендах, преданиях, песнях и эпических текстах тюрко-монгольских народов он известен под разными именами. У алтайцев он зовется *Шуни*, *Шунуты*, *Шоноты*, *Сна*, *Чюлю-матыр*; у бурят — *Шоно-баатар*; у калмыков — *Шуна-баатр*.

Цель статьи — рассмотреть тексты алтайских преданий о Шуну-Батыре с точки зрения проявления в них историзма.

Историчность преданий о Шуну-Батыре

В основе этих разножанровых текстов лежит исторический персонаж Лоузан-Шуну¹, младший сын Джунгарского правителя Цэван-Рабдана, матерью которого была Сетерджаб-хатун, дочь знаменитого калмыцкого Аюки-хана [Селеева 2020: 219–220]. Согласно историческим источникам, Лоузан-Шуну родился не ранее 1698 г., а умер в Калмыцком ханстве в 1732 г. Это был один из авторитетных ойратских военачальников. В начале XVIII в. он стоял во главе джунгарских войск, вторгшихся в Восточный Туркестан, покоривших ряд казахских племен и овладевших рядом городов Средней Азии. Несмотря на военные дарования Шуну, Цэван-Рабдан поступил согласно древним традициям и назначил своим преемником старшего сына Галдан-Церена. После смерти Цэван-Раб-

¹ В разных источниках данное имя пишется по-разному, однако в настоящей статье, за исключением цитат, принято написание Лоузан-Шуну.

дана преемник Галдан-Церен, унаследовавший ханский престол, обвинил свою мачеху Сетерджаб в смерти своего отца. Шуну был вынужден уйти к родственникам матери на Волгу [Златкин 1983: 220, 235]. Ойраты, по некоторым устным донесениям русских посольств, «нынешним своим контайшею не весьма довольны и желают, чтоб тот Чоно-Лозон к ним возвратился и нынешнего контайшу изгнав ими управляя» [Моисеев 1984: 201].

Неслучайно зачины текстов алтайских исторических преданий предваряют конфликтную ситуацию, указывая на ее первопричину: хан имел детей от двух жен, что порождало между сводными братьями соперничество за престол. В записи В. В. Радлова текст предания начинается так: «Конгодой был ханом Ойрота; он был женат дважды; от первой жены у него был один сын, его звали Шюню. После смерти жены он взял другую; от нее родились одна девочка, три сына» [Радлов 1866: 184].

У Г. Н. Потанина начало предания еще конкретнее указывает на противоречия между ханскими детьми от разных браков: «У Хун-тайджи было три сына: Шуно-батырь, Шорон-гуа и Срэн-Галда. Шуно был от другой жены, и два другие брата его не любили» [Потанин 1883: 309].

Запись Г. М. Токмашева в 1957 г. от телеутов, которая при определенных неточностях все же более приближена историческому сюжету: «Когда-то мы были народом Кон-тайчи. Кон-тай сначала женился на дочери Ай-Юкю, от этой жены у Кон-тая родились три сына: Амыр-Санаа, Темир-Санаа, Калдан-Черю. Второй женой Кон-тай взял дочь Тай-хана. Дочь Тай-хана родила Шуни-батыра. Шуни-батыр вырос, стал сильным, тогда братья стали его бояться и наговорили на него отцу» [Архив НИИА ФМ. Ф. 142. Оп. 111. Д. 142-а. Л. 17].

Почти через тридцать лет после записи Г. М. Токмашева, в 1988 г., у телеутов был также зафиксирован текст о Шуну, в котором говорится: «Шуну родился от первой жены хана, а от второй жены родились двое сыновей, которые все время обижали Шуну. Он же молчал и отцу ничего не говорил» [Архив НИИА МНЭ. Ф. 5. Оп. 25. Д. 45-а. Л. 13].

В алтайских преданиях есть несколько версий относительно поводов для конфликта между братьями или между отцом и сыном. В варианте В. В. Радлова говорится о том, что конфликт возник из-за превосходства Шюню как охотника: «Шюню уехал один охотиться. Он вернулся с подстреленной красной лисицей для отца. Его трое братьев тоже пошли охотиться, но вернулись с пустыми руками. Шюню еще раз уехал охотиться, на этот раз на барса. Шюню подстрелил барса и привязал к дереву, сам вернулся домой. Братья тоже следом поехали охотиться, увидели привязанного к дереву барса, застрелили, а барс не падает. Младший брат понял, что это добыча Шюню и посоветовал не забирать убитого зверя, так как сводный брат может обидеться. А, вернувшись домой, в своих неудачах на охоте они обвинили Шюню, сказали, что он к тому же замышляет убийство отца, и уговорили его наказать Шюню» [Радлов 1866: 184–185].

Бывало и так, что Шуну из-за озорства провоцировал братьев. В телеутском тексте о сценах охоты рассказывается так: «Шүнү озорник был, насмешник. Лису убьет, шкуру соломой набьет, на дерево повесит. А братья охотиться пойдут — стреляют по лисе как по живой: Шүнү смеется над ними» [Телеутский фольклор 2020: 45]. Как мы помним, определенную долю озорства проявлял и исторический Шуну, особенно во время переговоров с китайскими послами.

В тексте, записанном Г. Н. Потаниным, указаны две причины возникновения конфликтной ситуации: братья Шуну не любили, но отец наказал его сам, так как он «изломал отцовскую саблю (хельмы) и велел наделать из нее наконечников стрел» [Потанин 1883: 309]. В данном варианте эпизод охоты Шуну с братьями по сюжету следует уже после фрагмента о том, как освободившийся из заточения Шуну поехал с братьями на охоту: «Три брата поехали на охоту. Шуно говорит: „Когда приедем на Гадолиту (стрельную) речку, стрелы найдем“. И изрезал свои стрелы на дрова, потому что остановились на месте, где дров не было. Братья то же сделали и со своими стрелами. Шуно, как богатырь, дорогой снова добыл себе стрелы, а братья не могли. Снова приехали на ночлег

без дров. Шуно опять говорит: „Впереди будет седельная речка (Ымылту), седла найдем. Теперь можем изрубить свои седла“. Изрубил свое седло, изрубили свои и братья. И опять дорогой Шуно добыл себе седло, а братья остались без седел. Таким же образом Шуно оставил братьев и без луков. Когда, наконец, встретились со зверем, братья оказались без седел, луков и стрел. Обидевшись на Шуно, они сказали отцу, что Шуно замышляет против него, отца, войну» [Потанин 1883: 309–310]. Здесь, как и в радловской записи, нерасторопные братья обиделись на Шуно и настроили против него отца.

В этих преданиях причиной конфликта становится не столько борьба за престол, а сколько неистребимое человеческое чувство — зависть. Хотя в отдельных текстах есть указание на то, что «...народ захотел сделать его ханом, отец не захотел» [Архив НИИА МНКЭ. Ф. 45. Оп. 34. Д. 45-б. Л. 17].

В ряде преданий говорится о том, что причиной заточения или наказания героя стала его необыкновенная физическая сила. Г. Н. Потанин приводит сюжет об огромной физической силе еще малолетнего батыра: «Семилетний Суну-матыр, сын Конгдайжи; на народ Конгдайжи напал тигр, Суну хочет идти стрелять в него, отец отговаривает его: „Ты мал еще, дитя мое!“». Суну, однако, убивает тигра. Подданные Конгдайжи, испуганные силой богатыря, оговаривают его, будто он насилует их жен и дочерей. Хан велит бросить его в яму, изломав лопатки» [Потанин 1883: 866].

В варианте из МНКЭ рассказывается не только о силе, но и о характере героя, который мог обидеть окружающих. Непослушно и самостоятельного сына отец не захотел ставить ханом из-за того, что он мог с кем-либо из соседей начать войну. В другом тексте сын Ойрот-хана божественного происхождения и земной женщины Шуно оказался сильнее, чем его сыновья от небожителей, поэтому отец решил наказать сына, чтобы он стал слабее других его детей.

Еще одной причиной конфликта в преданиях указываются соперничество между братьями из-за наложницы Кара-Кыз, как, например, в варианте В. И. Вербицкого, на который ссылается в своей

работе Ч. Ч. Валиханов: «Шуна жил с наложницею Кара-Кыз, в которую влюбился брат его (Калдан) и женился на ней. Оскорбленный Шуна пригласил своих двенадцать друзей разгуляться по хребтам Алтая. Отъехав на одну версту от своего жилища, он рассказал им свое горе, натянул лук и пустил стрелу свою в юрту брата, стрела вонзилась в дверь; Калдан узнал по стреле ее хозяина и пожаловался отцу» [Валиханов 1985: 9].

Об особой любви народа к Шуну за его силу, доброту и военные доблести в алтайском фольклоре имеется достаточно много свидетельств: «На Алтае у великого предводителя Ак-хана родился сын Шуну. Он был с народом приветлив, себе богатства не копил» [Архив НИИА ФМ. Ф. 34. Оп. 67. Д. 34-а. Л. 208]; «Подаривший алтайскому народу мир был Шюне с добрым сердцем» [Архив НИИА ФМ. Ф. 34. Оп. 67. Д. 34-а. Л. 337]; «Чюлю-матыр был умным и жестким человеком, у него были крепкие кости» [Архив НИИА ФМ. Ф. 34. Оп. 67. Д. 34-а. Л. 369].

Эпический образ Шуну-Батыра

Среди алтайцев бытует самостоятельный сюжет о Шуну как знатном воине-богатыре: «Говорят, был батыр Шунуты. Когда он заснул крепким богатырским сном, на Алтай напал враг и начал все разрушать. Чтобы разбудить Шуну, сноха стала петь снаружи аила (по обычаю, сноха со свекром всегда должна общаться опосредованно. — Т. С.), чем смогла поднять батыра. Когда он проснулся, то в опустошенном Алтае он нашел только колыбель своего ребенка. Разъяренный Шуну преследовал врага, и там, где он промчался, все сгорело, не осталось никого в живых, даже птиц. Батыр догнал врага и полностью разбил его, вернул народ в свое ханство» [Архив НИИА МНЭ. Ф. 45. Оп. 25. Д. 34. Л. 50].

Таким образом, фольклорные сюжеты о Шуну близки к историческим версиям о причине его конфликта как сильной личности со своими близкими: неординарность характера, физическая сила, зависть со стороны сводных братьев, непонимание его отцом из-за наговоров, народная любовь к своему батыру.

Народные предания подтверждают военные подвиги Шуну-батыра, которые были также отмечены в уже упомянутых нами исторических документах, например, как он привел к покорности три города Казачьей орды. В исторических преданиях алтайцев наиболее стабильными являются сцены заточения отцом для наказания Шуну и вынужденность его освобождения.

«Чтобы уменьшить богатырскую силу Шюню, отец велел отрезать ему лопатки и пришить лопатки собаки, выколоть глаза, пришить собачьи глаза. Затем вырыли глубокую яму и заточили его туда. Ханом стал Амыр-Санаа. От Кюнкер-хана прибыл посол, привез с собой отрезанную палку с заданием, чтобы угадали, где толстый конец, а где тонкий. Так Кюнкер-хан хотел узнать, жив ли Шуну, чтобы завладеть ханством его отца, так как при живом Шуну никто не мог этого сделать. Никто не угадал загадку Кюнкер-хана, вспомнили про заточенного Шуну и обратились к нему, тот подсказал, чтобы палку бросили в воду, тогда толстый конец потянет вниз, а тонкий, наоборот, поднимется кверху. Посол уехал.

Кюнкер-хан засомневался, снова отправил своего посла с заданием: узнать в двух одинаковых сороках самца и самку. Шуну из ямы подсказал: напустить холод, тогда самец сядет на верхушке дерева, а самка спустится вниз к основанию дерева. Кюнкер-хан снова не смог понять, жив ли Шуну, и снова снарядил посла с новым заданием: натянуть большой лук. Никто в ханстве Калдана не мог справиться с этим заданием, поэтому вынуждены были освободить его из ямы, вернуть его собственные лопатки и глаза. Тогда Шуну натянул этот лук, а посол уехал, убедившись, что Шуну жив. А Шуну так и не пригодился в своем ханстве, поэтому он уехал на север в Россию» [[Архив НИИА МНКЭ. Ф. 45. Оп. 34. Д. 13. Л. 17](#)].

Эта часть сюжета: о заточении Шуну в яме и освобождении его из-за правильных подсказок при отгадывании загадок соседнего хана является стержневой почти во всех вариантах, оставаясь в них неизменной, и имеет более сказочный характер. В алтайских сказаниях часто встречаются фрагменты, когда героя в наказание

ослепляют, хотя впоследствии он добивается, чтобы ему вернули зрение [Алтай-Бучай 1941: 235].

Г. Н. Потаниным приведен ряд аналогий с судьбой Шуну, когда сознательно калечили героя, чтобы уменьшить его силу, в фольклоре кавказских, тюркских народов [Потанин 1883: 867]. Сцены натягивания тетивы лука огромных размеров напоминают эпизоды из индийской «Рамаяны». В эпизодах наказания и испытания героя мы находим определенные сходства с жизнью исторического Шуну. Вспомним, как Лоузан-Шуну жаловался на то, как его били «по крыльцам», и с тех пор он начал болеть руками.

Через эти эпизоды с испытанием — загадками и поручением натянуть тетиву лука, которые были проверкой со стороны соседнего хана, бдительно следившего, жив ли тот, кто сможет всегда отстоять свободу ханства, народ, конечно же, в иносказательной форме иногда и прямо говорил о том, что внутренние распри на руку внешнему врагу — маньчжурам. Можно отметить и то, что само словосочетание «кто может натянуть тетиву» соотносится с бытовавшим тогда обиходным понятием о количестве воинов, которые готовы выступить в военный поход.

В вариантах преданий данный эпизод имеет отличительные моменты: например, выжить Шуну в яме помогают его сестра или старый слуга. В тексте из ФМ в записи от А. И. Чинчикеева после освобождения из ямы Шуну предлагают стать ханом, что еще больше оскорбило его, и он уехал в земли Белого-хана. В варианте МНЭ после освобождения из ямы отец просит прощения у сына и просит занять свой престол, но оскорбленный Шуну отказывается и с обидой предлагает, чтобы трон занял кто-нибудь из более любимых сыновей отца. Здесь также есть момент, который дополняет объяснение противоречий между ханскими сыновьями религиозными мотивами. Шуну упрекает отца за то, что он женился во второй раз на женщине из нечистого рода. Видимо, она была из шаманистов (у ойратов официально проповедовали буддизм), так как исполнительница М. Н. Ясакова слова Шуну: «если женишься на ней, то твой народ будет общаться с нечистыми духами и нечистым будет» прокомментировала так: «У нас, у байатов-

теленгетов, домашние духи-хранители (в виде кукол из материи, передаются по женской линии. — Т. С.) появились из-за нее. Это наследство жены Кондая. А так теленгеты были чистыми» (т. е. приверженцами буддизма, позже после принятия частью теленгетов христианства восприятие «чистой» религии было перенесено на христианство) [Архив НИИА МНЭ. Ф. 45. Оп. 25. Д. 45. Л. 3].

Заключение

В фольклорных сюжетах о Шуну-Батыре достаточно много сходства с судьбой исторического Шуну, сына джунгарского хана. Поэтому мы можем возвести эти предания именно к джунгарской эпохе в истории алтайцев, в них отразился сложный период междоусобиц в борьбе за власть. Следует в то же время обратить внимание на то, какими характеристиками наделяют Шуну алтайские исторические предания. Он необыкновенный человек от рождения, его физический облик имеет особенности, отличающие его от обычных людей. Он наделен необыкновенным умом и обладает даром предвидения. Его поведение часто непредсказуемо, но он добр, миролюбив и всегда справедлив, а потому и любим народом.

Источники

- Архив НИИА МНКЭ — Архив Научно-исследовательского института алтаистики им. С. С. Суразакова. Материалы научно-комплексной экспедиции.
- Архив НИИА МНЭ — Архив Научно-исследовательского института алтаистики им. С. С. Суразакова. Материалы научной экспедиции.
- Архив НИИА ФМ — Архив Научно-исследовательского института алтаистики им. С. С. Суразакова. Фольклорные материалы.
- ПМА — Полевые материалы автора.

Литература

- Алтай-Бучай 1941 — Алтай-Бучай. Ойротский народный эпос / Н. У. Улагашев; под ред. А. Коптелова. Новосибирск: Обл. гос. изд., 1941. 404 с. (на алт. яз.)
- Валиханов 1985 — *Валиханов Ч. Ч.* Шуна-батыр (Авантюрист XVIII ст.) // Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. Алма-Ата: Гл. ред. Казахской советской энциклопедии, 1985. С. 8–13.

- Вербицкий 1858 — *Вербицкий В. И.* Народные легенды кузнецких телеутов о подданстве их России // Томские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1858. № 29. С. 230–232.
- Златкин 1983 — *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства. 1635–1758. Изд. 2-е. М.: Наука, 1983. 330 с.
- Кандаракова 1993 — *Кандаракова Е. П.* Алтайские благопожелания и обряды их исполнения. Горно-Алтайск: Горно-Алтайск. кн. изд-во, 1993. 20 с.
- Моисеев 1984 — *Моисеев В. А.* Степной самозванец // Простор. 1984. № 6. С. 200–204.
- Оконов 1984 — *Оконов Б. Б.* Калмыцкие исторические песни XVII–XVIII вв. // Калмыцкая народная поэзия. Элиста: КНИИИФЭ, 1984. С. 30–58.
- Потанин 1883 — *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. Материалы этнографические. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1883. 1026 с.
- Радлов 1866 — *Радлов В. В.* Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. Подарения Алтая: алтайцев, телеутов, черновых и лебединских татар, шорцев и саянцев. Ч. 1. СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1866. 419 с.
- Селеева 2020 — *Селеева Ц. Б.* О двух исторических преданиях времен Аюки-хана в традиции ойратов Синьцзяна: к проблеме фольклорного историзма // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 207–220. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-207-220
- Телеутский фольклор 2020 — Телеутский фольклор. Сост., вступит. ст., запись, нормализ. текстов, пер., коммент. Д. А. Функа. Изд. 2, испр. и доп. М.: ИЭА РАН, 2020. 428 с.
- Шоно Батор 2003 — Шоно Батор. Бурят-монгольский героический эпос. Авториз. пер. А. Гатапова. Улан-Удэ: Респ. тип., 2003. 119 с.

Трансформация классической лагерной прозы в новейшей отечественной литературе

Ирина Николаевна Иванова¹

¹ Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, корп. 20, ул. Пушкина, 355009 Ставрополь, Российская Федерация)

доктор филологических наук, профессор

 0000-0002-6423-3829. E-mail: ivanovairinna@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Иванова И. Н., 2022

Аннотация. *Введение.* Лагерная проза в классическом понимании термина — художественные и документальные тексты, созданные непосредственными участниками и очевидцами описываемых событий (сталинские репрессии 1920–1950-х гг.) и имеющие, как правило, автобиографический характер. Основной корпус произведений лагерной прозы был создан в 50–70-е гг. XX в. и представлен такими именами, как А. И. Солженицын, В. Т. Шаламов, Е. С. Гинзбург, Ю. О. Домбровский, А. В. Жигулин и др. *Цель* статьи — анализ особенностей воплощения лагерной темы в современном художественном тексте и соотношения этого текста с представлениями о лагерной прозе. *Результаты.* В новейшей отечественной словесности XXI в. лагерной прозы в этом смысле, разумеется, быть не может, однако полученная людьми (и целыми народами) социокультурная травма оказалась настолько глубокой и фундаментальной для сознания и подсознания, что не отпускает российскую литературу до сих пор. Семейные воспоминания, архивные документы, поиск собственной идентичности, интерес к истории страны и края, к государственной и социальной мифологии порождают различные авторские стратегии обращения к этой болезненной теме и работы с ней, результатом которых становится появление в новейшей литературе произведений, весьма отличающихся по идеологическим и эстетическим позициям авторов и вызывающих в современной культурной среде оживленную, а иногда и ожесточенную полемику.

Ключевые слова: лагерная проза, новейшая отечественная литература, авторские стратегии

Для цитирования: Иванова И. Н. Трансформация классической лагерной прозы в новейшей отечественной литературе // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 3. С. 120–143. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-3-23-120-143

Classic Forced Labor Camp Prose in Contemporary Russian Literature: The Transformation Revisited

*Irina N. Ivanova*¹

¹ North-Caucasus Federal University (1/20, Pushkin St., 355009 Stavropol, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0002-6423-3829. E-mail: ivanovairinna@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Ivanova I. N., 2022

Abstract. *Introduction.* In the classic sense, forced labor camp prose includes fiction and documentary texts created by immediate participants of the events described (Stalin’s purges of the 1920s–1950s), and thus being usually autobiographical by nature. The bulk of such prose works were created in the 1950s–1970s by such writers as A. Solzhenitsyn, V. Shalamov, E. Ginsburg, Yu. Dombrovsky, A. Zhigulin, etc. *Goals.* The paper attempts an analysis of features inherent to manifestations of the forced labor camp theme in contemporary Russian fiction, and relates such texts to existing visions of such prose. *Results.* As is evident, there can be no camp prose — in the mentioned sense — in 21st-century Russian literature but the sociocultural trauma experienced by individuals (and communities) proves so deep and fundamental for their consciousness and subconsciousness that it persists in Russian literary discourse to date. Family memories, archival documents, search for identity, keen interest in national and regional history, official and social mythology give birth to various author’s strategies of addressing this sensitive issue and working with it. These yield narratives that greatly vary in authors’ ideological and aesthetic viewpoints and give rise to enormous — and sometimes violent — controversy in contemporary cultural environment.

Keywords: forced labor camp prose, contemporary Russian literature, author’s strategies

For citation: Ivanova I. N. Classic Forced Labor Camp Prose in Contemporary Russian Literature: The Transformation Revisited. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022; 3: 120–143. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-3-23-120-143

Введение

Актуальная отечественная словесность, представляя собой картину идеологически, эстетически и стилистически в высшей степени пеструю, находится в сложных отношениях со своей генетической базой — классикой XIX и XX вв. При всем многообразии авторских мировоззренческих установок и художественных принципов по отношению к классике можно выделить две основные позиции: эстетический традиционализм, тяготеющий к реализму как фундаментальной стратегии письма, и эксперимент, использующий классику как игровую площадку либо вступающий с ней в полемический диалог. Обе позиции так или иначе проявляются при обращении к магистральным для русской литературы темам (лишний человек, маленький человек, народ и народный герой, город и деревня и т. д.), побуждающим современного читателя к активному «встраиванию» читаемого в широкий исторический и социокультурный контекст.

К числу таких тем, несомненно, принадлежит и тема сталинских репрессий 20–50-х гг. XX в., породившая так называемую лагерную прозу (на наш взгляд, употребление кавычек излишне, термин вполне устоявшийся). Как правило, это понятие относят к текстам, созданным российскими писателями-лагерниками в 50–70-е гг. XX в. по своим и чужим воспоминаниям («Архипелаг ГУЛАГ» и другие произведения А. И. Солженицына, «Колымские рассказы» В. Т. Шаламова, «Крутой маршрут» Е. С. Гинзбург и др.). В этом смысле лагерная проза, воспроизводящая определенную историческую ситуацию и уникальный национальный трагический опыт, вписана, тем не менее, в европейский контекст XX в. [Нарбут 2018: 123] и контекст русской литературы XIX в. (пространство каторги / острога / ссылки) [Малова 2003: 23].

Разумеется, в литературе XXI в. лагерной прозы как непосредственно или опосредованно автобиографической по понятным

причинам быть не может, определяющие ее жанрово-тематическое единство черты (см., например: [Старикова 2015: 171]) размываются или трансформируются. Однако лагерная тема оказалась настолько значимой для российской идентичности и сознания, а полученная травма — настолько болезненной, что интерес к ней не ослабевает даже у внуков и правнуков тех, кто пережил это лично. «Отпечатки травмы» видят в новейшей литературе М. Н. Липовецкий и А. М. Эткинд, утверждая, что «работа горя не завершена и не успешна» [Липовецкий, Эткинд 2008]. Об «ощущении исторической травмы как вечной (выделение автора. — И. Р.)» говорит и рецензент эпопеи В. В. Ремизова «Вечная мерзлота» [Роднянская 2021]. Обращение к лагерной теме неизбежно проецируется на актуальную внутри- и внешнеполитическую повестку, вызывает ожесточенную полемику и не теряет актуальности.

Методология исследования

Предметом нашего исследования являются особенности воплощения лагерной темы в современном художественном тексте и соотношение этого текста с представлениями о лагерной прозе. Объектом стали произведения актуальной российской словесности, представляющие различные модификации лагерной темы и авторские стратегии («Оправдание» Д. Л. Быкова, «Обитель» З. Прилепина¹, «Псоглавцы» А. В. Иванова, «Зулейха открывает глаза» Г. Ш. Яхиной, «Люди августа» С. С. Лебедева, «И нет им воздаяния» А. М. Мелихова, «Вечная мерзлота» В. В. Ремизова, «Лестница Якова» Л. Е. Улицкой). Основные применяемые в работе методы — классический сравнительно-исторический (в синхроническом и отчасти диахроническом аспектах) и типологический. В своем понимании проблемы автор основывается на работах современных литературоведов о классической лагерной прозе XX в. (см., например: [Липовецкий, Эткинд 2008; Малова 2003; Нарбут 2018; Старикова 2015]), критических отзывах и литературоведческих статьях, посвященных поэтике современного текста, продолжающего лагерную тему [Басинский 2015; Котюсов 2014; Котю-

¹ Захар Прилепин — псевдоним Е. Н. Прилепина.

сов 2015; Кумышева, Кучукова 2016; Роднянская 2021; Чотчаева, Ключникова 2019; и др.]

«Вечная мерзлота» В. В. Ремизова: роман-эпопея

В. В. Ремизов, автор эпической «Вечной мерзлоты», наиболее «традиционного» в лучшем смысле слова произведения в жанре Большого Романа, возводит свою писательскую генеалогию к классической лагерной прозе, что вполне естественно: «Книги Гинзбург, Солженицына, Шаламова и еще целого ряда авторов широко известны, но есть и другие имена... я открыл для себя колоссальную, невообразимых размеров мемуарную лагерную и ссылную литературу» [Ремизов 2021: 838]. Основа фабулы романа — малоизвестная широкому читателю эпопея строительства «великой сталинской магистрали» от Воркуты до Игарки и Норильска. Незавершенный мегапроект, обреченный на провал с самого начала в силу природных и прочих условий, успел, тем не менее, унести множество жизней, искалечил тысячи судеб, несколько из которых автор художественно восстанавливает в романе (в «Послесловии» приводятся сведения о прототипах персонажей). О проблемах и провалах И. В. Сталину, естественно, не сообщают, и абсурдный «труд в никуда», не имеющий смысла, продолжается.

Сюжетная структура книги вполне классическая: судьба и драма двух любящих пар «на фоне» эпохи и в хронотопе лагерной прозы / лагерной темы. Это ученый-геолог Горчаков, абсурдно осужденный вторично «за сокрытие полезных ископаемых», все понимающий о ситуации в стране, с супругой Асей, и верный сталинец Белов, молодой капитан енисейского парохода, ставший жертвой той репрессивной машины, которую до поры до времени горячо одобрял, с подружкой Николь. Для младшего это еще и «роман воспитания» («диалог» Саши Белова со следователем — один из самых драматичных в композиции романа моментов, сопоставимый по силе художественного воздействия на читателя с самыми трагическими страницами А. И. Солженицына и В. Т. Шаламова). Типологически Белов скорее напоминает главного персонажа антиутопии: будучи частью системы и не подвергая ее сомнению,

он в диалогах со старшими умными друзьями, в столкновениях с «врагами народа» и на собственном горьком опыте убеждается: все иначе, чем ему казалось. Потрясенный словами отца друга («Сталин твой мрази кусок»), Белов воспроизводит типичную риторику эпохи: «Не нам судить Сталина! Мы не можем оценить его масштабов... войну выиграли... какая стройка разворачивается» и т. п. Вывод «недоделанного щенка» Саши: «Надо перебарывать личную обиду!» [Ремизов 2021: 164].

Пройдя через пытки и лагерь, Белов встречается с одним из своих следователей, уже уволенным, и не может не вступить с ним в дискуссию, весьма напоминающую современные политические споры. Антипин считает, что «невиноватых не бывает», что управлять огромной страной можно было «только страхом», поскольку иначе «они» (народ, мужики) не понимают. Диалог Белова и Антипина напоминает искушение героя (да и читателя) Инквизитором Ф. М. Достоевского — своей «частичной правдой», иллюзией великой правоты государства. «Под репрессии не попало и трех процентов населения! Остальные по-настоящему радовались жизни!» [Ремизов 2021: 805]. Более того, девяносто семь процентов знали про три процента, и, по словам Антипина, радовались, что это случилось не с ними. Белов, бывший пламенный сталинец, шокирован цинизмом чекиста, но еще не свободен до конца от преклонения перед Хозяином: «Не он же, в конце концов, приказывал бить меня в тюрьме!» [Ремизов 2021: 806]. Но и последние иллюзии рассеиваются: «Он... Методы физического воздействия на подследственного были введены в 1937 году им лично!» — парирует Антипин [Ремизов 2021: 806].

Как и в универсальном прототексте всей лагерной прозы и ее современных модификаций, «Архипелаге ГУЛАГ», помимо основного сюжета, общую эпическую картину создают эпизодические персонажи и мини-истории, «подсвечивающие» историю Горчакова и Аси, Белова и Николь. Такова, например, лагерница Фрося Сосновская (прототип — Е. Керсновская, автор известной книги «Сколько стоит человек»). Абсолютно солженицынский по пафосу, стилистике, жутковатому абсурдистскому юмору ситуации текст

Фроси — словно цитата из «Архипелага...»: «Кукуруза... созрела, надо убирать. А по новым законам я не имела права нанимать работников. Я пришла к председателю сельсовета, спрашиваю, как быть? Убирай и сдавай государству! Одна я не смогу, надо нанять людей! Не имеешь права! Тогда урожай погибнет! Погибнет — посадим как саботажницу!» [Ремизов 2021: 485]. Фрося пытается спасти урожай кукурузы, объяснить некомпетентному начальству, что нельзя кукурузу хранить, как картошку, — сгниет. Но слышит лишь: «А вам какое дело, гражданочка?» [Ремизов 2021: 485]. И видит, как пропадает труд сотен людей. Итог — лагерь.

Один из заключительных эпизодов эпопеи В. В. Ремизова — восстание заключенных в Норильских лагерях, свидетелем которого (уже как врач) оказывается Горчаков. Смысл и значение этого восстания — не «победа», которая была невозможна (другой прототекст здесь, конечно, «Последний бой майора Пугачева» В. Т. Шаламова), а утверждение человеческого достоинства. «Против жалкой, паскудной власти... За такое помирать не страшно!» — говорит смертельно раненый полковник Горчакову, своему последнему собеседнику. И делает афористичный и глубокий вывод: «Здесь тоже за Родину» [Ремизов 2021: 828].

Уникальность книге В. В. Ремизова придает и еще одно обстоятельство: она стала следствием нелегкого путешествия автора с сыном по маршруту его будущих героев, полторы тысячи километров на моторной лодке и пешком [Ремизов 2021: 841]. Поездка «за волнением», как метко определяет ее автор, включает книгу не только в национальную библиотеку лагерной прозы, но и в парадигму геопэтики, в ее антропологическом измерении: история становится «моей историей», география — «моей географией», создание романа как творческая деятельность сливается с семейным проектом. Отца интересует, «как странно уживаются в России государство и человек», сына — книга «о человеческой любви, преодолевающей насилие» [Ремизов 2021: 842]. По словам автора, взгляд двадцатилетнего многое определил в работе (один из главных героев — ровесник сына автора на момент начала книги): «Писать книжку только для шестидесятилетних нет смысла...» [Ремизов 2021: 842].

«Обитель» З. Прилепина как роман воспитания: новый для лагерной прозы тип героя

Если ремизовская «магистраль была копией того, что происходило в стране» [Ремизов 2021: 763], то в случае «Обители» З. Прилепина критики использовали схожие метафоры почти единодушно: соловецкий лагерь в версии З. Прилепина называли «национальной матрицей», «глобальной метафорой родины» [Оробий 2014], «моделью страны» [Данилкин 2014]. В самом романе главный герой Артем Горяинов почти с восторгом говорит о соловецкой цивилизации как об уникальном автономном феномене, где есть все, и все «свое», практически повторяя А. И. Солженицына. Но А. И. Солженицыну и его героям не пришло бы в голову чем-либо здесь восхищаться, как Артем, подобострастно обращаясь к чекистам: «И на всем этом вы создаете нового человека» [Прилепин 2014: 266]. Сам Эйхманис более откровенен: «Здесь всегда была живодерня» [Прилепин 2014: 267].

По справедливому замечанию А. Н. Котюсова, «Обитель» не может заменить «Архипелага» (который просто вольно цитируется там целыми страницами), но явно претендует на это и слишком напоминает социальный заказ «сверху». «Нам пытаются внушить, что Соловки перевоспитывают преступника, делают его нужным обществу. Так начинает думать Артем. Страшно, если так думает сам Прилепин» [Котюсов 2014]. Нельзя не почувствовать, что З. Прилепин «хотел бы дать свирепствам советской власти оправдание» [Володихин 2014]. Даже православный священник у него пытается это оправдание найти: «Россия нуждается в аскезе, а не в разврате, и вы это даете» [Прилепин 2014: 725].

Именно двусмысленность позиции автора («Я очень мало люблю советскую власть. Просто ее особенно не любит тот тип людей, что мне, как правило, отвратителен» [Прилепин 2014: 702]) придает повествованию постоянный привкус какой-то фальши, «игры в ГУЛАГ», в «великую книгу о ГУЛАГе». Но — парадоксальным образом — и делает прилепинский роман оригинальным. Последнее достигается прежде всего резкой сменой оптики: в СЛОН конца 1920-х гг. помещается типичный прилепинский ге-

рой: молодой, красивый, сильный, очень «животный», плотский, вызывающе неинтеллигентный (хотя книжками в «прошлой жизни» интересовался), абсолютно лишенный всякого рода гамлетизма и рефлексии. И — не «каэр», а уголовник, более того — убийца отца, которого он символически ищет на протяжении всего романного времени.

С темой поиска утраченного отца связано многое в романе. На роль отцовской фигуры для Артема претендуют сразу несколько персонажей, включая Эйхманиса (почти ровесника Артема), И. В. Сталина и самого Господа Бога (через владычку Иоанна). «Бог отец. А я отца убил. Нет мне теперь никакого Бога...» [Прилепин 2014: 665]. Пока есть отец, рассуждает герой, человек спрятан от смерти за его спиной. Он же сам «спихнул отца с дороги» — и оказался один на один с хаосом и смертью, слишком рано, когда еще не готов был ответить на экзистенциальные вопросы.

Артема все хотят «воспитать», «спасти», открыть ему глаза, приблизить, сделать «своим». Он же провоцирует Василия Петровича и владычку Иоанна (основных претендентов на его душу), сбивает все попытки «спасения» глупыми и циничными репликами. О душе, озверения которой боится Василий Петрович, Артем говорит: «Наплевать. Психика» [Прилепин 2014: 151]. «Бесчестье страшнее смерти», — пытаются убедить его [Прилепин 2014: 214]. «Глупые слова, блажь», — отвечает он [Прилепин 2014: 214]. Ближе к финалу Артем пытается сыграть не то юродивого, не то клоуна, злобно вышучивая уходящих на смерть. Но на романтического героя либо Иова, бросающего вызов Богу, он не тянет, и сам понимает это. «Господи, ничего... Я оценил твою шутку. Надеюсь, ты ценишь мои» [Прилепин 2014: 681].

«Обитель», конечно, и «роман воспитания», но герой не «воспитывается» (через год после основных событий его убивают уголовники). Л. А. Данилкин справедливо заметил, что прилепинский персонаж вообще не подходит на роль протагониста [Данилкин 2014]. Он лишен наивности юноши и вообще чужд каких-либо сомнений, рефлексий и претензий к существующему порядку, основная его задача — выжить и самоутвердиться в роли «насто-

ящего пацана», каковы почти все прилепинские герои. Артем не зол, но и не добр, его неприятие зла — скорее эстетическое; он заступался за слабых и отбирал замученных щенят у мальчишек просто из отвращения к происходящему: так не должно быть, это некрасиво. Отец Иоанн хочет привести его к Господу, призывает не обозлиться, однако Артем сопротивляется. Когда же все его «учителя» разочаровывают ученика, он выбирает себе в наставники... крысу: «Во всяком движении ее сквозило достоинство и точность» [Прилепин 2014: 658]. «Она никуда не торопилась и ничего не боялась. — Научи меня жить, крыса!» — обращается к ней герой [Прилепин 2014: 659].

Герой 3. Прилепина неприятен ни самолюбованием («Башка красивая — по Арбату б ее выгулять, ох») и ни обслуживанием собственной плоти («Плоть его звенела и требовала жизни»; «Плоть не справлялась с голодом и холодом: восставала, терзала и теребила рассудок: найди еды, покорми меня, думай обо мне» [Прилепин 2014: 133, 533]). Наиболее отвратительна в нем его завороченность личностью Эйхманиса, начальника лагеря и крупного офицера НКВД, одного из «черных демонов» Троцкого. Артем (чувствуется, что и автор) просто влюблен в этого персонажа, уверенность, сила, властность, элегантность, мужественность которого очаровывают не только Галину, но и самого героя. 3. Прилепин находит оригинальный сюжетный ход, введя в повествование дневник Галины, «переадресовав» ей собственные восторги. Авторское стремление оправдать Эйхманиса шокирует даже дочь этого высокопоставленного чекиста, диалог с которой приводит 3. Прилепин в послесловии к роману: «У вас есть для этого... слова?» [Прилепин 2014: 702].

Нетипична для лагерной прозы и Галина, история «любви» которой (якобы рассказанная прадедом автора) составляет интригу романа. Комиссарша, любящая советскую власть, сама «демон революции», но и истеричная «демоническая женщина» русского модерна, она испытывает восторг и упоение «необходимой жестокостью» революции и не брезгует привычным лагерным мародерством: «пошла на склад, выбрала сапоги, изъятые у казрок» [Приле-

пин 2014: 716]. В любовном сюжете романа есть все, кроме любви, недаром же Галина в финале просто исчезает в никуда, а Артема убивают «за кадром» основного повествования. С характерами обоих героев диссонирует история спасения ими Мари и ее мужа: Галина и Артем собирались убить любого, кто встанет на их пути, — и жертвуют своей надеждой ради первых встречных («Едем вместе. Вам — жизнь. Нам — казнь» [Прилепин 2014: 629]).

Вряд ли можно считать «Обитель» христианским романом [Володихин 2014], хотя, конечно же, христианский текст на всех уровнях романа присутствует. «Я такой живой. Я не хочу быть богочеловек. Я хочу быть живая сирота» [Прилепин 2014: 328]. Последнее звучит странно, но не в контексте духовного псевдопоиска героя, так и не обретшего Отца. «Как оказался мал человек, как слаб. И как огромен мир, огромен и черен», — думает Артем во время неудачного побега [Прилепин 2014: 613]. Сложность и разнообразие мира, многообразие человеческих судеб, красота северной природы, суровая и прекрасная история обители (на полтысячелетия старше СЛОНа) — полноправные герои прилепинского романа-фантазии на лагерную тему, действительно, скорее «художественного эксперимента» [Сухих 2015: 297], чем репрезентативного для лагерной прозы как таковой текста. Но с классической лагерной прозой, глубиной ее философии и антропологии, христианским пафосом (или антихристианским, как у В. Т. Шаламова, однако сопоставимым «по модулю») «Обитель» имеет не больше общего, чем компьютерная игра «по мотивам» книги с оригиналом. Завершается прилепинское «лагерное фэнтези» эффектной фразой, подхватывающей и видоизменяющей приведенную выше: «Человек темен и страшен, но мир человекен и тепел» [Прилепин 2014: 746].

Этика «оправдания» в одноименном романе Д. Л. Быкова и романе А. М. Мелихова «И нет им воздаяния»

Тема оправдания репрессий приобретает неожиданный ракурс в одноименном романе Д. Л. Быкова. Слава Рогов, основной персонаж «Оправдания», подростком узнает от матери о трагической

судьбе деда — молодого ученого, доцента сельхозакадемии, арестованного в 1938 г. И в начале XXI в. собирается найти его следы. Дед, Иван Скалдин, — лучший тип советского человека, убежденный, «что работает на благо Родины, что лучше его страны нет на свете ... Слухи, доходившие о том, что делали с исчезнувшими коллегами и соседями, он считал недостоверными» [Быков 2007: 13]. Даже когда его начинают избивать и пытаться, он не подвергает сомнению великую идею и мудрость вождя, свою же участь считает, как многие в его ситуации, неизбежной при больших делах трагической ошибкой. Но когда ему угрожают арестом и пытками молодой жены, герой начинает смеяться: «В его стране не было людей, которые могли бы делать такое с женщинами» [Быков 2007: 14]. И смеяться он уже не перестанет никогда, пока жив.

Реалистичное начало повествования скоро перебивается введением основного сюжетного мотива, смещающего действие в конец XX – начало XXI в. Слава Рогов одержим странной идеей: он собирает свидетельства «возвращения» расстрелянных, подтверждающие его и его знакомого, бывшего лагерника Кретова, концепцию. Так, его матери, тогда двенадцатилетней Кате, позвонил через десять лет после ареста человек, назвавший ее детским прозвищем и принятый ею за отца. Однако назначенное им свидание не состоялось. Подобные случаи были в семье одноклассника (внезапное появление друга и первой любви бабушки) и многих известных ему людей.

Мысль старика Кретова заключалась в идее великого Отбора вождем лучших людей из народа. Методом жесткой фильтрации (избиения, пытки, унижения, лагеря и тюрьмы) следовало отделить тех людей, которые только и были достойны строить великую страну и в ближайшем будущем обеспечили победу над фашистами. Этим и объясняется требование следователями НКВД от арестованных подписи, оговора себя и других, не очень понятное современному, особенно молодому читателю. Неужели они не могли сами сфальсифицировать любую подпись и любой документ? По Кретову, «первый сорт, элита — те, кто ничего на себя не подписал... Не оговорил никого под пытками» [Быков 2007: 55]. Гитлер

«отбирал» своих, И. В. Сталин — теми же методами — своих. «Он и отбирал — жестоко, конечно... <... >...стал делить на сталь и шлак» [Быков 2007: 55]. «Сверхстрану должны строить сверхчеловеки», они же и войну выиграли. Только догадка Кретова, считает Рогов, может объяснить масштабность репрессий, жестокость и абсурдность, видимое отсутствие логики в действиях власти. Если это не так, то все вообще теряет смысл: просто «нельзя жить в таком месте, где столько людей угробили зря» [Быков 2007: 112].

Манией Рогова становится найти их: то место, где был или есть лагерь этой сталинской «элиты». В поселке Чистое под Омском он находит поселение каких-то странных сектантов, чья жизнь основана на нелепых и невыполнимых законах, а самые яркие события — пытки тех, кто эти законы нарушил. Рогов остается с ними (сюжет очень напоминает романы Захер-Мазоха или «Серебряного голубя» Андрея Белого) и пытается подвести под происходящее теоретическую базу: «Мучительство — единственное, что никогда не надоест» [Быков 2007: 112]. Но след оказывается ложным.

Действие происходит в нескольких временных планах, которые иногда неожиданно совмещаются, как два кадра на фотопленке. Так, внук, стоя в очереди, раздражается мешчанской манерой женщины прибавлять ко всему уменьшительно-ласкательные суффиксы («Сарделечек килограммчик...»). «Москва жрала, Москва вырождалась. С кем мы будем побеждать?» [Быков 2007: 222]. Люди, думает Рогов, стали пошлыми обывателями, с которыми никакого коммунизма и ничего не построишь. «Вас бы в Чистое, думали дед и внук» [Быков 2007: 222–223]. Придуманный внуком дед становится его частью, руководит поступками героя и придает его жизни тот самый сверхсмысл, то «оправдание» (в том числе и своей жизни), которого взыскуют многие персонажи современной модификации «лагерной прозы».

Финал романа неожиданный, но по-своему логичный: прекрасное место, наконец найденное счастливым Роговым, оборачивается трясиной. «И некого было звать на помощь, потому что проваливался он в себя, в собственное оправдание проверок, смертей, мясорубок, в собственное признание их великого смысла» [Быков

2007: 230]. Все совпадения, доказательства и «аргументы» в пользу его и Кретьова безумной теории рассыпаются (Кате в 1948 г. звонил не отец). Рогов тонет в болоте, чудовищно наказанный за попытку оправдания того, чего оправдать никак и ничем нельзя.

Проблемой оправдания своей и отцовской жизни занят и герой романа А. М. Мелихова «И нет им воздаяния». В картине мира Левки Каценеленбогена, сына сосланного в Казахстан после Воркутинского лагеря учителя Якова, он и отец — Чужаки. Дважды — как евреи и как репрессированные. Характерно, что почти ничего «страшного» перед глазами читателя не происходит: лагерный сюжет растворяется в рефлексии героя и остальных персонажей.

«Увы, чтобы обеспечить рай для десятых, одного приходится убивать, а троих изолировать. Что ж, далеко не всем эта плата кажется чрезмерной» [Мелихов 2015: 23].

На всем протяжении романа умерший отец приходит к Левке, как тень отца Гамлета. Каценеленбоген-старший, будучи аспирантом, не подписал того, что требовали («Папочка, значит, ты даже в аду так считаешь? Что даже за участие в истории не стоит платить участием в палачествах?»), и сын в глубине души завидует ему, сознавая ничтожность свою и собственных детей, проживающих свои жизни скучно и без великой задачи. Проблема отца и вполне благополучного внешне Левы — то, что их *не пустили в бессмертие*. Когда арестовали Якова, советского человека, преданного Родине и строительству коммунизма, он понял, что можно сделать с человеком, который уже не звучит гордо. «Если с наркомками и комкорами можно проделывать такие штуки, что они ползают на брюхе и целуют сапоги, чего же в таком случае стоит наша гордость, наши мечтания?» [Мелихов 2015: 271]. Когда перед войной уничтожали цвет армии, спрашивает Лева, как вы могли поверить? Но «не поверить было еще страшнее, чем поверить: тогда терялась последняя возможность считать случившееся с нами недоразумением», — отвечает отец [Мелихов 2015: 372]. Все, что остается, — забиться в выбоинку и сидеть там, что и получилось у него, умершего дома в постели. Яков обращается к Леве со странной просьбой по поводу своего следователя Вол-

чека: «найди его потомков и сотри память о нем» [Мелихов 2015: 272]. Он не призывает кого-то убивать или даже разоблачать: стереть память, вычеркнуть из бессмертия, как поступили с ними, — вот адекватное наказание.

Явившийся Леве отец предсказывает ослабление интереса к лагерной теме: «Народной памяти страдания без подвига не нужны» [Мелихов 2015: 273]. Отец и сын в диалоге пытаются понять смысл национальной трагедии, причем акцентируют не на страданиях и насильственных смертях, а именно на вычеркнутости из бессмертия, подвига, большого дела. Даже в лагере отец гордился, что строил Воркуту: «Хоть где, хоть как, но строить социализм!» [Мелихов 2015: 366]. Читая книгу о Беломорканале и восхищаясь величием замысла, он, даже зная, что и как на таких стройках происходит, думает не о рабском труде, а о масштабности задачи. С горьким юмором пишет герой о народном единстве во имя «великих целей»: «Я... с лживой наивностью люблю задавать вопрос: был ли в истории один случай, когда охваченные Единством массы двинулись не убивать, а сажать деревья или утирать слезы тем самым вдовам и сиротам, коими они только и попрекают друг друга (враг врага)?» [Мелихов 2015: 167].

Лева считает отца святым без подвига и даже без подвижничества, святым, боги которого его отвергли. Не пройдя через репрессии непосредственно, он, однако, видит общее в судьбах: «И ты, и я — мы оба потерянное поколение. Только вас изгоняли из истории пулями в подвалах, а нас плевками в кабинетах» [Мелихов 2015: 450].

А. М. Мелихов прибегает к оригинальному сюжетному приему. Он «собирает» в одной комнате за столом души людей, включая и папиного мучителя Волчека (которого «стерли» и без усилий героя), и его детей для большого диалога о И. В. Сталине и репрессиях, о разнице между фашизмом и сталинизмом, о подвиге и бессмертии, которым так одержимы оба Каценеленбогена. Супруга героя (вообще все его страдания сводящая к нехватке калия в организме) никого на этих стульях не видит. Волчек не оправдывается, а лишь констатирует, что они делали общее великое дело

со И. В. Сталиным. «У нас не было никакого культа личности, у нас был культ победы» [Мелихов 2015: 620]. Волчек не прощает И. В. Сталину мученическую смерть брата и не считает возможным любить вождя, тот был слишком страшным для этого. «Нам было и не до любви, и не до ненависти. Кто кого любит, когда корабль мотает штормом?» [Мелихов 2015: 621]. И далее резюмирует: «У нас страшный капитан, вокруг страшное море, но все равно это наш корабль. Мой». «А я всегда знал, что я на чужом», — откликается его сын [Мелихов 2015: 625].

Больше всего в семейной истории Леву потрясает даже не социальная драма страны, не жестокость палачей (представленная в книге минимально, чтобы не отвлекать от лейтмотива), а непреодолимость незнания потомками своих предков. Вторичное убийство — «затирание памяти», так «затерли» Волчека, потому что не знали его настоящего, так «затирается» отец героя. «Мы выдуваем мертвых удобными для себя — палачами или жертвами, мерзавцами или святыми» [Мелихов 2015: 597]. Тема изгнания из бессмертия трансформируется в тему личной и исторической памяти, без чего не может полноценно существовать современник.

История репрессий как личная история в романах Л. Е. Улицкой «Лестница Якова» и Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза»

Семейная история выходит на первый план и в романе Л. Е. Улицкой «Лестница Якова», основанном на реальных материалах и семейных архивах. Перед читателем развиваются две параллельных истории дедушки Якова Осецкого, рожденного в эпоху модерна, и его внуки, современной художницы Норы, ее сына и новорожденного внука. Непосредственно история Норы и ее близких не «вытекает» сюжетно из истории Якова и бабушки Маруси, однако признанный мастер семейной саги Улицкая доказывает, что все связано со всем тысячами неуловимых нитей, судьбы правнука и праправнука (рожденного в 2011 г. маленького Якова) не могут состояться без прояснения «дедушкиного» сюжета.

Сидя в архивах Лубянки, Нора бесконечно переписывает (копировать нельзя) материалы дела, несмотря на поднявшуюся тошноту, мигрень и полуобморочное состояние, которыми она «оплачивает» подключение к исторической правде. Она сравнивает протоколы допросов, между которыми прошло всего шесть дней, но ответы уже другие. «Что за это время произошло... можно только догадываться. Нору мутит. Она не понимает, зачем делает эти хаотические выписки. Но остановиться не может» [Улицкая 2015: 712]. В деле деда она обнаруживает отречение от него своего будущего отца, мальчика Генриха, «которого не пустили в любимую авиацию, ну да, потому что его отец Яков был врагом народа и все испортил. Отняли мечту» [Улицкая 2015: 719] (как отняли бессмертие у героев Мелихова). Оплакивая их всех, Нора задается вопросом, неужели историческое зло концентрируется и обрушивается на каждого нового младенца в роду? По признанию автора, главный герой книги — не Яков и не Маруся, а «сущность, не принадлежащая ни бытию, ни не-бытию. То, что блуждает в поколениях, из личности в личность» [Улицкая 2015: 721]. Неудивительно, что архивные документы, вплоть до простого списка личных вещей или перечня изъятых книг, производят такое потрясающее впечатление на Нору: и она, и новорожденный Яков — лишь носители этой бессмертной сущности, которая воплощается в них и «говорит» ими. Написанная авторским протагонистом Норой книга — это та книга, которую хотел написать дед Яков, и она написана — неважно, кем именно.

С семейной историей (рассказы бабушки) связана и самая, пожалуй, нашумевшая книга на лагерную тему за последние несколько лет — роман Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза». Именно в связи с экранизацией этой книги в обществе вспыхнула полемика, вызванная по большей части не художественными достоинствами или недостатками книги и фильма, а самим обращением автора к национальной травме, вопрос об отношении к которой, как оказалось, далеко не закрыт. На автора, режиссера и актрису, сыгравшую главную роль, полились потоки оскорблений, обсуждать и цитировать которые в литературоведческой статье неумест-

но, но и не упомянуть об этом нельзя: слишком многое в сегодняшней действительности оказалось «завязано» на проблематике этого и других романов — современных версий лагерной прозы. Роман Г. Ш. Яхиной, конечно, типологически и стилистически связан не только с лагерной, но и с женской прозой (любовь с врагом — один из самых популярных мотивов женского литературного и кинематографического масскульта). Так, одна из ведущих современных критиков считает роман «ласкательной к читателям беллетристикой» [Роднянская 2021]. А. Н. Котюсов и Л. Е. Улицкая прямо называют книгу «женским романом» [Котюсов 2015; Улицкая 2020: 6]. Гендерный и этногендерный аспекты романа привлекли и литературоведов [Басинский 2015; Кумышева, Кучукова 2016; Чотчаева, Ключникова 2019]. Однако многие почему-то сочли это недостатком романа, а не жанрово-тематической заданностью, будто в самом определении «женский» содержится нечто унижительное для автора и потенциальных читательниц.

Разумеется, частная история татарской молодой женщины сохраняет интимность и камерность и не претендует на глубину и масштабность анализа, присущие, например, «Крутому маршруту» Е. С. Гинзбург, с которым «Зулейху...» неоднократно сравнивали без особых на то оснований. По сути, Г. Ш. Яхина прибегает к тому же приему, что и Е. Н. Прилепин в «Обитатели», — смене привычного нарратива от «я-рассказчика», как правило, интеллигента-«каэровца», безличным повествованием от условно наивного и малорефлексивного персонажа. Большую часть книги Зулейха вообще молчит или говорит редко и крайне лаконично. В начале книги она совершенно не ориентируется в происходящем, красноармейцев и ГПУ называет красноордынцами и даже не узнает И. В. Сталина на портрете. Она не осуждает жестокую и несправедливую власть, ей просто не до этого: нужно выжить самой и спасти сына в этом непонятном и внезапно расширившемся мире. Представляя картину мира своей героини, Г. Ш. Яхина обращается и к татарской и общеисламской мифологии, и к восточным легендам (дэвы, пери, иясе, албасты, фэрэштэ, птица Семруг, Юсуф и Зулейха и т. д.).

Собственно, фон эпохи представлен в романе скорее как неизбежная декорация одиссеи Зулейхи: раскулачивание, ужасная дорога в поезде, убившая многих ссыльных, голодные смерти детей (эта тема позже получит развитие в «Эшелоне на Самарканд»), гибель людей в трюме баржи, борьба за жизнь на пустынном берегу — обо всем этом уже писали очевидцы-классики «лагерной прозы» (тем непонятнее возмущение якобы «очернительством» Г. Ш. Яхиной). Автору и читателям интереснее другое — эволюция Зулейхи от забитого бессловесного существа до гордой сильной личности и Игнатова от «Кто они такие? Кулаки, эксплуататоры, обуза для советской власти — враги» [Яхина 2020: 234] до возмущенного «Это моих, что ли, людей?» в ответ на предложение сдать «собак», раскрыв якобы контрреволюционную организацию и получить за это медаль и звание [Яхина 2020: 461]. На наш взгляд, именно Г. Ш. Яхина актуализировала в современном культурном пространстве лагерную прозу, вызвав огонь на себя и выведя тему далеко за рамки литературной дискуссии, что еще раз подтверждает незавершенность и востребованность темы.

Фантастика и миф в современных модификациях лагерной темы: «Псоглавцы» А. В. Иванова и «Люди августа» С. С. Лебедева

Интересны обращения к лагерной теме в произведениях, непосредственно к лагерной прозе, даже в самом широком смысле понятия, не относящихся, однако «работающих» с этой темой как с национальным мифом («лучшие романы ужасов сделаны из массовых фобий» [Иванов 2012: 61]). Таковы, например, «Псоглавцы» А. В. Иванова — роман о дэнжерологах, людях, обезвреживающих опасные артефакты (в том числе и в массовом сознании). Трое молодых москвичей выполняют в поселке на Керженце (что уже подключает национальный миф) спецзадание: нужно снять со стены церкви фреску с изображением Христофора Псоглавца и, главное, заняться исследованием следов местного сакрального культа в подсознании общества.

Некогда рядом с поселком была зона, о закрытии которой до сих пор сожалеют местные. «Без зоны хуже стало жить?» —

«Хуже... При зоне и деревня всем была нужна. И экам, и охране, и властям. Люди были, жизнь. А шас чего?» [Иванов 2012: 127]. Местная легенда говорит о страшных оборотнях-собаках, покровителем которых — Торфяным Гапоном, богом конвоя — и считают христианского песьеголового святого. «В тридцать седьмом начальник зоны полковник Рытов их как-то приручил... человеческой прикормил» [Иванов 2012: 44]. С тех пор побег прекратились («до писят третьего, до амнистии, когда усатый помер, никто больше из зоны на отрыв не дергался» [Иванов 2012: 45]), а оборотни стали преследовать всех, кто пытался *уйти из зоны*, изменить жить к лучшему. Такова главная героиня Лиза, которую изнасиловал оборотень с лицом собаки, когда она пыталась покинуть деревню, таков ее отец, надеющийся увезти семью и найденный с разорванным горлом. Таков и Кирилл, один из москвичей, пересекший *границу* и вмешавшийся в местные конфликты. В итоге оборотнями оказываются его же товарищи, готовые (по старой схеме, известной из лагерной классики) предать его, чтобы выгородить себя. Произошедшие события запустили в благополучных московских парнях старые программы, и вот уже страшные монстры преследуют Кирилла и его подругу. Умный агент Роман Артурович объясняет Кириллу, что привидения — в его голове, это «овеществление его страха», сам он видит лишь парней в состоянии истерики и шока, а не оборотней. Однако оборотни реальны, как пугающе реален и сон Кирилла, где он видит себя беглым эком, преследуемым мнимой собакой, притом, что о лагерях этот московский мальчик знает не так уж много, и в его семье это темой для рефлексии никогда не было. В его случае работает не лично-семейное, а социально-архетипическое, могущее быть разбуженным в любой момент.

«Песья» тема актуализирована и автором еще одного «посттравматического романа» «Люди августа» С. С. Лебедевым. Герой книги так же одержим семейной историей, как Нора у Л. Е. Улицкой или Лева у А. М. Мелихова. Он посвящает жизнь поиску информации о прадеде и деде Михаиле, которого бабушка таинственно «отменила» в семейном дневнике: «Важно...не содержание вос-

поминаний, а мой опыт прочтения», понимает он, зная, что невозможно спокойно жить в настоящем, не разобравшись с прошлым [Лебедев 2016: 18]. После герой начинает «раскручивать» чужие истории, ездит по «распадающимся пространствам, внутренним фронтам СССР», по островкам ГУЛАГа — «рабовладельческой империи-внутри-империи», восстанавливая, разыскивая, связывая и удивляясь, насколько востребованы его услуги. Так, старик-заказчик, отца которого выслали в 1939 г. в Казахстан, готов отдать большие деньги за баночку пыли с предполагаемого места гибели отца, и герою не кажется это ни странным, ни нелепым, ни тем более поводом для обмана (как бы старик смог проверить, откуда эта пыль?). Освободившись от страхов бабушки Тани, герой счастлив: «Безопасность, старая ш..., сдохла! Нет ее власти надо мной!» [Лебедев 2016: 103]. Впрочем, радость его оказывается преждевременной: события 1940–1950-х гг. догоняют его через полвека, и вот уже новая / старая структура ухмыляется ему в лицо: «Мы всегда найдем, что предъявить» [Лебедев 2016: 239]. «Старая ш...» не сдохла, понимает герой, «им снова не нужны доказательства» [Лебедев 2016: 239]. Прошлое вернулось, оно и не уходило никуда: «Ты ведь ходил по нашей территории, не спросив разрешения» [Лебедев 2016: 254].

Самая яркая часть романа связана с образом Песьего Царя, с которым судьба сталкивает героя, выполняющего очередной заказ. Это персонаж, родившийся в первый послевоенный год, но радостно принявший эстафету НКВД. Когда выпустили политических, он «засмурнел», писал наверх о «чудовищной ошибке» и, наконец, сам воспроизвел зону как необходимый государству феномен из собранных в округе «зряшных людей» (бомжей, нищих, бродяг). «Места были лагерные», жители охотно сдавали «зряшных» бывшему вохровцу. Прикормленные человечинной псы преследуют любого, кто захочет убежать, считают колонию и окрестные карельские леса своей территорией. Песий Царь возвращает им (и себе) смысл существования — охоту. В ужасе от увиденного спутники главного героя решают: «Нельзя так оставлять... Тут все начнется заново. Нужно все сжечь... <...>... Тут всю страну надо

сжечь» [Лебедев 2016: 187]. Характерно, что Песьего Царя убивают не пришельцы, а ценная сука из его жуткого питомника за то, что, будучи «Отцом», не защитил, не уберег ее детей. Песий Царь погибает, залитый кровью и молоком этой собачьей матери, что оставляет обширное пространство для мифопоэтических интерпретаций.

Герой С. С. Лебедева (не называемый, кстати, по имени) уверен: мифологическое мышление никуда не делось, исторические страхи — тем более. Взрослые из СССР всегда очень реалистично ощущали, «что окружены духами, призраками, аномальными зонами» [Лебедев 2016: 187]. Деда были «темными призраками внутреннего мира тех, кто приходил ко мне», говорит герой, считая себя кем-то вроде исторического психотерапевта [Лебедев 2016: 134]. Потомки обязаны накормить духов предков «кровоточающим мясом чувств» [Лебедев 2016: 134], иначе духи не оставят их в покое.

Заключение

Даже неполный обзор произведений отечественной литературы последних лет, имеющих отношение к лагерной теме, убеждает в ее актуальности и востребованности читателем. Конечно, лагерной прозой в точном значении термина их назвать нельзя, скорее, они являют собой трансформацию темы в зависимости от конкретных задач писателя и авторских стратегий. Писатель может выполнять социальный заказ, индивидуально понимаемый долг перед предками (собственной семьей или народом как целым), работать с национальным мифом или архетипами общественного подсознания и т. д. В любом случае оказывается, что вне этой темы, вне определения своего к ней отношения современная отечественная словесность и культура существовать не может.

Литература

Басинский 2015 — *Басинский П. В.* О романе Гузели Яхиной про раскулачивание татар [электронный ресурс] // URL: <https://rg.ru/2015/05/25/basinsky.html> (дата обращения: 04.03.2022).

- Быков 2007 — *Быков Д. Л.* Оправдание. Эвакуатор. М.: Вагриус, 2007. 528 с.
- Володихин 2014 — *Володихин Д. М.* «Господи, рассмотри меня сквозь темноту...» «Обитель» Прилепина как христианский роман [электронный ресурс] // URL: <https://foma.ru/prilepin-obitel.html> (Дата обращения: 04.03.2022).
- Данилкин 2014 — *Данилкин Л. А.* «Обитель» Захара Прилепина: лагерьный ад как модель страны [электронный ресурс] // URL: <https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/books/obitel-zahara-prilepina-lagernyy-ad-kak-model-strany/> (дата обращения: 04.04.2022).
- Иванов 2012 — *Иванов А. В.* Псоглавцы: Роман. СПб.: Азбука, 2012. 352 с.
- Котюсов 2014 — *Котюсов А. Н.* Изображая правду [электронный ресурс] // URL: <https://magazines.gorky.media/volga/2014/9/izobrazhaya-pravdu.html> (дата обращения: 12.03.2022).
- Котюсов 2015 — *Котюсов А. Н.* Семруг — птица счастья [электронный ресурс] // URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2015/10/semrug-pticza-schastyia.html> (дата обращения: 12.03.2022).
- Кумышева, Кучукова 2016 — *Кумышева Л. Ч., Кучукова З. А.* Этногендерный аспект романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» // Литературное обозрение: история и современность. Махачкала: ДГПУ, 2016. № 6. С. 19–21.
- Лебедев 2016 — *Лебедев С. С.* Люди августа. М.: Интеллектуальная литература, 2016. 272 с.
- Липовецкий, Эткинд 2008 — *Липовецкий М. Н., Эткинд А. М.* Возвращение тритона: Советская катастрофа и постсоветский роман [электронный ресурс] // URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/6/mark-lipoveczkij-8212-aleksandr-etkind-vozvrashhenie-tritona-sovetskaya-katastrofa-i-postsovetskij-roman.html> (дата обращения: 12.03.2022)
- Малова 2003 — *Малова Ю. В.* Становление и развитие «лагерной прозы» в русской литературе XIX–XX вв.: автореф. дисс... канд. филол. наук. Саранск, 2003. 24 с.
- Мелихов 2015 — *Мелихов А. М.* И нет им воздаяния. М.: Изд-во «Э», 2015. 704 с.
- Нарбут 2018 — *Нарбут Е. В.* Лагерьная художественная литература: вчера и сегодня // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 1(789). С. 120–126.
- Оробий 2014 — *Оробий С.* Обитель: побег невозможен (о книге Захара Прилепина) [электронный ресурс] // URL: https://magazines.gorky.media/homo_legens/2014/3/obitel-pobeg-nevozmozhen-o-knige-zahara-prilepina.html (дата обращения 12.11.2022).

- Прилепин 2014 — *Прилепин З.* Обитель: роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2014. 746 с.
- Ремизов 2021 — *Ремизов В. В.* Вечная мерзлота: роман. М.: Эдиториаль-Тандем, 2021. 848 с.
- Роднянская 2021 — *Роднянская И. Б.* Энциклопедия насилия — азбука человечности [электронный ресурс] // URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2021/8/encziklopediya-nasiliya-azbuka-chelovechnosti.html> (дата обращения: 12.04.2022).
- Старикова 2015 — *Старикова Л. С.* «Лагерная проза» в контексте русской литературы XX века: понятие, границы, специфика // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 4. № 2(62). С. 169–174.
- Сухих 2015 — *Сухих О. С.* Роман З. Прилепина «Обитель»: поэтика художественного эксперимента // Вестник Нижегородского университета им. Н. Лобачевского. 2015. № 1. С. 297–304.
- Улицкая 2015 — *Улицкая Л. Е.* Лестница Якова: роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. 731 с.
- Улицкая 2020 — *Улицкая Л. Е.* Любовь и нежность в аду // *Яхина Г. Ш.* Зулейха открывает глаза: роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. С. 5–6.
- Чотчаева, Ключникова 2019 — *Чотчаева М. Ю., Ключникова И. В.* Художественные особенности изображения женского национального характера в условиях несвободы (на примере произведения Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 5. С. 37–41.
- Яхина 2020 — *Яхина Г. Ш.* Зулейха открывает глаза: роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. 508 с.

Мотив журавлиного проклятия (*харал*) в калмыцкой поэзии XX – начала XXI вв.

Римма Михайловна Ханинова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova@bk.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Ханинова Р. М., 2022

Аннотация. *Введение.* В калмыцкой поэзии XX–XXI вв. журавлиная тема связана в общем орнитологическом ряду прежде всего с символами фауны степного края, родины, отчего дома. Актуальность, новизна и цель статьи обусловлены выявлением в стихах калмыцких поэтов мотива журавлиного проклятия и/или мщения из-за гибели птенцов, одного из журавлиной пары, как следствие — горя, печали, одиночества птицы. Этот мотив не был объектом и предметом исследования, как в целом и журавлиная тема в калмыцкой лирике. В работе применялись следующие *методы* исследования: историко-литературный, сравнительно-сопоставительный, описательный. *Результаты.* Обращение вначале к устному народному творчеству калмыков, в том числе монголов и бурят, с журавлиной темой, к обычаям, обрядам и суевериям позволило определить основные сюжеты и образы журавля для сопоставления со стихотворениями калмыцких поэтов разных поколений, с русскими переводами их репрезентативных текстов. Изучение неизвестной ранее калмыцкой легенды о журавлином проклятии, услышанной Н. С. Хатуевым от отца и сохраненной в стихотворении, способствует, во-первых, введению в научный оборот данного сюжета, во-вторых, уточнению мотива журавлиного проклятия, гибели, одиночества, мщения или беззащитности птиц от зла в калмыцкой лирике, в-третьих, появлению новых нюансов при описании исторических событий (Великая Отечественная война, ссылка калмыцкого народа) — журавли как души ушедших из жизни людей. *Выводы.* Стихотворения Н. С. Хатуева, А. И. Сусеева, Б. Б. Дорджиева,

М. В. Хонинова, Б. Б. Сангаджиевой, Т. О. Бембеева, Э. А. Эльдышева, с одной стороны, продолжают фольклорную традицию в калмыцкой поэзии XX–XXI вв., с другой — являют трансформации и новации в журавлиной теме. Соблюдение национального стихосложения в репрезентативных произведениях передают и особенности индивидуальной манеры автора. Русские переводы оригинальных текстов калмыцких поэтов не всегда адекватно передают заявленные мотивы, не совпадая по форме и содержанию. Исследование журавлиной темы в калмыцкой поэзии XX–XXI вв. может быть продолжено с включением других мотивов, в том числе в фольклорном аспекте.

Ключевые слова: проклятие (харал), легенда, сказка, фольклор, журавль, калмыцкая поэзия, поэтика, перевод

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Ханинова Р. М. Мотив журавлиного проклятия (*харал*) в калмыцкой поэзии XX – начала XXI вв. Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 3. С. 144–170. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-3-23-144-170

The Crane’s Curse (*Kharal*) in Kalmyk Poetry, 20th – Early 21st Centuries: Analyzing the Motif

*Rimma M. Khaninova*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin Str., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-0478-8099 E-mail: khaninova@bk.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Khaninova R. M., 2022

Annotation. *Introduction.* In 20th/21st-century Kalmyk poetry, the crane theme — like any other involving bird images — serves to symbolically address the fauna of the steppe region, native land, and ancestral home. *Goals.* The article aims to analyze Kalmyk poetic texts for the motif of

the crane's curse and/or revenge caused by the death of chicks, that of the spouse, and related grief, sadness, and loneliness of the bird. Both the motif and the crane theme in Kalmyk lyrics at large have never been subject to research. *Methods.* The work employs the historical/literary, comparative, and descriptive methods. *Results.* The paper begins with insights into oral folklore traditions of Kalmyks, Mongolians and Buryats for the crane theme, associated customs, rituals and superstitions, which makes it possible to identify key crane-based plots and images for further comparative analyses into Kalmyk poems authored by representatives of different generations, and corresponding Russian translations. The study of the previously unknown Kalmyk legend of the crane's curse recorded by N. Khatuev from his father and preserved in the poem, firstly, introduces this plot into scientific circulation; secondly, clarifies the motif of the crane's curse, death, loneliness, revenge or defenselessness of birds from evil in Kalmyk lyrics; thirdly, adds new nuances to descriptions of historical events (Great Patriotic War, Kalmyk Deportation) — cranes to stand for souls of deceased persons. *Conclusions.* The poems by N. Khatuev, A. Suseev, B. Dordzhiev, M. Khoninov, T. Bembeev, and E. Eldyshev, on the one hand, continue the folklore tradition in 20th/21st-century Kalmyk poetry, while, on the other hand, show transformations and innovations in the crane theme. The adherence to ethnic versification patterns in examined works also conveys certain peculiarities of the authors' individual styles. Russian translations of the original Kalmyk poetic texts are not that precise to articulate the declared motifs, being different enough both in form and content. Investigation of the crane theme in modern Kalmyk poetry can be continued through the involvement of other motifs, including in the folklore aspect.

Keywords: curse (kharal), legend, folktale, folklore, crane, Kalmyk poetry, poetics, translation

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490036-1 'Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions'.

For citation: Khaninova R. M. The Crane's Curse (*Kharal*) in Kalmyk Poetry, 20th–Early 21st Centuries: Analyzing the Motif. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2022; 3: 144–170. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-3-23-144-170

Введение

В орнитологическом ряду калмыцкого фольклора (орел, лебедь, сова, сорока, ворона, филин, ласточка, гусь, воробей, павлин,

попугай и др.) журавль занимает определенное место. Так, в сказке «Гусь и журавль» он мудро стыдит гуся-хвастуна, становится посредником между волком и мышью («Братья-мыши») [Хальмгтуульс 1961: 207–208], в варианте «Семидесяти двух небылиц» героиня при помощи колодезного журавля спускает на веревке свою голову в нижний мир, чтобы она могла напиться и вернуться в верхний мир [Басангова 2002: 32] (см. подробнее о журавлиной теме в калмыцком фольклоре: [Басангова 2018; Басангова 2019]).

В монгольской сказке «В отсутствие хана» младшая жена хана, изувеченная по навету несправедливо, вернула свое зрение (был выколот один глаз) благодаря журавлю. «Однажды в степи она увидела, как слепой журавль, вырыв из земли и проглотив какой-то корень, внезапно прозрел, взмахнул крыльями и улетел. Женщина подобрала остатки целебного корня. Едва она их съела, как почувствовала, что стала зрячей на оба глаза» [Монгольские сказки 1962: 121]. В бурятской сказке «Тухурюн Шубун (Журавль)» журавль из-за того, что не стал царем птиц, потому что птица Буксэргинэ вовремя не прилетела на общее собрание, рассердился на нее, сломал ей правый бок [Бурят-монгольские сказки 1953: 147–148]. В другой, схожей по сюжету бурятской сказке «Птица хан Хурдуг» журавль тоже рассердился на чекана, предложившего птицам остаться с прежним ханом: сломал чекану позвоночник, и птицы не захотели себе такого хана [Бурятские народные сказки 1976: 389–390].

В монгольской пословице «Журавлю не годится павлиний хвост» отмечен внешний вид скромного оперенья птицы, представленной в калмыцких народных песнях «Хар келн тоһрун» («Черноголовый журавль»), «Өл-манхн тоһрун» («Серый журавль») и др. Общее название птицы *тоһрун* имеет и разновидность *тоһрун-саэхлэ* ‘журавль-красавка’ [Манджикова 2007: 71].

У славян журавль «называют святой птицей (хорв.), считают вестником добра наряду с ласточкой (герцеговин.). Убийство Ж. македонцы Гевгелии расценивают как грех. В Герцеговине верят, что наказание постигнет всякого, кто убьет Ж.: нива его станет бесплодной, а с ним самим случится несчастье. <...> При обраще-

нии к летящим Ж. слово журавль у украинцев и белорусов табуируется исходя из народной этимологии. Если назвать их журавлями, они в ответ прокричат: „Шоб ты журыуся [печалился] целый век!“ (житомир., ПА). Поэтому их называют веселиками или приветствуют словами: „Здароу буу пан весёлый!“ , на что Ж. отвечают: „Нэхай жэ штоб ты весела була на весь год“ (гомел., Mosz.PW: 166) и т. п.» [Гура 1995: 229].

В представлении калмыков журавль — сакральная птица, что, возможно, связано с реликтами тотемистических представлений о журавле как предке одного из родов. Поэтому на него нельзя было охотиться, разорять гнезда, уносить птенцов, иначе это грозило журавлиным проклятием. «Если иногда дети приносят яйца журавлей, то родители сильно беспокоятся и заставляют их отнести обратно. Калмык в полной же уверенности, что журавли способны заклинать. При этом считается, что их заклинания всегда достигают своей цели. Особенно сильным заклинанием обладают бугровые журавли. Вера в заклинание журавлей так сильна, что даже полет журавлей над хотоном производит суматоху. Как только слышат голоса журавлей над хотоном, то из каждой кибитки выходят с водой и плещут на них, выплевывая. Веру в заклинание журавлей среди населения поддерживает таким образом духовенство, — указывал в начале XX в. У. Д. Душан. — Часто оно в своих священных книгах находят объяснение того или иного несчастья, в особенности случившегося с детьми, в заклинаниях журавлей» [Душан 2016: 196–197]. Недаром «калмыки называли журавля птицей с проклинающим языком — хар келн тоһрун» (‘букв. журавль с черным языком’) [Бакаева 2009: 118]; «для сравнения: человек, произносящий проклятие, для усиления его действия, мажет язык черной сажей» [Борджанова 2007: 129], обряд изгнания проклятия калмыки называли *хар келн утлһн* ‘букв. отрезание черного языка’ [Очиров 2006: 266–270]. «Считалось, что журавль может проклясть того, кто разорил его гнездо» [Басангова 2018: 118].

По мнению монголоведа Намжавина Содмона, «определение „хар келн тоһрун“ указывает не на заклятие журавля, а на особенность оперения на голове птицы: черные перья (черноголовый жу-

равль) в отличие от серого журавля, поэтому „келн“ — язык здесь в значении „язычок“, „хохолок“ перьев» (цит. по: [Ханинова 2012: 228]).

Ср. в монгольской сказке «Белая кобылица» лошади резвились на берегу реки и раздавили семь гусиных яиц. Белая кобылица предупредила табун, что они теперь стали врагами птиц, те убьют лошадей, надо уходить. Но ее не послушались, и наутро прилетевшие птицы заклевали всех лошадей, уцелела лишь раненая белая кобылица с жеребенком [Монгольские сказки 1962: 168].

Калмыки верили, что «проклятие в адрес человека может произнести птица или животное, если погублено их потомство. Известно бытование волчьего и журавлиного проклятий» [Басангова 2008: 120].

Этиологическая легенда о журавлином проклятии в стихотворении Николая Хатуева «Тоһруна һундл» («Жалоба журавля», 2014)

Мотив проклятия в калмыцкой поэзии не рассматривался, кроме наших статей о жанре проклятия (харал) в адрес человека в стихотворениях калмыцких поэтов [Ханинова 2022а; Ханинова 2022б].

В самозаписи сказительницы Т. С. Тягиновой «Тоһруна тууж» («Предание о журавле») рассказывается о жалобе журавля заячи¹ — распорядителю судеб: *Тоһрун заячлаһан зарһцж болна: «Хорхан дуңгэ богшудад хөрн өндг өгдмчи, хөөнэ дуңгэ нанд хойрхн өндг өгдмчи. Ардан юуһан дахулхви, алевдан юуһинь өгхви?»* — *гинэ* [Тягинова 2011: 39]. В нашем переводе: ‘Журавль стал жаловаться заячи: «Воробью размером с червяка даешь двадцать яиц, а мне, который величиной с овцу, даешь только два яйца. Кого мне за собой вести, кого оставить после себя?»’.

Народную легенду о журавлином проклятии современный калмыцкий поэт Н. С. Хатуев (род. в 1953 г.) услышал от своего отца, знатока родного фольклора, С. Ш. Хатуева и сохранил ее, поэтически переложив в своем стихотворении.

¹ От заян ‘судьба’ [КРС 1977: 243].

Хатуһа Николай

Николай Хатуев

Тоһруна һундл

*Өл-маңхн тоһрун
Өрүн-асхнд доңһдна.
Өрчднь төөһрсн һундлан
Өөлэд заячдан келнэ.*

*«Хөн цогцта нанд
Хойр һуужмл заядмч?»*

*Авддан кенэн өгхв?
Ардан кенэн дахулхв?*

*Хомһлар үүрэн ясдг,
Хамг эмтнлэ бээдг,
Хурвчас элэд богшурһад
Хойрас элвгэр өгдмч?*

*Заячнь оньган өгнэ,
Зэрлгэн аитһнь амлна:
«Үүричнь эвдлэж тараһад,
Үрнэнчнь эмнд күрснд,*

*Догшин харалчн күрх,
Дорацэж хөвнь буйсх».*

Жалоба журавля

Серый журавль курлычет в печали,
Степью разносятся звонкие плачи.
В памяти птичьей обида горька,
У зайчи он спросил погоды:

— Ростом с овцу я, так почему же
Дал двух птенцов только мне? И к тому
же

Некого мне за собой сохранить,
Некому следом за мною ступить.

А воробью, ростом меньше наперстка,
Больше птенцов подарил для потомства?
Строит он гнезда рядом с людьми,
С ними соседится в мире, гляди.

Слушал с вниманием жалобу молча
Сам заячи, повелел полнолично:
— За разоренные гнезда твои
И за птенцов, что погибли твои,

Прокляты будут тобою враги,
Худшую долю познают они.

[Хатуев 2021: 47].

Перевод Р. М. Ханиновой.

Нетрудно заметить, что сюжет этой легенды, перекликаясь с преданием, объясняет, как появилось журавлиное проклятие. Различие есть в небольших деталях первой части двух историй: яйца — птенцы, сравнение воробья с червяком — сравнение воробья с наперстком. Основное различие заключается в том, что заячи, распорядитель судеб, откликается на жалобу журавля, на-

деляет его магией проклятия; в контексте сюжета — предостережение журавлиным врагам, чтобы они не вредили птицам, иначе их ждет мщение.

Стихотворение Н. С. Хатуева состоит из шести строф: четыре катрена и один дистих (18 строк). Диалог с заячи оформлен в виде прямой речи. При этом ответ заячи структурно разделен: начало предложения в четвертом катрене, окончание предложения — в дистихе. Возможно, такой разрыв прямой речи обусловлен смысловым акцентированием возможного птичьего проклятия.

Журавль в стихотворении обозначен как *өл-маңхн тоһрун* 'сизый, т. е. серый, журавль', распространенный в калмыцкой степи, как и журавль-красавка. В названии текста «Тоһруна һундл» существительное «*һундл*» имеет несколько основных для нашего контекста значений: 1) жалоба, 2) обида, 3) тоска [КРС 1977: 169]. Все три значения обусловлены состоянием журавля, оставшегося без потомства, но в нашем переводе названия стихотворения актуализирован смысл жалобного обращения птицы к заячи за справедливостью, в поисках сочувствия, поддержки, понимания его печали и горя из-за потери детей.

Стихотворение открывается пейзажной картиной, основанной на акустическом компоненте: серый журавль с утра до вечера курлычет, он рассказывает о своей обиде и тоске, жалуясь заячи. Сравнение себя с воробьем в аспекте физической величины и возможности потомства не в свою пользу побуждает журавля к резкому высказыванию, отсюда и литота в описании воробья: меньше наперстка, а плодовит. Воробей действительно птица небольшого размера — 15–17 см, весит от 20 до 35 граммов. Обычно в кладке от 5–7 яиц, иногда их число достигает десяти; за один сезон воробья может вывести 2–3 потомства. В стихотворении Н. С. Хатуева речь идет не о полевом, а о домовом воробье, селящемся близ людей («Хамг эмтнлэ бээдг»).

В зависимости от вида высота журавля — 90–95 см, вес от 2 до 11 кг, журавль-красавка относится к мелким журавлям, к средним — серый журавль. Журавлиха обычно откладывает два яйца, иногда выживает лишь один птенец. Поэтому забота журавля о со-

хранении потомства в произведении калмыцкого поэта подтверждает знание кочевников о фауне родного края, о системе запретов для сбережения этих птиц.

Ср. в стихотворении монгольского поэта Далайн Найманжина (род. в 1936 г.) в переводе Н. В. Стефановича:

Когда-то в журавля, спешащего к птенцам,
Камнями я бросал, — зачем, не знаю сам.
Привстав на стременах, стремительный и злой,
Я настигал его упругою петлей.
Тогда не ведал я, как мечешься, спеша,
Заслышав где-то плач родного малыша.
Но если бы тогда я знать про это мог, —
Нет, не был бы я так бессмысленно жесток.

[К солнцу! 1969: 61].

Несмотря на то, что в этом стихотворении прямо не говорится о подобном запрете, в контексте можно понять обозначенную традицию. «Считалось, что журавль может проклясть того, кто разорил его гнездо» [Басангова 2018: 118]. Согласно легендам, как указывает современный исследователь, калмыцкая протяжная песня «Хар келн тоһрун» («Журавль с черным языком») «не что иное, как пение журавушки, потерявшей птенцов и кружащей над местом их гибели с протяжным криком» [Басангова 2018: 116]. Кроме того, «существовала примета, согласно которой убийство одного птенца журавля равно убийству гелюнга» [Басангова, Буркин 2001: 63]. Гелюнг (калм. *гелң*) — буддийский монах [КРС 1977: 136]. Прием фольклорного параллелизма — мир людей и мир природы — актуализирует искомую взаимосвязь в представлении монголоязычных народов.

Мотив журавлиного одиночества в стихотворении Аксена Сусеева «Һанц тоһрун» («Одинокий журавль», 1969)

Гибель одного из журавлиной пары — распространенный мотив в мировой поэзии, в том числе и в калмыцкой.

Аксен Сусеев

Һанц тоһрун

*Тег теишкэтлэн тарһлэж,
Тегш төгэлндэн налаж.*

Торһа нарнур өөдлэж,

Төрл-садарн дуулэж...

*Көк ноһаһар тег
Кеерчкхн дүңгэж налана,
Деер нарн инэсн,
Делкэг дулаһар хаһһана.*

*Бүчртэ йиртмэжнь цецглэж,
Живртэ хамгнь өндгэлэж,
Бүгд малмуд үрслэж,
Жирһлтэ заһсд түрслэж.*

Иим нег өдрт

*Иньг-теегиннь аһуд
Бамб цецгин үнрт
Байрта-хальң йовад,*

*Теегин эжим хаалһд
Тоһрун йовсиг үзүв...
Хар келн тоһрун
Ханьнь уга, һанцарн.*

*Намаг үзчкэд тоһрун
Нанд гекхн болв,
Зовлңган күүнд келхэр
Зовсн болэж медгдв.*

Аксен Сусеев

Одинокий журавль

А степь все тучнеет повсюду весною,
Раскинулась вширь — горизонт не
видать.

Здесь к солнцу взлетает, поет там с
роднею

Торга, прославляя степи благодать.

Зеленой травой простор нарядился —
Он так величавей в своей красоте.
И солнце смеется — весь мир обогрелся,
Искрится в небесной своей доброте.

Деревья цветут — возродилась природа,
Пернатые в гнездах яички кладут,
Весь скот ожидает весною приплода,
На нерест все рыбы усердно идут.

Таким днем однажды в родимом
просторе,
В тюльпановом запахе шел по степи
Я в радостном духе, хмелея, но вскоре
Та радость сменилась печалью в пути.

Увидел я тут журавля на дороге:
Он шел одинокий, он был очень тих.
И нет никого рядом с ним — я в тревоге:
Без спутника он, головою поник.

Увидев меня — показалось мне — птица
Как будто кивнула, приветствуя здесь,
Как будто хотела она поделиться
Страданьем своим, как я понял, ту весть.

Өөрдэд күрэд ирхлэм,
Өөдлэд нисэд харв,
Өөрхнд хэрү буув,
Өөлсн дун соңсгдв.

Дэжн шинэс тоһрун
Давтад толһанан гекв.
«Хэлэ өөрэн, хээмнь,
Хэлэ!» — гисн болв.

Эргн-төгэлдэн хэлэхлэ:
Элк түргүл кевтсн
Толһань сумнд цоорсн
Тоһрун ноһанд үзгдв.

Ичрэн геесн аңһучас
Иньгэн харсад үксн
Эр тоһрун болж
Эн нанд сангдв.

«Медвчи мини зовлциг?
Медснч... һундлм ил...
Кишго улсин тускар
Күн болһнд кел!»

Хальме дуунд магтгддг
Хар келн тоһрун
Хар саната аңһучиг
Харасн болж медгдв.

Хол биш — өөрхнд
Хошаһад тоһруд үзгднэ.
Шар нарна ээврт
Шарка-барка бишлднэ.

Төгэлд хаврин жсирһл
Төл өскж ниргнэ.

Когда, подойдя, я приблизился к птице,
Взлетела она надо мной в синеве,
Поблизости вновь опустилась, и птицы
Тут жалобный голос послышался мне.

И снова журавль мне кивнул (я не скрою),
Он дважды меня словно звал погодя.
«Смотри ты, мой миленький, рядом с собою,
Смотри!» — так я понял призыв журавля.

Когда огляделся вокруг, то увидел
Ничком тут лежащую птицу в траве,
Убитую кем-то, охотником, видно,
И с пулей в разбитой ее голове.

Охотник свой стыд потерял, если все же
Он поднял ружье, чтоб убить журавля.
А этот журавль, так подумал я тоже,
Погиб, защищая подругу, тогда.

«Ты понял мучения эти, прохожий?
Ты понял меня... всю тоску журавля...
О вредных людишках, таких же, похожих,
Ты каждому скажешь, прошу я тебя!»

В народных-то песнях прославили птицу.
Она же имеет и черный язык,
Я понял: плохого охотника птица
Сейчас проклинала, — и в это я вник.

Поблизости видятся мне на просторе
Не стаи, а пары степных журавлей:
Калмыцкие танцы танцуют те в роде
Под солнечным светом весенних степей.

Вокруг же весенняя жизнь играет,
Приплод прибавляется, шумно растет.

Эн тоһрун һанцарн
Эңсэд тег эргнэ.

А этот журавль по-над степью летает
И плачет навзрыд, никого не зовет.

1969 ж.

23–24.09.2022

[Сусеев 1984: 74–76].

Перевод Р. М. Ханиновой.

В стихотворении Аксена Сусеева «Һанц тоһрун» («Одинокий журавль», 1969) звучит журавлиное проклятие в адрес охотника, убившего журавлиху. Сюжет развивает мотив гибели одного из журавлиной пары. Картина весенней степи, открывающая стихотворение, рисует радостные сцены возрождения природы: пение жаворонка (калм. *тоpha*), зеленый простор, смеющееся солнце, цветение деревьев, кладка яиц, нерест рыб, запах тюльпанов внезапно сменяются видом одинокого журавля, шествующего по степной дороге. Воображаемый диалог между человеком (лирический субъект) и птицей дополняется кинетикой журавля, увлекающего за собой прохожего, чтобы показать мертвую подругу. Деталь — разбитая пулей птичья голова — становится доказательством злой воли убийцы. Журавль словно обращается к путнику с просьбой рассказать каждому о таких плохих людях. Эта характеристика являет в контексте проклятие (*харал*), дополненное названием журавля — *хар келн тоһрун* ‘букв. журавль с черным языком’. *Хар келн тоһрун / Хар саната аңһучиг / Харасн болж медгдв* [Сусеев 1984: 76]. В нашем смысловом переводе: ‘Журавль с черным языком, как я понял, проклял охотника с черными мыслями’. Ср. в легенде Н. С. Хатуева присутствует серый журавль (*өл-маңхн тоһрун*). Поэт завершает свой рассказ контрастом между весенней жизнью и плачем одинокого журавля, летающего в степи.

Если у Н. С. Хатуева журавль обращается к зайчи, то у А. И. Сусеева журавль взывает к человеку. Охотник назван человеком без стыда, поскольку тот поднял ружье против журавля. Здесь журавлиная пара показана без птенцов. Переживания одинокой птицы равны человеческим переживаниям. Психологический параллелизм контраста (смеющееся солнце и плачущий журавль) усиливают авторский посыл.

Четырнадцать катренов (56 строк) структурированы разными видами анафоры: сплошная (1, 7, 12 строфы), перекрестная (3 строфа), парная (остальные строфы), рифмовка свободная.

Мотив журавлиного одиночества в стихотворении Тимофея Бембеева «Тоһрун» («Одинокий журавль», 1994)

Сюжет стихотворения Т. О. Бембеева «Тоһрун» (в пер. О. М. Дмитриева «Одинокий журавль») перекликается со стихотворением А. И. Сусеева.

Бембин Тимофей

Тимофей Бембеев

Тоһрун

Одинокий журавль

*Киитн сүркэ авглсн,
Киһһән авхла — дагжулна.
Салькн чигн адрсн,
Сана салвлэж, хавиулна.
Хотнас уухнд, хэлэхнь,
Хорһдул уга түрсн,
Тоһрун лавта, хээмнь,
Тонтаж, кеер үзгднэ.*

*«Ода яһад, көөрк,
Ор һанцар үлдсмб?
Медэтнр келдиг санхла,
Мел тиим гидг —
Эрүн дурнаси салхла,
Эмэрн шордна гидг.
Һашута үүл учрснь,
Һанцар, чавас, энрснь
Хара биһи йовдл,
Харм төрм йовдл...»*

*Тегэд, нег серхнь,
Терз һатц цээнэ.*

Так рано вдруг похолодало,
Морозы крепкие стоят,
И «астраханец» дует шало
Уже который день подряд.

Но за селом —
Какое диво! —
Я заприметил журавля.
Неторопливо, горделиво
Он шел один через поля.

Но вот что странно:
Для отлета
Давным-давно уж минул срок,
А он остался отчего-то...
И почему так одиноко?

Ведь могут лишь с подругой вместе
Жить однолюбы-журавли.
Умрет она —
Из поднебесья
Падет журавль на грудь земли!

Гер дотр, келхнь,
Гегэрэж, киитрсн бээнэ.
«Тохрун яһсн?!» — гинэд,
Толһадм торһзад одсн,
Хувцан адһжэ өмсэд,
Хурдлад теегүр һарсн,
Цаһан торһн көнжлэр
Цасн һазриг бүркжэ,
Тал дунднь өнчэр
Тачалта шовун үрглжэ.
Һанцин седкл даһта,
Һашута бээхнь лавта.

Салькн улм адржана,
Санам йосар зовжана.
Селгэдэр көлөн өргжэ
Живр доран ээсн.
Серүлн гихлэ, үргжэ
Жилиһэд зулхаснь ээсн:
«Герурн ав! — болад,
Генткм зүркм догдлад, —
Увлэс, үклэс харс.
Үүрнь бол бас!..»

Тегэд, келжэ йовнав:
— Тесч чадшгог һанцар,
Хавр күртл асрхар,
Халун, киитндч орлицнав.
Дуларад, тег көкрхлэ,
Дурнчн — эврэн хэлэ.
Ижлчн шуугад ирхлэ,
Иньг чигн хэлэ.
Жирһл — живрт бээдг,
Живрэн бичэ зура.
Һанцас му ээдг,
Һавишун залус дура.
Өөдэн теңгүрү хагдад,

Но, очевидно, птица эта
Осталась навсегда одна,
Не в силах выполнить обета...
Как зиму выдержит она?

Проснулся как-то, удивился:
Прохладно в доме и светло.
Всю ночь на землю снег ложился,
Куда ни глянь — белым-бело!

Вскочил, оделся, как попало,
И быстро выглянул за дверь:
«Что с журавлем несчастным стало?
Как тяжело ему теперь...»

От дома через снег глубокий
Я проложил глубокий путь
К дремавшей птице одинокой,
Склонившей голову на грудь.

Журавль не спал в степи холодной,
Храня под перьями тепло.
Чтоб отогреть —
Поочередно
Он прятал ноги под крыло.

И сердце дрогнуло от боли:
«Ты в дом свой птицу забери,
Спаси от одинокой доли,
Теплом и дружбой одари!»

Я к птице подошел поближе,
Стал ласково и тихо звать:
«Ты в одиночестве погибнешь,
Так будем вместе зимовать!

*Өрэд одхичн мөрэднэв.
Ардасчн байрлн дайлад,
Алтн хаалһичн йөрәнэв!..*

*Тоһрун итксн уга,
Толһань нээхлсн болла:
Үкн гүүхәрн зулсн,
Үргэд, нисэд одсн,
Тедүкн, толһа деер,
Тегэд оч буув.
Теегт, һанцар, кеер
Теслхән медулж суув.
Кен орлц шовунд
Өшрх йовдл үзүлсmb?
Кезэ бидн энүнд
Өр өвдсән иткүлхmb?*

[Бембин Т. 1994: 4].

70 строк.

Придет весна, вернутся с юга
Твои сородичи опять.
Ты приглядишь себе подругу,
Счастливым снова сможешь стать.

Не избегай моей защиты,
Что горд и смел ты,
Помню я.
Лишь только крылья береги ты —
В них сила и краса твоя.

Когда зима минует злая,
Ты улетишь —
На много лет
Тебе я счастья пожелаю
И помашу рукой вослед...».

Слова мои лишь напугали —
Качнула птица головой
И, землю оттолкнув ногами,
Ушла в простор небесный свой.

Скажите,
Кто обидел птицу?
Но, может быть, не навсегда?
Еще, быть может, возвратится
Ее доверье к нам...
Когда?

Перевод О. М. Дмитриева.
[Бембеев 1988: 58–60].
73 строки.

Если в одном случае действие происходит весной, то в другом — в начале зимы. В сусеевском тексте лирический субъект видит не только одинокого журавля, но и убитую его подругу, слышит журавлиное проклятие в адрес охотника. В бембеевском

тексте лирический субъект знакомится с журавлем, оставшимся без подруги и вовремя не улетевшим в теплые края. Здесь использован миф о том, что журавли моногамны, после гибели кого-нибудь из пары другой/другая не заводит новую семью, умирает от тоски. *Медэтнр келдиг санхла, / Мел тиим гидг — / Эдун дурнаш салхла, / Эмэрн шордна гидг* ‘Если вспомнить, что говорят старики, так оно и есть: если расстанутся с любимым, лишаются жизни’² [Бембин Т. 1994: 4]. Ср. в переводе О. М. Дмитриева: «Ведь могут лишь с подругой вместе / Жить однолюбы-журавли. / Умрет она — / Из поднебесья / Падет журавль на грудь земли!» [Бембеев 1988: 58]. Человек пытается утешить птицу, говорит о том, что тот, может, весной найдет себе подругу: *Инъг чигн халэ* [Бембин Т. 1994: 4]. В переводе О. М. Дмитриева это предположение звучит категоричнее: «Ты приглядишь себе подругу», так как далее следует пояснение: «Счастливым снова сможешь стать» [Бембеев Т. 1988: 60]. В речь лирического субъекта включен элемент традиционного йоряла — благопожелания в дорогу: *Ардасчн байрлн дайлад, / Алтн хаалличн йөрэнэв!..* ‘Вслед тебе с радостью помашу, благословлю твою золотую дорогу!’ [Бембин Т. 1994: 4]. В переводе О. Дмитриева: «Тебе я счастья пожелаю / И помашу рукой вослед...» [Бембеев Т. 1988: 60], т. е. передано общее пожелание без традиционной формулы с упоминанием пути. Птица, напуганная появлением человека и его речью, поднялась в воздух, полетела и приземлилась на кургане, показывая тем самым, что она останется в степи. В переводе О. М. Дмитриева просто улетела прочь. Концовка стихотворения завершается риторической фигурой — вопросами: *Кен орлң шовунд / Ёшрх йовдл үзүлсмб? / Кезэ бидн энүнд / Ёр өвдсэн иткүлхмб?* ‘Какой изверг совершил враждебный проступок? Когда мы вернем ее доверие после причиненной боли?’ [Бембин Т. 1994: 4]³. У О. М. Дмитриева в переводе риторические фигуры поданы в смягченной форме: «Скажите, / Кто обидел птицу? / Но, может быть, не навсегда? / Еще, быть может, возвратится / Ее доверье к

² Здесь и далее наш смысловой перевод. — Р. Х.

³ Калм. *орлң* — изверг [КРС 1977: 402].

нам... Когда?» [Бембеев Т. 1988: 60]. По нашему мнению, резкое высказывание автора (*орлц*) обусловлено и ментальным отношением к журавлю, знанием запрета у калмыков охотиться на эту птицу. В бембеевском произведении не звучит журавлиное проклятие, птица молчалива и пуглива, тем самым актуализирована ее беззащитность перед злом и жестокостью человека.

В ранней балладе Т. О. Бембеева «Живрнь тээрнхэ тоһрун» («Журавль с подрезанными крыльями», 1966) [Бембин Т. 1966: 15–16] кто-то подрезал крылья птицы, чтобы она не смогла летать. Автор назвал такого человека хулиганом (*өздц*), т. е. не имеющим злого умысла в отношении журавля. На самом же деле, в контексте произведения — это авторский призыв к защите природы, сожаление об утраченной взаимосвязи бывших кочевников с окружающим миром, т. е. о забвении заветов предков. См. подробнее в нашей статье «Дихотомия „свой“ – „чужой“ в анималистической калмыцкой балладе [Ханинова 2021: 380–394].

Мотив журавлиного одиночества в стихотворении Санжары Байдыева «Тоһрун» («Журавль», 1991)

Похожий мотив есть в стихотворении Санжары Байдыева «Тоһрун» («Журавль»):

*Өөдэн теңер хэлэхлэм,
Өрәсн һанц тоһрун
Көшсн живрән арһул
Көндәж, гейүртә ниснә.*

*Эңкр иньгән унхла,
Элкдәд, деернь киисәд,
Экрәд уульн бәәж
Энтн сөөһән давулж.*

*Килниць — күүнд бәәнә,
Килмәж тоһрунд кергтә,
Эврәнм хуучн шавм
Эн саамд шаркла.*

[Байдын С. 1991: 26].

Здесь та же картина: лирический субъект видит в степи одинокого журавля, медленно взмахивающего крыльями, тоскливо летящего вдаль. Он предположил, что журавль, когда упала его любимая подруга, обнял ее, плакал всю ночь напролет. Грешен в этом человек (*Килницн*⁴ — *күүнд бээнэ*). Журавлю нужна забота. Психологический параллелизм связывает мир природы и мир людей: тогда лирическому субъекту вспомнилась его старая рана (боль), защемило в груди. Журавль в этом тексте имеет общее именование (*тоһрун*) без конкретизации его вида. Дидактическая составляющая стихотворения проявляется в уточнении вины человека и в необходимости заботы о степных птицах.

Ср. со стихотворении Басанга Дорджиева «Тоһруна туск баллад» (1942) [Дорджиев 2008: 18–20], в пер. Ю. Островского «Баллада о журавлях» [Дорджиев 2008: 448–449]. В балладе о войне калмыцкий поэт развернул сюжет о журавлином мщении: когда фашистский летчик стал стрелять в журавлей, убил одного из них, журавлиная стая налетела на самолет, врезаясь в его мотор, таким образом, сбила вражескую машину [Ханинова 2019: 194–206].

Мотив журавлиного одиночества в стихотворении Боси Сангаджиевой «Тоһрун» («Журавль», 1970)

Традиционное описание журавля в аспекте календарного и сезонного прилетов и отлетов в калмыцкой поэзии, например, в стихотворении Боси Сангаджиевой «Тоһрун» («Журавль», 1970).

Саңһэжин Бося

Бося Сангаджиева

Тоһрун

Журавли

*Тагчг асхин терзэрт
Тоһруна дун соңсгдв.
Теңгерт биш, өрчдм
Тачалнь һашудсн болв.*

Ах, какая печаль вековая
В журавлином протяжном «курлы»!
В сумрак осени канула стая,
Крик еще долетает из мглы.
Я бегу за растаявшей цепью,

⁴ *Килниц* — *рел.* грех, греховное деяние [КРС 1977: 300].

*Үзгэн һартасн суһлад
Ардаснь һарад чиңнүв,
Өмэрэн дулан һазрур
Үрвэд нисснь үзгдв.*

*Төрскнэсн сална гисн
Тиим һашута болтал,
Эврәннь дун кевтэ
Ода күртл зоватав.*

1970 жыл.

[[Санһжин Б. 1974: 124](#)].

Слышу в песне их что-то свое,
И всегда расставаясь со степью,
Так же грустно пою я ее.

Перевод А. Г. Наймана
[[Сангаджиева 1984: 104](#)].

Мотив одиночества журавля у Б. Б. Сангаджиевой имеет и гендерный характер. Лирическая героиня слышит в вечерней тишине за окном журавлиный голос. И он отзывается не в небе, как передает она, а в ее сердце горькой печалью. И героиня оставляет свою ручку (подразумевается, что она сидит за столом и работает), выходит из дома, прислушивается. Видит, как птица медленно летит вперед в теплые земли. Женщина думает о том, как горько расставаться с родиной, и она сочувствует журавлиному крику (курлыканию), как собственному, переживая до сих пор.

Ср. в переводе Анатолия Наймана: обобщенная картина осенней ночи, журавлиная стая, лирическая героиня бежит вслед за стаей, так же грустит, расставаясь со степью. У переводчика микшируется мотив одиночества, явленный в оригинальном тексте, важный для смыслового понимания исходной авторской задачи.

Поэтому стихотворение Б. Б. Сангаджиевой не случайно названо «Журавль»: в единственном числе, а не множественном, как у переводчика. И в этом плане данный текст репрезентативен в мотиве одиночества, рассматриваемом в нашей статье. Возникают в контексте вопросы у читателя: почему журавль летит один, где его партнер, где стая? Что случилось? Соответственно настроение лирической героини передает также определенные коннотации, характеризующие ее собственное одиночество и печаль.

Ср. стихотворение бурятского поэта Баяра Жигмытова (род. в 1953) «Журавли...»:

Журавли
Летят в небесах,
Вплывают в симфонию осени.
Отчего же так грустно,
Любимая?
Словно жизни остался
Миг...

[Антология литературы Бурятии... 2010: 494].

Мотивы осени, прощания, одиночества актуализируют размышления лирического субъекта о краткости человеческой жизни, о ценности ее мгновений.

Мотив реинкарнации в стихотворении Эрдни Эльдышева «Теңгрт чивсн тоһруд» («Журавли, утонувшие в небе», 2022)

Две книги Эрдни Эльдышева названы «Семь журавлей» (1997) и «Седой журавль». (2018). В московский сборник включены несколько стихотворений на журавлиную тему: «Седой журавль», «Семь журавлей», «Журавли Расула» [Эльдышев 2018: 19–20, 65–69, 77–78]. В первом из них звучит мотив родины, во втором, посвященном матери, — автобиографический мотив ухода ее из жизни, в третьем — мотив памяти об аварском поэте Р. Г. Гамзатове.

Автобиографический мотив в стихотворении «Долан тоһрун» («Семь журавлей», 1977) актуализирует сакральный образ журавля. Перед смертью матери поэта в небе появляются семь журавлей, словно на прощанье посланные богами, птицы облетели над ее головой, как будто благословляя женщину:

*Бурхи багшин гегэнэ элчнр —
Буйнта долан тоһрун ирлэ.
Эңкр экин толһа деернь
Эргэд нисэж эдс хээрлэ.*

[Эльдышев 1997: 81].

Отвечая этому посланию-благословиению, мать, сложив ладони, помолилась:

*Альхан намчлжэ, эк мини
Эдс авч, залвржэ мөрглэ.*
[Эльдышев 1997: 82].

Образы журавлей заключают стихотворение:

*Өлзэ хээрлсн долан тоһрун
Өршэңһү теңгрт һашуджэ доңһдна.
Буй-кишгэн маднд хээрлсн
Бурхн болсн эким санулна.*
[Эльдышев 1997: 83].

Даровавшие благоденствие семь журавлей в милостивом небе горестно курлычут. Лирическому субъекту вспоминается подобная богу мать, благословившая своих детей на счастье.

Количество журавлей в стихотворении также имеет сакральный смысл.

В последнее время журавлиная тема дополняется мотивом сибирской ссылки народа в годы сталинских репрессий (1943–1957). Гамзатовское сравнение летящих журавлей с душами погибших солдат из стихотворения «Журавли» трансформировано в стихотворении Эрдни Эльдышева «Теңгрт чивсн тоһруд» («Журавли, утонувшие в небе», 2022): журавли в полете сродни душам умерших на чужбине калмыков. См. фрагмент:

*Һучн һурвдгчин бар сард
Һашута гүрм Хальмгт учрх.
Төрл-саднчнь киитн Сиврт
Тоһрудт хуврэд , теңгрт чивх.*

*Көсрэ теңгрт эднэ тускар
Көвсн тоһруд һашуджэ доңһдх.*
[Эльдышев 2022: 80].

Ср. в переводе Юрия Щербакова:

А потом в декабре сорок третьего года
Все надежды развеет по ветру беда...

И родные твои там, в сибирском изгнание,
Отлетят навсегда от калмыцкой земли.
И в чужих небесах, за неведомой гранью
Прокурлычат печально о них журавли.

Ты их видишь, мой друг стародавний, сквозь слезы
В журавлях, что над морем летят не спеша.

[Эльдышев 2022: 81].

Этиологическая сказка на журавлиную тему в стихотворении Михаила Хонинова «Муурч йовад...» (1977)

Журавлиная тема в калмыцкой поэзии XX–XXI вв. представлена по-разному у многих поэтов, но не была объектом и предметом исследования за исключением нашей статьи, в которой рассмотрен образ журавля в поэзии Михаила Хонинова [Ханинова 2012: 223–229].

Этот образ присутствует как в названии сборника «Теегин шовун — тоһрун» («Журавль — птица степная», 1977), так и в стихотворениях: «Хавртнь тоһрун йовна» («Весною ходят журавли»), «Муурч йовад, тоһрун амрад...» («Устав от полета, журавль...»), «Дөрвн байр» («Четыре радости») [Ханинова 2012: 223].

Так, неизвестную ранее этиологическую сказку, почему журавли ходят по степи, поэт ввел в стихотворение «Муурч йовад, тоһрун амрад...».

Хоньна Михаил

*Муурч йовад,
тоһрун амрад,
моднд суухларн,
көлэн хуһлэж.*

Михаил Хонинов

*Усталый журавль
На дерево сел,
Не удержался,
На землю слетел.*

*Түүнэс нааран
моднас зулад,
теегин тиньгэрт
тоһрун йовдыж.*

Ноги журавль
Тогда же сломал.
С тех пор-то журавль
В степи ходить стал.

[Хоньна М. 1977: 30].

Перевод Р. М. Ханиновой.

В нашем смысловом переводе: ‘Устав летать, / Журавль, отдыхая, / Присел на дерево, / И ноги поломал. / С тех пор, / Избегая деревьев, / Журавль ходит / По степной равнине’. В контексте речь идет и о том, где гнездятся журавли: не на деревьях, а на земле. Трудно определить, народная или авторская версия такой этиологической сказки.

Заключение

Фольклорно-мифологические мотивы с участием журавля в устном творчестве монголоязычных народов являют амбивалентный образ птицы: положительные коннотации в сказках, легендах, преданиях у калмыков, отрицательные — у бурят (см. сюжетный тип «В68А. Птица наказана: пусть несет на себе другую. 29.34.36. Птицы ссорятся, и претендовавшая на высокий статус калечит слабую. За это другие велят ей нести покалеченную у себя на спине» [Березкин, Дувакин]).

Образы журавлей в калмыцкой поэзии XX–XXI вв., с одной стороны, традиционны: журавли как символы весны, степного края, моногамной семьи, сезонных перелетов, возвращения на родину, неразделенной любви, одиночества. С другой стороны, обращение к фольклорным сюжетам, в том числе к легенде о журавлином проклятии, к обрядовой поэзии, обычаям и суевериям калмыков способствует созданию мотивов одинокого журавля, его проклятия в адрес убийц, погубивших птенцов, подругу. Этиологическая сказка о гнездовании журавлей на земле, а не на деревьях передает реалии природной жизни птиц. События Великой Отечественной войны и сибирской ссылки народа повлияли на появление стихотворений, в которых журавли становятся мстите-

лями или душами умерших на чужбине людей, внося в последнем случае буддийский компонент реинкарнации.

В текстах калмыцких поэтов журавль имеет либо общее обозначение (*тоһрун*), либо наименование видов: серый журавль (*өл-маңхн*), черноголовый журавль (*хар келн тоһрун*). Поэтика заглавия акцентирует мотив одиночества: «Тоһрун» («Журавль», ед. ч.), «Һанц тоһрун» («Одинокий журавль»), «Тоһруна һундл» («Жалоба журавля»), «Живрнь тээрхэ тоһрун» («Журавль с подрезанными крыльями»), в остальных случаях множественность актуализируется мотивом потери, гибели кого-то из журавлиной стаи: «Тоһруна туск баллад» («Баллада о журавлях»), «Тенгрт чивсн тоһруд» («Журавли, утонувшие в небе»).

Русские переводы оригинальных текстов калмыцких поэтов не всегда адекватно передают заявленные мотивы, не совпадая по форме и содержанию.

Исследование журавлиной темы в калмыцкой поэзии XX–XXI вв. может быть продолжено с включением других мотивов, в том числе в фольклорном аспекте.

Источники

- Антология литературы Бурятии 2010 — Антология литературы Бурятии XX — начала XXI века. В 3-х тт. Т. 1. Поэзия / сост. Б. С. Дугаров, вступ. ст. Л. С. Дампиловой, Б. С. Дугарова. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2010. 608 с.
- Байдын С. 1991 — *Байдын С.* Нурвн жилв: шүлгүд. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1991. 154 х.
- Бембеев 1974 — *Бембеев Т.* О подрезанных крыльях // Бембеев Т. О. Пульс: стихи и поэмы / пер. с калм. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1974. С. 13–15.
- Бембеев 1988 — *Бембеев Т.* Одинокий журавль // Бембеев Т. О. Кредо: стихи и поэма. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1988. С. 58–60.
- Бембин Т. 1966 — *Бембин Т.* Живрнь тээрхэ тоһрун // Теегин герл. 1966. № 3. X. 15–16.
- Бембин Т. 1994 — *Бембин Т.* Тоһрун // Хальмг үнн. 1994. Декабрин 29. X. 4.
- Бурят-монгольские сказки 1953 — Бурят-монгольские сказки. Чита: Читинск. кн. изд-во, 1953. 166 с.

- Бурятские народные сказки 1976 — Бурятские народные сказки. Волшебство-фантастические и о животных / сост. Е. В. Баранникова, С. С. Бардаханова, В. Ш. Гунгаров. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1976. 443 с.
- Дорджиев 2008 — *Дорджиев Б. Б.* На степных просторах: избранные произведения. Элиста: Издат. дом «Герел», 2008. 814 с. На калм., рус. яз.
- К солнцу! 1969 — К солнцу! Стихи монгольских поэтов / пер. с монг. / Сост. К. Яцковская. М.: Худож. лит., 1969. 170 с.
- Монгольские сказки 1962 — Монгольские сказки / пер. с монг.; сост. Г. Михайлов. М.: ГИХЛ, 1962. 237 с.
- Сангаджиева 1984 — *Сангаджиева Б. Б.* Твоя дождинка: Поэмы, стихи / пер. с калм. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1984. 123 с.
- Саңжжин Б. 1974 — *Саңжжин Б.* Хөв шүлг белглев: сундһн шүлгүд болн поэмс. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1974. 249 х.
- Сусеев 1984 — *Сусеев А.* Һанц тоһрун // Сусеев А. Зүркнэ дун: шүлгүд болн поэм. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1984. X. 74–76.
- Хальмг туульс 1961 — Хальмг туульс. I хув / бүрдәһэчнр Саңжжин Б., Санган Л. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1961. 219 х.
- Хатуев 2021 — *Хатуев Н.* Тоһруна һундл // Хатуев Н. С. Целительный родник: Стихи, рассказы, благопожелания, легенды, пословицы, обычаи. Элиста: НПП «Джангар», 2021. X. 47.
- Хоньна М. 1977 — *Хоньна М.* Теегин шовун — тоһрун: шүлгүд болн поэмс. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1977. 73 х.
- Эльдышев 1997 — *Эльдышев Э. А.* Семь журавлей: Стихи, поэма, проза, переводы. На рус. и калм. яз. / предисл. Е. А. Буджалова. Элиста: АПП «Джангар», 1997. 496 с.
- Эльдышев 2018 — *Эльдышев Э. А.* Седой журавль: Стихи / Предисловие Л. Дампиловой. М.: Худож. лит., 2018. 400 с.
- Эльдышев 2022 — *Эльдышев Э. А.* Полынь: Стихотворения. Поэмы. М.: Ассоциация союзов писателей и издателей; Объединенное гуманитарное изд-во, 2022. 528 с. (на калм. и рус. яз.).

Литература

- Бакаева 2009 — *Бакаева Э. П.* Сакральные коды культуры калмыков. Элиста: ИКИАТ, 2009. 159 с.
- Басангова 2002 — *Басангова Т. Г.* Сказочная традиция калмыков // Басангова Т. Г. Сандаловый ларец: Калмыцкие народные сказки / сост., пер., вступ. ст. Т. Г. Басанговой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2022. С. 3–38.

- Басангова 2008 — *Басангова Т. Г.* Специфика жанра проклятий в фольклоре калмыков // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 4. С. 120–123.
- Басангова 2018 — *Басангова Т. Г.* Журавль в этнокультурной фольклорной традиции калмыков и аварцев // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. 2018. № 15. С. 115–120.
- Басангова 2019 — *Басангова Т. Г.* Журавли в фольклорной традиции калмыков // Вестник Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 2(135). С. 212–217.
- Басангова, Бурькин 2001 — *Басангова Т. Г., Бурькин А. А.* О типологическом изучении магической поэзии калмыков: калмыцко-тунгусо-маньчжурские фольклорные и этнокультурные параллели // Вестник института. Вып. 16. Элиста: АПП «Джангар», 2001. С. 53–67.
- Березкин, Дувакин — *Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог [электронный ресурс] // URL: <http://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения: 12.10.2022)
- Борджанова 2007 — *Борджанова Т. Г.* Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 592 с.
- Гура 1995 — *Гура А. В.* Журавль // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5-ти тт. Т. 2 / под ред. Н. И. Толстого. М.: Институт славяноведения РАН, 1995. С. 228–229.
- Душан 2016 — *Душан У. Д.* Избранные труды / сост. В. В. Батыров, Т. И. Шараева. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 376 с.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
- Манджикова 2007 — *Манджикова Б. Б.* Хальмг орс терминологическ толь (урһмлмудын болн мал-адусна нерэдлһн). Калмыцко-русский терминологический словарь (флора и фауна). Элиста: КИГИ РАН, 2007. 98 с. (на калм. и рус. яз.)
- Очиров 2006 — *Очиров Н.* Живая старина. / сост., вступит. ст., коммент. Б. А. Бичеева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 398 с. (на калм. и рус. яз.)
- Тягинова 2011 — *Т. С. Тягинович* амн урн үгин көрцгэс. Фольклорные записи из репертуара Т. С. Тягинович. Самозапись 2004–2010 гг. / предисл. Н. Г. Очировой, сост., коммент. Б. Б. Горяевой. Элиста: КИГИ РАН, 2011. 208 с. (на калм. и рус. яз.)
- Ханинова 2012 — *Ханинова Р. М.* Образ журавля в лирике Михаила Ханинова // III Международная научно-практическая конференция

- «Проблемы функционирования и развития языков в полилингвальном пространстве» (г. Элиста, 7–9 октября 2011 г.). Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012. С. 223–229.
- Ханинова 2019 — *Ханинова Р. М.* Баллада о войне в калмыцкой поэзии XX в. // Новый филологический вестник. 2019. № 1 (48). С. 194–206.
- Ханинова 2021 — *Ханинова Р. М.* Дихотомия «свой» — «чужой» в анималистической калмыцкой балладе // Новый филологический вестник. 2021. № 1(56). С. 380–394. DOI: 10.24411/2072-9316-2021-00029
- Ханинова 2022а — *Ханинова Р. М.* Жанр харал в лирике Аксена Сусеева // Би(поли)лингвизм и проблемы коммуникации: вызовы XXI века: Мат-лы XIV Всеросс. с междунар. участием науч.-практ. конф. (г. Пятигорск, 20–21 апреля 2022 г.) / под ред. А. М. Казиевой. Пятигорск: Пятигорский гос. ун-т, 2022. С. 90–95.
- Ханинова 2022б — *Ханинова Р. М.* Жанр харал в калмыцкой поэзии XX века // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 2. С. 418–440. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-418-440

Мотив Поезда памяти в современной калмыцкой поэзии

Римма Михайловна Ханинова¹, Эльза Гаряевна Валетова²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova@bk.ru

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
 0000-0002-6750-302X. E-mail: valetova83@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Ханинова Р. М., Валетова Э. Г., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье рассмотрен мотив Поезда памяти в современной калмыцкой поэзии. Актуальность и новизна исследования обусловлены малоизученностью темы депортации и ссылки калмыцкого народа (1943–1957) в творчестве калмыцких поэтов, в частности, мотива Поезда памяти в Сибирь в начале 1990–2000-х гг. Предмет исследования — тема личной и исторической памяти в современной калмыцкой лирике. *Цель* статьи определяется выявлением заявленного мотива в жанровой парадигме. Объектами исследования стали четыре стихотворения: «Санлын поезд йовла» («Ехал поезд памяти») Лиджи Инджиева, «Санлын поезд» («Поезд памяти») Тимофея Бембеева, «3-гч Санлын поезд» («3-й поезд Памяти») Ивана Убушаева и «Санлын поезд» («Поезд памяти») Эрдни Эльдышева. *Методы:* историко-литературный, историко-функциональный, сравнительно-сопоставительный, описательный. *Результаты.* К мотиву Поезда памяти обращались поэты разных поколений в стихотворениях и песнях. Маршруты четырех поездов связаны с Сибирью; категории прошлого и настоящего, темы исторической или личной памяти, поэтика заглавия объединяют все произведения данных авторов.

Ключевые слова: Поезд памяти, железная дорога, калмыцкая поэзия, депортация, сибирская ссылка, травматическое событие, историческая память, личная память

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Ханинова Р. М., Валетова Э. Г. Мотив Поезда памяти в современной калмыцкой поэзии // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 3. С. 171–190. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-3-23-171-190

The Train of Memory: Examining the Motif in Contemporary Kalmyk Poetry

Rimma M. Khaninova¹, Elsa G. Valetova²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin Str., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova@bk.ru

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin Str., Elista 358000, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0002-6750-302X. E-mail: valetova83@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Khaninova R. M., Valetova E. G., 2022

Abstract. Introduction. The article discusses the motif of memory trains in contemporary Kalmyk poetry. The study proves relevant and needed enough since the theme of Kalmyk Deportation (1943–1956) and subsequent exile in works of Kalmyk poets — in particular, the motif of the Train of Memory to Siberia from the early 1990s and 2000s — remains understudied. The paper focuses on individual and historical memories in contemporary Kalmyk lyrics. Goals. The article aims to identify the declared motif in the genre paradigm.

The analyzed poems include as follows: The Train of Memory Was Moving (Kalm. Санлын поезд йовла) by Lidzhi Indzhiev, The Train of Memory (Kalm. Санлын поезд) by Timofey Bembeev, The Third Train of Memory (Kalm. 3-гч Санлын поезд) by Ivan Ubushaev, and The Train of Memory (Kalm. Санлын поезд) by Erdni Eldyshev. Methods. The study employs the historical/literary, historical/functional, descriptive, and comparative research methods. Conclusions. The motif has been addressed in poems and songs by poets of different generations. The poetic texts authored by representatives of earlier generations are primarily characterized by autobiographical elements included. The routes of the four Trains are associated with Siberia, all of them being united by categories of the past and present, themes of collective or individual memory, and title poetics.

Keywords: train of memory, railway, Kalmyk poetry, deportation, Siberian exile, traumatic event, collective memory, individual memory

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490036-1 ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’.

For citation: Khaninova R. M., Valetova E. G. The Train of Memory: Examining the Motif in Contemporary Kalmyk Poetry. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022; 3: 171–190. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-3-23-171-190

Введение

28 декабря 1943 г. — трагическая дата в истории калмыцкого народа: депортация в Сибирь, Среднюю Азию, Казахстан, на Дальний Восток. «Мероприятия по выселению калмыков были спланированы по всем правилам специальной операции и исполнены строго по инструкции, утвержденной НКВД СССР еще 1 декабря 1943 года. <...> В ней указывалось, что выселению подлежат „все жители Калмыцкой автономной области по национальности калмыки“, т. е. весь народ, вовсе не причастный к сотрудничеству с немцами» [Максимов 2004: 264]. За период депортации и тринадцатилетней ссылки (1943–1957) калмыцкий народ понес тяжелые потери, перенес лишения несвободы и поражения в правах, но выжил и вернулся на родину после Указа Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 г. «Об образовании Калмыцкой

автономной области в составе РСФСР». Этот трагический период нашел отражение в трудах калмыцких исследователей [[Книги памяти 1993](#); [Книги памяти 1994](#); [Убушаев 1991](#); [Максимов 2004](#); [Авлиев, Убушаев 2014](#); [Гучинова 2021](#)].

В память о предках, а также в знак благодарности местным жителям, которые помогали ссыльнопереселенцам, в Калмыкии в разные годы были организованы Поезда памяти по инициативе первого Президента Республики Калмыкия К. Н. Илюмжинова.

В 1993 г. впервые, согласно Распоряжению Президента Республики Калмыкия К. Н. Илюмжинова «Об организации Поезда Памяти по местам депортации калмыцкого народа», был организован Поезд памяти «Калмыкия — с благодарностью сибирякам». Данная акция проходила в связи с 50-летием депортации калмыков и в целях укрепления дружбы между народами Сибири и Калмыкии, а также ознакомления сибиряков с культурой и искусством Калмыкии. Тогда более 300 жителей Калмыкии отправились по маршруту: Тюмень – Омск – Барнаул – Томск – Красноярск – Новосибирск.

Второй Поезд памяти с 450 пассажирами отправился в Барнаул в мае 2001 г.

Согласно Указу Президента Республики Калмыкия К. Н. Илюмжинова «Об организации Поезда памяти „Дети войны — дети Сибири“ по местам депортации калмыцкого народа», в мае 2002 г. третий Поезд памяти отправился в путь. Он повез на восток страны представителей среднего поколения граждан республики, родившихся в 1943–1957 гг. в местах депортации [[Боваева, Боваев 2022](#): 5].

Четвертый Поезд памяти поехал в Казахстан в октябре 2002 г. Его маршрут проходил по городам Элиста – Астрахань – Атырау – Аральск – Атырау – Элиста. Накануне отправки поезда у памятника «Исход и Возвращение» (скульптор Эрнст Неизвестный) состоялся торжественный митинг, посвященный этому событию [[Темина 2002](#): 1].

В ноябре 2013 г. по инициативе ветеранов, живших в годы ссылки в Ханты-Мансийском автономном округе, отправился пя-

тый по счету Поезд памяти, посвященный 70-летию депортации калмыцкого народа. Поезд побывал в тех местах, куда были сосланы более 6 000 калмыков, трудившихся на родине в рыболовецких хозяйствах.

Первому и третьему Поездам были посвящены документальные книги «Дорогой памяти» А. Б. Панькина и В. Б. Папуева [Панькин, Папуев 1994], «Чтобы помнили. „Поезд памяти»-3“» В. У. Боваевой и В. Э. Боваева [Боваева, Боваев 2022] и сборник «Память сердца (воспоминания участников Поезда памяти „Дети войны — дети Сибири (1943–1957 гг.)“» [Память сердца 2002]. Авторы книги «Дорогой памяти» через воспоминания участников поезда показали «жизнь нашего старшего поколения, у которого там прошли юные, молодые годы» [Панькин, Папуев 1994: 3]. По мнению авторов, «Поезд Памяти стал настоящим Поездом Дружбы между народом Калмыкии и сибиряками, помогшими пережить те трудные и страшные годы» [Панькин, Папуев 1994: 3]. В книге «Чтобы помнили...» журналисты В. У. Боваева и В. Э. Боваев стремились «устаами самих участников „Поезда памяти“ передать их впечатления от встреч на сибирской земле» [Боваева, Боваев 2022: 6]. Книга «Память сердца» представляет собой сборник воспоминаний о сибирском детстве и о поездке по сибирским городам участников Поезда памяти «Дети войны — дети Сибири (1943–1957 гг.)» [Память сердца 2002].

По мнению Э.-Б. М. Гучиновой, «Поезда памяти можно отнести к нерелигиозному паломничеству — паломничеству к корням, поскольку „они в определенном смысле обращены на преобразование внутреннего мира участника через телесные практики перемещения и позволяют в некоторой степени отождествить себя“ <...> с воображаемыми персонажами коммеморируемых исторических событий. Как и после паломничества, люди возвращались домой иными, нежели уезжали. Эти мобильные путешествия в прошлое с целью пережить и пересмотреть травмирующий депортационный опыт стали психологической терапией самого калмыцкого общества, которому они были необходимы. Поезда памяти помогли оценить историю депортации, дав людям возможность увидеть в

прошлом немало позитивного, примириться с ним. Такая оценка прошлого совпадает и с буддийскими подходами к пережитым трагедиям» [Гучинова 2021: 125].

Тема депортации и ссылки калмыцкого народа нашла отражение в калмыцкой литературе второй половины XX в. – начала XXI в.: вначале в условиях цензуры «в стол» (т. е. без возможности публикации в 1940-х – начале 1950-х гг.), затем в период «оттепели» (середина 1950 – середина 1960-х гг.) — в контексте изданных произведений, наконец, во время «перестройки» (середина 1980-х – 1990-е гг.) — более открыто, но с учетом определенных знаний по истории прошлых лет, закрытых еще архивов и не обнародованных документов. Новый век внес свои коррективы в художественное осмысление писателями трагических страниц истории репрессированных, а позднее реабилитированных народов России. Так, в частности, появилась возможность обратиться к теме сегодняшнего посещения калмыками мест отбывания ссылки в период сталинских репрессий, к теме исторической правды, памяти и справедливости.

Четыре стихотворения, адресованные мотиву Поезда памяти, написаны поэтами разных поколений: «Санлын поезд йовла» («Ехал поезд памяти») Л. И. Инджиева, «Санлын поезд» («Поезд памяти») Тимофея Бембеева, «3-гч Санлын поезд» («3-й поезд Памяти») Ивана Убушаева и «Санлын поезд» («Поезд памяти») Эрдни Эльдышева.

«Санлын поезд йовла» («Ехал поезд памяти», 1994) Лиджи Инджиева: варианты стихотворения

Одним из первых к мотиву Поезда памяти обратился народный поэт Калмыкии Лиджи Очирович Инджиев (1913–1995). В годы войны он служил в 63-м стрелковом полку Сталинградского фронта, работал секретарем, корреспондентом в редакции газеты, принимал участие в боях за Северный Кавказ. В апреле 1944 г. он был демобилизован из действующей армии по «национальному признаку». В годы сибирской ссылки работал на Алтайском трактор-

ном заводе имени М. Калинина управляющим делами, планистом, экономистом.

Вернувшись на родину, позднее, в январе 1994 г., Лиджи Инджиев создал стихотворение «Санлын поезд йовла» («Ехал поезд памяти»), опубликованное в том же году в журнале «Теегин герл» («Свет в степи») [Инжин Л. 1994а]. Газетный вариант стихотворения под несколько измененным названием «Санлын поезд йовла, Сиврин аһуһар шуугла...» («Ехал поезд памяти, на сибирских просторах грохотал...») появился на странице республиканской газеты «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда») 17 апреля того же года [Инжин Л. 1994б].

Чем же вызвано повторное обращение автора спустя несколько месяцев к исходному произведению?

Проанализируем первый вариант.

Большое по объему стихотворение состоит из 36 неравномерных строф: 213 строк без заглавия и рамы произведения. Оно посвящено первому «Поезду памяти», который 15 ноября 1993 г., через пятьдесят лет после трагической депортации калмыцкого народа из родных мест в восточные районы страны, отправился по городам Сибири.

Стихотворение открывается картиной поезда, выехавшего из Элисты, теперь мчащегося по заснеженным сибирским просторам. Лирический герой едет в вагоне и заново переживает прошлое: *Дөчн һурвдгч жһил / Дәкн-дәкн сангдна / Арвн һурвн жһилд / Алгдцхасна тонь тодлгдна* ‘Сорок третий год часто вспоминается на протяжении тринадцати лет’¹ [Инжин Л. 1994а: 9]. Сибирские топонимы городов указывают географический маршрут Поезда памяти — например, Красноярск, Новосибирск: *Красноярск балһснд / Күрәд, хәрү һарла* ‘Приехав в город Красноярск, [поезд] выехал вновь’; *Новосибирскин оперин театр / Нарар дүүрч герлтн* ‘Новосибирский оперный театр солнечным светом наполнен’ [Инжин Л. 1994а: 9].

¹ Здесь и далее наш смысловой перевод. — Р. Х., Э. В.

Автобиографический компонент проявляется и в воспоминании поэта о маме: *Харһнлтас үрдэн харсад / Хээртэ экм дээлдлэ, / Үклин өмнэс босад / Үрдэн эмд үлдэлэ* ‘Спасая своих детей от голода, любимая моя мама боролась со смертью, и ее дети остались живы’ [Инжин Л. 1994а: 9].

Среди пассажиров поезда — калмыцкие артисты и буддийский священник: *Хальмг дуд доңдла, / Халун биичнр тавшла. Хальмг шажин ламнь / Хамгин түрүнд залрна, / Зуңкаван гегэнэ зокалар / Зул энд өргдөнэ* ‘Калмыцкие песни звучали, разгоряченные танцоры танцевали. Калмыцкий лама впереди всех, по правилам Зункавы², зажигает здесь лампадки’ [Инжин Л. 1994а: 9]. Эти детали передают перемены: товарный поезд смерти ушел в прошлое, теперь это поезд радости, возрожденной веры предков, огонь лампадок, зажженных на сибирских могилах родственников, символизирует преемственность жизни.

Поэт отмечает обоюдную радость гостей и хозяев: *Сиврихн оларн тосихана, / Эвртэ байсврт тохрацхана* ‘Все сибиряки встречают, очень радуются встрече’; *Халун йөрэлин үгмүд / Хальмг делегацд амгдна* ‘Теплые благопожелания говорят они калмыцкой делегации’ [Инжин Л. 1994а: 8]. Восхищаясь культурой и искусством калмыков, давших концерты на сценических площадках, сибиряки потрясены несправедливостью: *Иим сэхн улсиг / Иосиф чилэхэр седсми?!..* ‘Таких прекрасных людей Иосиф хотел истребить?!’ [Инжин Л. 1994а: 10]. Так в конце стихотворения появляется имя государственного человека — И. В. Сталина, виновника геноцида в отношении народов страны.

Динамика движения поезда являет параллелизм движению мыслей и чувств пассажиров: старшее поколение вспоминает годы ссылки, младшее, родившееся здесь, — свое детство.

Если вначале автор передал общие чувства пассажиров поезда, то потом — чувства конкретных людей, например Дорджи Хусеева и Надежды Дарваковой. Так, Дорджи Хусеев из Кетченер поведал о том, как его бедная мама, приехав сюда, умерла, потом всех друг

² *Зуңква* (калм.) — Цзонхава Лобзанг-дракпа (1357–1419), тибетский средневековый религиозный деятель, основатель школы гелуг.

за другом смерть забрала: *Көтчнрэхнэс Хүүсэн Доржэ / Килэстэ санвран цээлһнэ. / Эңкр экм, көөркм / Энд ирлһнлэ өңгрлэ, / Дарунь манахс дундас / Даралдэж хорлһн эклэ* [Инжин Л. 1994а: 8]. Надежда Дарвакова рассказала, что из ее большой семьи половина умерла здесь, оставшись навеки в Сибири: *Мана ик бүлин / Өрэлһн энд өңгрлэ, / Мөңкинд Сиврт үдлэ*, она произнесла йорял (благопожелание), чтобы родня возродилась в лучшем мире: *Сээни орнд төртхэ!..* [Инжин Л. 1994а: 8].

...Сиврин көдэст оршагдихасн
 Гарлцсн улснь сангдихана.
 Санврт теднь амдрцхэнэ,
 Нашута жылмуд тодрцхана...

...Похороненные в сибирских степях
 Родители вспоминаются.
 В мыслях те оживают,
 Горькие годы становятся явью.

Сиврин цага үрд
 Сахньсн дүртэ йовцхана,
 Төрсн, боожсн һазртан,
 Тенд оршагдихасн эврэкстэн
 Күрч золһх, мөргх
 Кусл тееж ухалцхана...

Дети сибирского времени
 Едут с внутренней тревогой
 Туда, где они родились,
 Чтобы похороненную там родню
 Навестить, помолиться,
 Стремятся они в думах...

[Инжин Л. 1994а: 8].

Но жизнь продолжается, стук колес поезда соединяется с танцевальным ритмом товшура: «*Вагона төгэсин тоңшурла, / Биичнрин тавшур нишлнэ*» [Инжин Л. 1994а: 8]. Лексической анафорой акцентировано общее единение людей: *Вагон болһнд хамц дулдан / Вагон болһнд хальгэж бишлдэн 'В каждом вагоне совместное пение, / В каждом вагоне радостные танцы'* [Инжин Л. 1994а: 8].

Автор сравнил быстро мчащийся по рельсам поезд из Республики Калмыкии с эпическим быстроногим Аранзалом, конем богатыря Джангара: *Хальмг Таңһчин поезд / Хаалһарн өлкэд йовна, / Арнзл мет хурдар / Адһэж довтлсн болна* [Инжин Л. 1994а: 8]. Уточнение, подчеркивающее, откуда вышел поезд (*Хальмг*

Таңһч — Республика Калмыкия), указывает на восстановление исторической справедливости в отношении репрессированного народа: в декабре 1943 г. Калмыцкая АССР была ликвидирована, территория поделена между соседними регионами, а в мае 1944 г. Элиста была переименована в город Степной [Республика Калмыкия 2019: 495]. Сравнение современного транспорта с Аранзалом отсылает к калмыцкому героическому эпосу «Джангар», к духовному сокровищу предков, сохраненному сквозь века и трагедии.

Различные эпитеты передают эмоциональное напряжение произведения. Например, *дүмбр айсмуд* ‘величавые мелодии’, *килэстэ санвр* ‘душевные переживания’, *күчр цаг* ‘трудное время’, *халун йөрэлин үгмүд* ‘горячие слова благопожелания’, *ханлтын седкл* ‘благодарная душа’, *эвртэ байсвр* ‘огромная радость’, *хальмг хаишта дуд* ‘калмыцкие горестные песни’. Упоминание в тексте о калмыцких горестных песнях связано с народными песнями о депортации и ссылке: «Декабрь сарин киитн» («Холод в декабре»), «Сиврин салькн» («Сибирский ветер»), «Хальмгуд киитн Сиврт» («Калмыки в холодной Сибири»), «Улан ширтэ вагон» («Красный вагон») и др. См.: [Төрскн һазрин дуд 1989; Биткеев 2005; и др.].

В конце стихотворения Л. О. Инджиева историческая память людей начинает приобретать материальные контуры: *Бэрэнд хорсн олн хальмгудт / Бумб Сиврт босхх тоовр* ‘Всем калмыкам, погибшим в неволе, решили установить памятник в Сибири’ [Инжин Л. 1994а: 10].

Вернувшиеся из поездки пассажиры Поезда памяти делятся своими размышлениями и впечатлениями, выражая веру и надежду: *Келн-эмтс иньглэж бээлһиг / Кень болв чигн үнлүхэнэ* ‘Для каждого истина — все народы должны жить в дружбе’ [Инжин Л. 1994а: 10].

Помимо названия, в стихотворении ключевые слова «поезд памяти» даются один раз (*Хальмг санлын поезд* — ‘Калмыцкий поезд памяти’).

Второй текст газетного варианта Лиджи Инджиева «Санлын поезд йовла, Сиврин аһуһар шуугла...» («Ехал поезд памяти, на

сибирских просторах грохотал...»), в целом сохраняя основное содержание, отличается некоторыми формальными особенностями: те же неравномерные строфы теперь обозначены римскими числами, часть строф разделена по смысловому принципу.

Заглавие произведения расширено, заканчивается многоточием: «*Санлын поезд йовла, Сиврин аһуһар шуугла...*» ‘Ехал поезд памяти, по сибирским просторам грохотал...’. Во-первых, знак многоточия передает пространственные координаты движения железнодорожного транспорта, размышления и чувства пассажиров, во-вторых, как бы предвосхищает расписание последующих Поездов памяти из Калмыкии.

Некоторые стилистические правки автором вводятся в отдельные строки текста. Так, в строках *Эңкр эврэкснь хорж салцхасиг / Эндр санж хальмгуд атына* [Инжин Л. 1994б: 3] он изменил глагол *атына* ‘быть невеселым, хмурым’ на глагол *һундрхна* ‘печалются’: *Эңкр эврэкснь хорж салцхасиг / Эндр санж хальмгуд һундрхна* ‘Вспоминая о своих дорогих близких людях, собранных вместе, а затем разъединенных, калмыки печалются’ [Инжин Л. 1994б: 3]. Речь идет о депортации и местах расселения, когда людей конвоировали на железнодорожную станцию, чтобы отправить в ссылку, а по прибытии развезли по разным местам и краям поселений.

Заканчивается стихотворение шестистишием, которого нет в журнальном варианте: *Цаарандан чигн шигэд, / Цүүгэн, зеткр угаһар, / Эмтнэ амулц делгертхэ, / Эрүн төвкнү иртхэ! — / Гисн бурхни дуудвар / Гер болһнд зальврцхана* ‘В дальнейшем также / Без ссор и несчастий / Пусть благоденствие людей увеличивается, / Светлый мир пусть настанет! — / По призывам Бурханов / Молятся в каждом доме’ [Инжин Л. 1994б: 3]. Здесь использована фольклорная традиция йоряла-благопожелания.

В посмертное издание поэтического сборника Л. О. Инджиева «Санан» («Размышления», 2005) составителем Э. Эльдышевым был включен без изменений журнальный вариант стихотворения «Санлын поезд йовла» [Инжин Л. 2005: 47–53].

«Санлын поезд» («Поезд памяти», 2001) Тимофея Бембеева и «3-гч Санлын поезд» («3-й поезд Памяти», 2002): стихотворения в жанре песни

Если Л. О. Инджиев был поэтом старшего поколения, которого сняли с фронта и отправили в ссылку, то народный писатель Калмыкии Тимофей Отельданович Бембеев (1930–2003) тринадцатилетним мальчиком в 1943 г. был сослан с семьей в Омскую область Сибири. С 14 лет начал трудовую деятельность разнорабочим, учетчиком, бухгалтером в одном из совхозов Ульяновского района Омской области. Рожденный в Калмыкии, выросший в Сибири, он рассказал о том времени в прозе и лирике.

В мае 2001 г., когда был организован второй Поезд памяти, поэт создал в жанре песни «Санлын поезд» («Поезд памяти») [Бембин Т. 2001]. Музыка написал поэт и композитор-мелодист Андрей Баерхаевич Эрдниев (1935–2015), также с семьей в возрасте 8 лет сосланный в 1943 г. в Сибирь. Как и Лиджи Инджиев, Тимофей Бембеев в силу возраста не смог принять участие в этой поездке.

Первая публикация «Санлын поезд» в виде песни с нотами появилась на страницах газеты «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда») 11 мая 2001 г. [Бембин Т. 2001: 6–7] с предисловием А. Б. Эрдниева [Эрдниев 2001: 6], т. е. накануне отправления поезда 20 мая.

В песенном сборнике А. Б. Эрдниева «Санлын поезд» был опубликован в 2015 г. [Бембин Т. 2015].

Газетный вариант отличается частичной лестничной структурой в первом, втором и третьем куплетах, а также в припеве; в книжном варианте этой «лесенки» уже нет. Вопреки правилам рамки произведения здесь посвящение помещено не в начале, а в конце текста: *2001 жилд Сиврин балһсдур «Санлын поезд» харч йовснд нерэдсн дун* ‘Песня посвящается «Поезду памяти», отправившемуся в 2001 году по сибирским городам’.

Стихотворение Т. О. Бембеева состоит из четырех строф с припевом. Текст написан от первого лица: *үзлэв* ‘видел’, *оржсанав* ‘еду’, *байртав* ‘радуюсь’. Т. О. Бембеев вспоминает проклятое время: *Хар мөртэ дээнэс көлтэ / Харалта үүл учрв. / Хальмг болһиц*

басл хаишта / Хавшулад тууһад һарвела ‘Из-за военной беды проклятое деяние случилось, каждого калмыка, зажав, выслали’ [Бембин Т. 2015: 149]. Он стал свидетелем того, как калмыки умирали: *Үкэд, тасрад тайгад хавишж / Үздм болхинь үзлэв-ла* ‘Умирающих, оторванных [от родины], рассеяли в тайге, я это все видел’ [Бембин Т. 2015: 150]. Но настало время, когда калмыцкий народ вернулся в родной край, став хозяином степи. В припеве четырежды повторяются ключевые слова: *Санлын поезд, Санлын поезд* ‘Поезд Памяти, поезд Памяти’, при этом поезд написан со строчной буквы, а Память — с заглавной. В контексте прошлого звучит напоминание о том, что сейчас не надо бояться, остерегаться сибирского поезда (*Саглх, эх угала*), тем не менее, внутренняя тревога не отпускает людей (*Сахньж хальмгуд йовнала*) [Бембин Т. 2015: 149], и поэт понимает их состояние. Травматический опыт депортации и ссылки не изгладим в личной и коллективной памяти старшего и среднего поколения. Поэтому именно в припеве, с одной стороны, он успокаивает земляков, а с другой — разделяет их чувства, объединенные тревожными воспоминаниями.

В отличие от стихотворения Тимофея Бембеева, ставшего песней при помощи Андрея Эрдниева, произведение Ивана Убушаевича Убушаева, народного поэта Калмыкии и композитора-мелодиста, сразу являет синтез слова и музыки. Он относится к поколению, родившему в ссылке в 1953 г. в сибирском селе Чистюнька Алтайского края.

В 2002 г. поэт в числе 500 пассажиров, родившихся в Сибири, принял участие в поездке третьего Поезда памяти. По определению Э.-Б. М. Гучиновой, «Их можно назвать „поколением полтора“: они не относятся ни к „поколению 1“, представители которого были депортированы, ни к „поколению 2“, которое родилось после возвращения. Называя их „поколением полтора“, я имею в виду, что они родились за Уралом, имели личный опыт жизни в статусе спецпереселенцев, но все-таки не испытали тех трудностей, которые достались на долю их родителей» [Гучинова 2021: 124].

Иную возрастную классификацию предлагает литературовед Р. М. Ханинова: 1) старшее поколение, отбывавшее ссылку,

2) среднее поколение, родившееся в ссылке, 3) младшее поколение, не знавшее ссылки.

Будучи в дороге, И. У. Убушаев написал песню «3-гч Санлын поезд» («3-й поезд Памяти») [Убушаев 2002: 68] и вместе с пассажирами разучивал ее в поезде.

В заглавии произведения указано, каким по счету был поезд — третьим. В раму текста вошли дата и место написания: 21–22 мая 2002 г. Тюмень – Омск. Стихотворение структурировано непривычно: включает как собственно калмыцкий текст из трех строф-четверостиший, так и авторский перевод двух первых строф. При этом третья строфа на калмыцком языке заключает русский перевод.

Если песня Тимофея Бембеева написана от первого лица, несмотря на то, что сам автор не был в поезде, то песня Ивана Убушаева, наоборот, написана от лица всех пассажиров. Первая строфа передает общие ожидания будущей встречи с сибирской землей, где родились калмыки, теперь уже седовласые:

«Санлын поезд» хурдлна.

Сиврур мадниг кургнэ.

Буурл үстэ күүкд-көвүд

Һарси һазран кулэнэ.

[Убушаев 2002: 68]

Здесь, в отличие от других изученных текстов, название поезда взято в кавычки, но также подчеркнута скорость транспорта, вызывая по ассоциации железнодорожный маршрут депортации, занявший обычно две недели. Не кончаются дорожные разговоры, не забываются далекие времена, тоскливые песни сердце переполняют. В последнем четверостишии поезд прибыл в Сибирь, пожилые люди приветствуют землю, где они родились. Здесь мотив коллективной памяти, смягченной фактом рождения этого поколения в Сибири, короткого детства. Об этом времени рассказал поэт журналистам, вернувшись из поездки, побывав и в деревне

Чистюнька, встретившись с ее жителями, совершив поминальный обряд на могилах родственников: зажег лампадку, помолился, насыпал горсть земли с родины, а горсть сибирской земли привез в Калмыкию, он также поведал обо всем своей 91-летней матери, Валентине Оросовне, ожидавшей его дома [Надбитова 2002: 3; Хейчиева 2002: 5].

В рассказе поэта о поминальном обряде отразились, во-первых, как архаические верования, согласно которым возможна взаимосвязь живых с душами умерших сородичей, которые оказывают постоянное покровительство на сакральном уровне, так и буддийские представления [Шараева 2011: 199], во-вторых, влияние инонационального поминального обряда (посыпание принесенной горсти родной земли на могилу). Кроме того, здесь и взятие горсти земли с этой могилы, что, как правило, делать нельзя в любом поминальном обряде: уносить что-либо с кладбища, иначе можно навлечь беду. Такое смешение элементов поминальных обрядов, характерных для советского времени, в данном случае являет, вероятно, символическое единение ушедших людей с живыми на родине, поскольку оно относилось, скорее, к пожилому поколению, родившемуся в Калмыкии, как бы его символическое возвращение и успокоение.

Ср. в стихотворении Э. А. Эльдышева «Санлын поезд» («Поезд памяти») желание пассажиров спустя десятки лет найти могилы родственников в сибирских местах проживания, положить горсть родной земли.

Включение русского перевода в текст произведения И. У. Убушаева определено авторским замыслом — соединить два в одном: оригинал и перевод, чтобы песня была понятна всем читателям и слушателям, не владеющим калмыцким языком. Нетрудно заметить, что перевод несколько разнится с оригиналом, не совпадая по содержанию и форме, по стихотворному размеру и ритму. Это, на наш взгляд, неудачный опыт воплощения авторской задачи.

«Санлын поезд» («Поезд памяти», 2021) Эрдни Эльдышева: время и память

По сравнению с другими авторами рассмотренных произведений, народный поэт Калмыкии Эрдни Эльдышев относится к младшему поколению: родился в Калмыцкой АССР, в пос. Яшкуль в 1959 г. Но, как в каждой калмыцкой семье, были высланы в Сибирь в 1943 г. и его родители, родственники. Поэтому стихотворение «Санлын поезд» («Поезд памяти») закономерно появилось в творчестве поэта. Дату написания автор не отметил после текста; по его словам, произведение создано в 2021 г. На русский язык переведено астраханским поэтом-переводчиком Юрием Щербаковым. Параллельные тексты произведения вошли в книгу Э. А. Эльдышева «Полынь», изданную в Москве в 2022 г. Отдельная публикация русского перевода дана в журнале «Теегин герл» в этом же году [Эльдышев 2022в: 18].

Стихотворение, состоящее из шести катренов, начинается с описания несущегося с ревом по сибирской железной дороге поезда, в котором старики вспоминают свои трудные молодые годы.

Пассажиры Поезда памяти едут, чтобы найти могилы своих предков, положить горсть родной земли: *Эднэ үкэрнь олж чадхнь, / Эңкр һазрин атхц тэвхнь* [Эльдышев 2022: 96]. Ср. в переводе Ю. Щербакова: «Отыскать бы на горькой земле дорогие могилы, / Чтоб с молитвой посыпать родною калмыцкой землей» [Эльдышев 2022б: 97].

Летит поезд, и по следам проклятых лет тянется чернеющая тень: *...поезд жѣснэ. / Харалта жѣлмүдин мөр мөрдж, / Харлсн суудр энуг дахна* [Эльдышев 2022а: 97]. У переводчика проклятые годы заменены горестными днями, что не одно и то же, учитывая жанр *харал* («проклятие»), которым определяют калмыки этот трагический период в истории народа. Тень тех лет не исчезла и сегодня, те страдания никогда не забудутся.

Но для выживших калмыков не сотрется никогда в памяти и добродетель русских людей: *Болв үклэс аврж һарһсн / Буйнч орс-мудын седкл билриго* [Эльдышев 2022а: 97].

В последнем четверостишии прием ретроспекции с воссозданием картины депортации калмыцкого народа (год выселения, время года, солдаты с ружьями затолкали несчастных калмыков в вагоны для скота и отправили) связывает прошлое с настоящим и в метафизическом плане, ввергая в давний холод: *Дөчн һурвдгчин үвл одачн / Даарулад, көл зоваж шарклна. / Муульта хальмгиг бууһар түлкэд, / Малын вагонд ачад йовулла* ‘Зима сорок третьего до сих пор / Морозит, ломит суставы ног. / Несчастных калмыков, ружьями толкая, / В вагонах для скота повезли’ [Эльдышев 2022а: 96].

Ср. в переводе Ю. Щербакова: «Студит кровь до сих пор та зима сорок третьего года, / Я потомок тех ссыльных, согреться никак не могу — / Там, в телячьих вагонах священную память народа / Под конвоем увозят на муки изгнания в тайгу...» [Эльдешев 2022б: 97]. Перевод дополнен отсутствующими в оригинале деталями: «ссыльные», «телячьи вагоны», «тайга». Если у автора безличное обозначение рассказчика, то в переводе авторское «я» актуализировано («Я потомок тех ссыльных»), включая механизм личной памяти, на самом деле объективно отсутствующий.

Заключение

У многих калмыцких поэтов тема депортации, ссылки и возвращения нашла отражение не в одном произведении, в том числе и у данных авторов. В статье заданный ракурс — мотив Поезда памяти — определил выбор избранных стихотворений четырех поэтов разных поколений: старшего, среднего и младшего. Первым к указанному мотиву обратился Лиджи Инджиев в конце прошлого столетия, создав два варианта стихотворения «Санлын поезд йовла» («Ехал поезд памяти», 1994). Следующие три стихотворения появились в новом веке: «Санлын поезд» («Поезд памяти») Тимофея Бембева, «3-гч Санлын поезд» («3-й поезд Памяти») Ивана Убушаева и «Санлын поезд» («Поезд памяти») Эрдни Эльдышева. Жанр песни объединил тексты Т. О. Бембева и И. У. Убушаева. Первому поезду адресовано стихотворение Л. О. Инджиева, второму поезду — песня Т. О. Бембева, третье-

му поезду — песня И. У. Убушаева. Стихотворение Э. А. Эльдышева не имеет четкой адресации конкретного поезда Памяти. Из всех авторов участником поездки стал только И. У. Убушаев. Тем не менее автобиографический компонент присутствует почти в каждом тексте: Л. Инджиев с фронта был отправлен в ссылку, Т. О. Бембеев был выселен подростком, И. У. Убушаев родился на исходе ссылки, Э. А. Эльдышев прямо не связан с этим периодом, но его семья находилась в ссылке. Все произведения объединяет мотив Поезда памяти, начиная с названия, транспортного средства (поезд), географического маршрута (Сибирь), лейтмотива личной и исторической памяти, благодарности местным жителям-сибирякам в условиях выживания калмыков на чужбине, заканчивая детализированием. Прошлое и настоящее представлено разными приемами: линейное повествование, ретроспекция, элементы харала (проклятия) и йоряла (благопожелания), образы зимы, холода, тени, человека с ружьем. Структура произведения различна: большое стихотворение в двух вариантах, небольшое стихотворение, песня с припевом, песня в синтезе с русским переводом. Рама присутствует не во всех текстах (дата и время создания, посвящение). Все поэты соблюдают традиции национального стихосложения (анафора, аллитерация и т. д.), актуализируют ключевые слова «Санлын поезд» («Поезд памяти»), утверждают веру в историческую справедливость, чтобы передать правду потомкам, смягчить коллективную память о травматических событиях прошлого столетия.

Источники

- Бембин Т. 2001 — *Бембин Т.* Санлын поезд // Хальмг үнн. 2001. Майн 11. X. 6–7.
- Бембин Т. 2015 — *Бембин Т.* Санлын поезд // Эрднин А. Теегт дуудм күнжнн! : сунһсн дуудын хураңһу. Элст: НПП «Джангар», 2015. X. 149–150.
- Инжин Л. 1994а — *Инжин Л.* Санлын поезд йовла // Теегин герл. 1994. № 2. X. 8–10.
- Инжин Л. 1994б — *Инжин Л.* Санлын поезд йовла, Сиврин аһуһар шуугла... // Хальмг үнн. 1994. Мөрн сарин 17. X. 3.

- Инжин Л. 2005 — *Инжин Л.* Санлын поезд йовла // Инжин Л. Санан: шүлгүд болн орчуулһс. Элст: Хальмг дегтр нарһач, 2005. X. 47–53.
- Төрскн һазрин дуд 1989 — Төрскн һазрин дуд / сост. Б. Б. Оконов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1989. 318 х.
- Убушаев 2002 — *Убушаев И.* 3-гч Санлын поезд // Убушаев И. От души: стихи, магталы и песенные переводы на калмыцком и русском языках. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 68.
- Эльдышев 2022а — *Эльдышев Э.* Санлын поезд // Эльдышев Э. А. Польшь: Стихотворения. Поэмы. М.: Ассоциация союзов писателей и издателей; Объединенное гуманитарное издательство, 2022. С. 96.
- Эльдышев 2022б — *Эльдышев Э.* Поезд памяти // Эльдышев Э. А. Польшь: Стихотворения. Поэмы. М.: Ассоциация союзов писателей и издателей; Объединенное гуманитарное издательство, 2022. С. 97.
- Эльдышев 2022в — *Эльдышев Э.* Поезд памяти // Теегин герл. 2022. № 5. С. 18.

Литература

- Авлиев, Убушаев 2014 — *Авлиев В. Н., Убушаев В. Б.* Депортация калмыков по опубликованным источникам // Вестник Калмыцкого университета. 2014. № 4. С. 6–12.
- Биткеев 2005 — *Биткеев Н. Ц.* Калмыцкий песенный фольклор. Элиста: АПП «Джангар» 2005. 214 с.
- Боваева, Боваев 2022 — *Боваева В., Боваев В.* Чтобы помнили. «Поезд памяти»-3. Элиста: АПП «Джангар», 2022. 112 с.
- Гучинова 2021 — *Гучинова Э.-Б. М.* Представляя депортацию калмыков: от Поездов памяти к медиапроектам // Шаги / Steps. 2021. Т. 7. № 1. С. 117–135.
- Книга памяти 1993 — Книга памяти ссылки калмыцкого народа: сб. документов и материалов / сост. П. Д. Бакаев и др.; вступ. ст. В. Б. Убушаева и др. Т. 1. Кн. 1: Ссылка калмыков: как это было. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 262 с.
- Книга памяти 1994 — Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 3, кн. 2: Широкестрой: Широклаг: сб. воспоминаний воинов-калмыков, участников строительства Широковской ГЭС / сост. Р. В. Неяченко; Предисл. М. П. Иванова. Элиста: АПП «Джангар», 1994. 183 с.
- Максимов 2004 — *Максимов К. Н.* Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы. М.: Наука, 2004. 311 с.
- Надбитова 2002 — *Надбитова И.* В детство выстроенный мост // Хальмг үнн. 2002. 5 июля. С. 3.

- Память сердца 2002 — *Память сердца. Воспоминания участников Поезда памяти «Дети войны — дети Сибири (1943–1957 гг.)»* / под ред. К. Н. Илюмжинова. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 352 с.
- Панькин, Папуев 1994 — *Панькин А., Папуев В.* Дорогой Памяти. Элиста: АПП «Джангар», 1994. 92 с.
- Республика Калмыкия. Административно-территориальное деление. 1918–2017 гг. Справочник. Элиста: КалМНЦ РАН, 2019. 908 с.
- Темина 2002 — *Темина М.* «Поезд памяти» отправился в Казахстан // Экономика и жизнь. 2002. 4 октября. С. 1.
- Убушаев 1991 — *Убушаев В. Б.* Калмыки: выселение и возвращение. 1943–1957 гг. Элиста: Санан, 1991. 94 с.
- Хейчиева 2002 — *Хейчиева Г.* Край сибирского детства-3 // Хальмг үнн. 2002. 25 июня. С. 5.
- Шараева 2011 — *Шараева Т. И.* Обряды жизненного цикла калмыков (XIX – нач. XXI в.). Элиста: НПП «Джангар», 2011. 223 с.
- Эрднин А. 2001 — *Эрднин А.* «Санлын поезд» // Хальмг үнн. 2001. Май-ин 11. X. 6.

Неравномерность развития аграрной отрасли в современной Калмыкии: результаты и перспективы

Людмила Васильевна Намруева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0001-7805-8710. E-mail: lnamrueva@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Намруева Л. В., 2022

Аннотация. *Введение.* Аграрная отрасль является приоритетной отраслью экономики Калмыкии. От ее состояния зависят экономическая, социальная сферы республики. *Целью* исследования является выявление динамики и факторов изменения неравномерности аграрной отрасли в современной Калмыкии. *Материалы.* Для реализации поставленной цели проанализированы статистические данные, характеризующие современные социально-экономические процессы в республике, а также научная литература о текущем состоянии экономики региона. *Результаты.* Ключевыми факторами неравномерности социально-экономического развития Республики Калмыкия являются слабо диверсифицированная отраслевая структура экономики, которая характеризуется ярко выраженной аграрной направленностью, ухудшение социально-демографических показателей (уменьшение численности населения, низкий уровень заработной платы, доходов населения, активная миграция за пределы республики). В силу этих причин Калмыкия отнесена к числу кризисных регионов, развитие отраслей которой нуждается в государственной поддержке. Одним из последствий неравномерности экономики региона является бедность, преодоление которой идет весьма медленно. Неравномерное развитие главной отрасли региона обусловлено как природно-климатическими, экономическими факторами (ликвидация в 1990-е гг. крупных сельхозпредприятий, локальное внедрение эффективных средств и технологий сельхозпроизводства), так и демографическими факторами (активная миграция, опустение сел).

Ключевые слова: неравномерность, асимметричность региональной экономики, статистические показатели, мнение экспертов, безработица, низкий уровень доходов населения, аграрная отрасль, животноводство, кормопроизводство

Благодарность. Исследование проведено в рамках госзадания «Асимметрично развивающиеся территории перед традиционными и новыми вызовами: исследование динамики социально-экономических процессов и изменчивости экологической ситуации» (номер госрегистрации: 122022700133-9).

Для цитирования: Намруева Л. В. Неравномерность развития аграрной отрасли в современной Калмыкии: результаты и перспективы // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 3. С. 191–202. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-3-23-191-202

Agricultural Development Asymmetries in Contemporary Kalmykia: Results and Prospects

Ludmila V. Namrueva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin Str., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Sociology), Senior Research Associate

 0000-0001-7805-8710. E-mail: lnamrueva@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Namrueva L. V., 2022

Abstract. *Introduction.* Agriculture is a priority sector of Kalmykia's economy. Both the economic and social spheres of the Republic depend on its actual conditions. *Goals.* The study aims to identify the dynamics and factors of change for asymmetries in the agricultural sector of present-day Kalmykia. *Materials.* To facilitate this, the paper analyzes statistical data characterizing modern socioeconomic processes in the Republic, reviews scientific publications examining the current state of the region's economy. *Results.* The key factors of Kalmykia's socioeconomic development asymmetries are the poorly diversified economic structure characterized by a pronounced agricultural orientation, deterioration of sociodemographic indicators (population decline, low wages and incomes, active migration outside the Republic). For these

reasons, Kalmykia is classified as a crisis region, since any development of its industries needs government support. The region's economic asymmetries also lead to poverty, and the undertaken efforts aimed at its reduction have somewhat very slow-paced effects. The development asymmetries in the main economic sector of the region are rooted in climatic, economic (liquidation of large agricultural enterprises in the 1990s, local introduction of efficient means and technologies for agricultural production), and demographic factors (active migration, rural depopulation).

Keywords: unevenness, asymmetries of regional economy, statistical indicators, expert opinion, unemployment, low incomes, agricultural industry, livestock breeding, fodder production

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, project no. 122022700133-9 'Asymmetrically Developing Territories to Face Traditional and New Challenges: Exploring Socioeconomic Dynamics and Environmental Changes'.

For citation: Namrueva L. V. Agricultural Development Asymmetries in Contemporary Kalmykia: Results and Prospects. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022; 3: 191–202. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-3-23-191-202

Введение

Преодоление территориальной дифференциации является важнейшим условием обеспечения экономической безопасности России и ее регионов. В последнее десятилетие правительством РФ много сделано по преодолению асимметричного регионального развития. В то же время исследования показывают, что неравномерность регионального развития не преодолена. Согласно разделяемому нами мнению О. Ю. Красильникова, «абсолютной симметрией регионального хозяйства станет такое состояние отраслевой структуры, когда каждая из отраслей будет иметь долю в 10 % по отношению к совокупному выпуску продукции в экономике региона. Любое отклонение от этого показателя характеризует асимметричность регионального экономического развития» [Красильников 2020: 88].

Республика Калмыкия характеризуется экономикой с преобладанием сельского хозяйства, на которое в 2019 г. приходилось

22,6 % валового регионального продукта (по России — 3,5 %), хотя за период с 2016 г. идет постепенное уменьшение его доли в ВРП, при этом в структуре валового регионального продукта промышленное производство занимает 3,5 % (по России — 29,8 %), в том числе обрабатывающие производства — 0,8 % (по России — 13 %) [Эрдниева, Буркутбаева, Цедеев 2020: 78]. Транспортировка и хранение в структуре валового регионального продукта занимают 24,1 % [Республика Калмыкия 2021: 60]. Эти данные свидетельствуют о явной асимметричности развития экономики Калмыкии, одной из последствий которой является бедность, преодоление которой идет медленно, особенно в сельской местности. Однако, как замечают исследователи, в республике уровень бедности значительно снизился с 61,1 % в 2000 г. до 22,7 % в 2020 г. [Методологический инструментарий ... 2020: 88]. Основными причинами высокого уровня бедности являются низкий уровень среднедушевых доходов, высокий уровень дифференциации доходов, высокий уровень безработицы, которые рассмотрены в данной статье.

Республика Калмыкия — один из немногочисленных российских субъектов, в котором доля сельских жителей в общей численности населения преобладает над городским населением и составляла 64,9 % в 1970 г., 56,1 % в 2005 г. и 54,4 % в 2018 г. Это значительно выше, чем в целом по России, соответственно 37,9 %, 26,8 % и 25,4 % [Методологический инструментарий... 2020: 158]. В состав республики входят: 13 муниципальных районов, 127 муниципальных образований, 1 городской округ, 2 городских поселения, 111 сельских поселений, 262 сельских населенных пунктов [Стратегия 2019: 34].

С начала 1990-х гг. в республике, как и по всей стране, развивается многоукладная сельская экономика, которая имеет свои особенности. Так, в Калмыкии малые формы хозяйствования, являясь своеобразным ресурсом развития сельских сообществ региона, доминируют в производстве сельхозпродукции, в трудовой занятости сельского населения. В этой тенденции подтвердились выводы исследователей, высказанные еще в 2006 г. По

их мнению, в регионах с высокой концентрацией населения, где требуются большие объемы производства продукции животноводства с низкой себестоимостью, фермерский уклад не получил широкого распространения, так как не может конкурировать с крупными хозяйствами [Андрющенко 2006: 22]. Плотность населения в Калмыкии очень низкая: составляет 3,7 чел. на 1 км², что меньше среднего показателя по России в 2,3 раза [Стратегия 2019].

По исследуемой тематике в республике чаще всего встречаются работы экономистов, которые в большинстве своем обобщают статистические сведения [Болдырева, Дорджиева, Мукубенова 2015; Болдырева, Дорджиева, Павлова 2016; Курепина, Курепина 2012; Курепина, Шоваева 2014]. Социологи, анализируя состояние экономики республики, обращаются к результатам анкетных опросов различных социальных групп [Намруева, Нусхаева, Бадмаева 2018; Намруева 2019а; Намруева 2020]. Новизна работы заключается в междисциплинарном анализе количественных показателей статистической службы, систематизации проблем неравномерности развития экономики в Республике Калмыкия.

Основой для написания статьи послужили статистические данные социально-экономических процессов, а также научная литература по заявленной теме.

Результаты

Сложные социально-экономические условия жизни населения, ликвидация множества предприятий и учреждений, обеспечивающих трудовую занятость селян и горожан, низкий уровень заработной платы, рост безработицы привели к миграции, сокращению и старению сельского регионального сообщества. В Калмыкии отмечен самый низкий размер среднемесячной заработной платы среди субъектов Российской Федерации доковидного периода (среднее значение по итогам 2019 г. составило 28 617 рублей при среднероссийском — 47 867 рублей). Эта же тенденция сохранилась и в пандемийный 2020 год (см. табл. 1).

Таблица 1. Среднемесячная номинальная заработная плата работников организаций (руб.)

Регионы / годы	2018	2019	2020
Республика Калмыкия	26 049	28 617	32 013
Южный федеральный округ	31 998	34 460	36 620
Российская Федерация	43 724	47 867	51 344

Примечание. Составлено по: [Регионы России 2021: 202].

Среднедушевой денежный доход населения Калмыкии также является низким, сравнение показателей, приведенных в таблице 2, показывает, что за рассматриваемый период среднедушевой денежный доход населения республики в 2,2 раза ниже этого показателя по ЮФО и в 2,5 раза ниже российского среднедушевого денежного дохода населения (табл. 2). Отрадно отметить, что статистические сведения зафиксировали уменьшение доли населения, имеющей денежные доходы ниже величины прожиточного минимума с 26,7 % в 2016 г. до 22,7 % в 2020 г. [Республика Калмыкия 2021: 35]. Но пятая часть населения региона живет за чертой бедности, т. е. есть их доходы ниже прожиточного минимума.

Таблица 2. Среднедушевой денежный доход населения в месяц (руб.)

Регионы / Годы	2018	2019	2020
Республика Калмыкия	12 924	13 864	14 218
Южный федеральный округ	28 475	29 853	30 678
Российская Федерация	33 266	35 338	36 073

Примечание. Составлено по: [Регионы России 2021: 198].

Калмыкия была и остается аграрным регионом с животноводческой специализацией, промышленный потенциал республики развит достаточно слабо. Для аграрной отрасли республики характерны следующие признаки: зависимость от природно-климатических условий (частые засухи), сезонный характер производства, сложные географические особенности территории (полупустыня, малое количество поверхностных вод). Указанные факторы в совокупности усиливают риск получения стабильного дохода сельхозпроизводителями. Поэтому уровень среднемесячной номинальной заработной платы работников аграрной отрасли в полтора раза ниже среднереспубликанского показателя (табл. 3).

Таблица 3. Среднемесячная номинальная заработная плата работников организаций (руб.)

	2017	2018	2019	2020
Республика Калмыкия	22 918,6	26 048,8	28 617,4	32 013,3
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	13 750,5	16 166,6	18 977,5	20 301,2

Примечание. Составлено по: [Регионы России 2021: 35].

Выход из создавшегося неравномерного развития отраслей народного хозяйства, которое длится уже не одно десятилетие и никоим образом не решается, видится в развитии обрабатывающей промышленности, реализации готовой продукции, а не поставки сырья. К сожалению, в республике перерабатывающая промышленность недостаточно развита. Сельхозпроизводители республики поставляют крупный и мелкий рогатый скот в крупные комбинаты, находящиеся за пределами республики, что укрепляет ее статус как мясного поставщика для многих российских регионов. Имеющиеся небольшие предприятия в районных центрах нуждаются в помощи не только финансовой, но и в техническом осна-

щении, технологической поддержке. Это позволит районам республики производить необходимую продукцию высокого качества, востребованную на рынке. К сожалению, такая сельхозпродукция как шерсть, шкуры, не востребована, животноводы годами не могут их реализовать. Об этом автору статьи во время научных командировок сообщали сельские жители [Намруева 2019б; Намруева 2020]. Необходимо, чтобы сельскохозяйственная продукция оставалась, осваивалась в регионе, для этого важно закупать ее по ценам, которые удовлетворяли бы всех сельхозпроизводителей республики.

Для интенсивного развития животноводства необходима прочная кормовая база, которая в былые времена способствовала росту животноводческих показателей. Республика не только обеспечивала себя, но еще поставляла корма в другие регионы. Глава Республики Калмыкия осенью 2021 г. приводит сравнение не в пользу текущего состояния дел в кормопроизводстве: «В советское время была обеспеченность как грубыми, так и концентрированными кормами, и грубых кормов республика производила более 1 млн тонн. В настоящее время производим порядка 400 тысяч тонн в год. Необходимо неиспользованные пашни общей площадью 211 тыс. га планомерно вводить в сельскохозяйственный оборот и использовать их для производства кормов, что позволит значительно снизить риски негативных природно-климатических явлений» [Манжусова 2021: 2]. Животноводы республики надеются, что планы по восстановлению и развитию кормопроизводства позволят им избежать различных рисков и наращивать объемы мясной продукции, тем самым решая задачи продовольственной безопасности.

Регион характеризуется экстенсивным развитием аграрной сферы. Количество поголовья неуклонно увеличивается, при этом численность сельскохозяйственных животных никем не регулируется. Некоторые хозяйства ЛПХ, выращивая по 200–300 голов, а в отдельных случаях значительно больше, практически не платят налоги, кроме налога на землю в 6 соток. Сельские муниципальные образования учитывают количественные показатели только

со слов владельцев личных подворий, а они чаще всего расходятся с реальным количеством. Другая группа сельхозпроизводителей, фермеры, приобретая землю в аренду или в собственность, устанавливают электропастухи на своих территориях, дабы контролировать пастьбу скота, не допустить его кражу. Повсюду в республике сокращается площадь пользования земель для индивидуального сектора, а поголовье не сокращается. Увеличение нагрузки на почву чрезмерным количеством скота приводит к нежелательным последствиям, когда припоселковая территория постепенно превращается в пустыню [Намруева 2022: 107].

Специфичность Республики Калмыкия заключается в аридности климата, ярко выраженной неустойчивости аграрного производства, высокой доли земель сельскохозяйственного назначения (более 90 %), значительная часть которых подвержена деградационным процессам (дефляции, дезертизации и др.) [Методологический инструментарий... 2020: 158]. Увеличение объемов производства продукции животноводства, т. е. количественное увеличение поголовья представляет собой угрозу для хрупкой экосистемы степи.

В республике весьма малочисленны коллективные организации, производящие сельхозпродукцию, при этом активно развиваются индивидуальные хозяйств (КФХ, ЛПХ). Считаем, что необходимо сбалансированное участие всех форм хозяйствования в развитии экономики республики. Правда, весь 30-летний постсоветский период показал, что малый сельский бизнес в республике способен решать задачи удовлетворения потребительского спроса на высококачественное и персонализированное продовольствие (в том числе органическое), расширение ассортимента продукции за счет продукции региональных и местных брендов, адаптации выпуска к динамичному изменению потребительских предпочтений более эффективно, чем крупный.

В этой связи академик РАН и его коллеги совершенно справедливо отметили роль малого предпринимательства на селе. Развитие малого предпринимательства в различных сферах останавливает миграцию сельского населения, не допускает социально-

го опустынивания сельских территорий, так как решает вопросы занятости и доходов сельского населения. Таким образом, малые формы позволяют сохранить сельские поселения, имеющуюся там социальную и инженерную инфраструктуру и в дальнейшем развивать ее [Петриков, Гатаулина 2021: 66]. Роль аграрной отрасли как двигателя экономического роста и фактора продовольственной безопасности в республике заключается не только в производстве продуктов питания, но и в решении проблем трудовой занятости населения, увеличении его доходов, сохранении и развитии сельских территорий.

Выводы

При отсутствии других направлений экономики (обрабатывающая промышленность, транспорт, строительство и др.) неравномерность отраслей способна привести к возникновению структурных деформаций и диспропорций. За ними следуют дезинтеграция экономического пространства региона, хозяйственный сепаратизм, которые свидетельствуют о снижении эффективности функционирования региональной экономики. Проведенный анализ неравномерности развития аграрной отрасли в современной Калмыкии показал, что к числу наиболее актуальных и приоритетных направлений относятся:

- развитие среднего слоя предпринимателей, имеющих перерабатывающие предприятия, оснащенные современными технологиями (консервные цеха);

- развитие обрабатывающей промышленности и в растениеводстве, и в животноводстве, реализация готовой продукции, а не поставки сырья;

- развитие кормопроизводства для снижения зависимости аграрной отрасли от природно-климатических условий;

- всем формам хозяйствования необходимы реальная помощь в виде увеличения грантовой поддержки и их государственное субсидирование, создание в стране необходимых условий для справедливой реализации продукции, произведенной сельскими тружениками.

Литература

- Андрющенко 2006 — *Андрющенко С. А., Бондаренко Ю. П., Бурлаков В. Б., Виноградская О. Я.* Социально-экономические проблемы развития фермерского уклада в России // Устойчивое развитие агропродовольственного сектора как важнейший фактор социально-экономической стабильности России: Мат-лы II Всерос. конгресса экономистов-аграрников (13–15 февраля 2006 г., г. Москва). Ч. II. М.: Росинформагротех, 2006. С. 21–25.
- Болдырева, Дорджиева, Мукубенова 2015 — *Болдырева Е. С., Дорджиева О. Б., Мукубенова Э. Э.* Эволюция финансовой системы аграрного региона на примере Республики Калмыкия // Международный сельскохозяйственный журнал. 2015. № 5. С. 30–33.
- Болдырева, Дорджиева, Павлова 2016 — *Болдырева Е. С., Дорджиева О. Б., Павлова Н. Ц.* Сетевое взаимодействие как фактор становления сознательности и грамотности налогоплательщиков // Бизнес. Образование. Право. 2016. № 1 (34). С. 95–99.
- Красильников 2020 — *Красильников О. Ю.* Асимметричность структурного развития экономики регионов России // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. Т. 20. Вып. 4. С. 384–390. DOI: 10.18500/1994-2540-2020-20-4-384-390
- Курепина, Курепина 2012 — *Курепина Н. Л., Курепина М. В.* Проблемы эколого-экономической безопасности аридных территорий Юга России // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Сер.: Социально-экономические науки. 2012. № 2. С. 162–166.
- Курепина, Шоваева 2014 — *Курепина Н. Л., Шоваева М. В.* Экономико-правовые аспекты экономической безопасности региона // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. 2014. Т. 4. № 60. С. 69–72.
- Манжусова 2021 — *Манжусова В.* От экстенсивного развития — к интенсивному // Хальмг унн. 2021. 21 октября. С. 2.
- Методологический инструментарий 2020 — Методологический инструментарий оценки угроз экономической безопасности полиэтничного региона / Курепина Н. Л., Волгин В. Л., Намруева Л. В., Павлова Н. Ц., Рубеко Г. Л., Шоваева М. В., Дорджиева Б. В. Элиста: Калм. ун-т, 2020. 284 с.
- Намруева, Нухаева, Бадмаева 2018 — *Намруева Л. В., Нухаева Б. Б., Бадмаева Н. В.* Развитие сельских территорий Юга России: комплексный анализ социально-экономических процессов. Отчет о НИР.

- 2018 г. (Министерство науки и высшего образования) // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 27. Оп. 1. Д. 113. 294 с.
- Намруева 2019а — *Намруева Л. В.* Взаимодействие коллективного и семейного укладов в южнороссийских селах (по материалам исследования 2018 г.) // *Logos et Praxis*. 2019. № 2. С. 134–141. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2019.2.12
- Намруева 2019б — *Намруева Л. В.* Мозаика современной жизни сельского населения Калмыкии (по итогам качественных исследований 2019 г.) // *Oriental Studies*. 2019. Т. 12. № 5. С. 938–944. DOI: 10.22162/26190990-2019-5-938-944
- Намруева 2020 — *Намруева Л. В.* Штрихи к портрету сельских территорий Калмыкии (по итогам научной экспедиции 2019 г.) // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 5. С. 1371–1377. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-51371-1377
- Намруева 2022 — *Намруева Л. В.* Экологическая ситуация в современной Калмыкии: междисциплинарный анализ // *Новые исследования Тувы*. 2022. № 2. С. 102–114. DOI: 10.25178/nit.2022.2.7
- Петриков, Гатаулина 2021 — *Петриков А. В., Гатаулина Е. А.* Об актуальных направлениях аграрной политики и совершенствования государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия // *Аналитический вестник*. 2021. № 9(769). С. 62–69.
- Республика Калмыкия 2021 — Республика Калмыкия. Статистический ежегодник. 2021: стат. сб. Элиста: Астраханьстат, 2021. 164 с.
- Регионы России 2021 — Регионы России. Социально-экономические показатели. стат. сб. М.: Росстат, 2021. 1112 с.
- Стратегия 2019 — Стратегия социально-экономического развития Республики Калмыкия на период до 2030 года: Постановление Правительства Республики Калмыкия от 24.12.2019. № 388 [электронный ресурс] // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0800201912310008> (дата обращения: 01.07.2022).
- Эрдниева, Буркутбаева, Цедеев 2020 — *Эрдниева Э. В., Буркутбаева Н. А., Цедеев А. Б.* Факторы, сдерживающие устойчивое развитие региона (на примере Республики Калмыкия) // *Теория и практика хозяйственного развития: разработка новых и адаптация существующих методов, механизмов и инструментов*. Мат-лы науч.-практ. конф. (18 декабря 2020 г., г. Элиста). Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 77–80.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**БЮЛЛЕТЕНЬ
КАЛМЫЦКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН
BULLETIN
OF THE KALMYK SCIENTIFIC CENTER OF THE RAS**

Главный редактор: В. В. Куканова

2022. № 3

Переводчик *Джагрунов С. В.*
Компьютерная верстка *Татнинов Д. В.*

Дата выхода 03.11.2022. Формат 60x90/16.
Усл. печ. л. 12,7. Тираж 100 экз. Заказ 31-22.
Подписной индекс 33086. Цена свободная.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,

Тел. +7(84722) 3-55-06
Сайт: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>
E-mail: publ.kscras@gmail.com

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8

